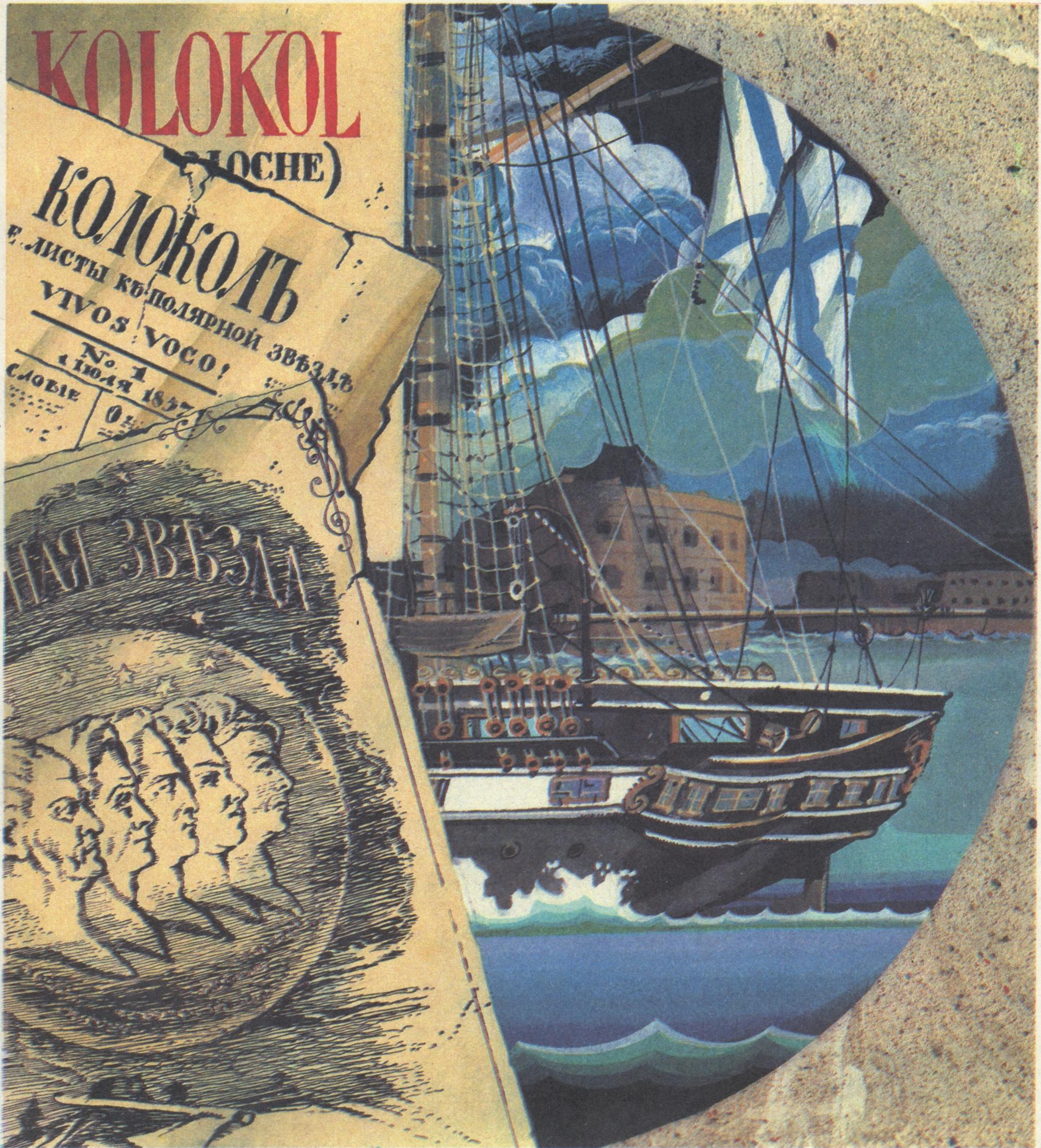

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ
1989

КОСТЁР

11
ноябрь

1989

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с июля 1936 года
© «Костер», 1989.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ

Рожденное Октябрем очерк М. Ирошникова	1
Судное дело гардемарина Дьяконова очерк А. Стрелова	3
Аленкины каникулы повесть Н. Коняева	7
Маленькая художница с длинной фамилией заметка Л. Каминского	14
Ответы на сердитые письма беседа с председателем Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина И. Н. Никитиным	16
Барaban сообщения юнкорov	18
Крокодил рассказ М. Москвиной	21
О подвиге вашего юнкора очерк М. Ашика	22
Нож рыбамастера Кращикова рассказ А. Гостомыслова	24
Творчество твоих ровесников	27
Мой друг Сабонис и другие очерк С. Йовайши	28
Две правды Фенимора Купера очерк А. Ефремова	30
Если по-честному...	32
Рыжий рассказ В. Воскобойникова	33
Озеро Жувинтас репортаж А. Соснова	36
Путешествие по Роботландии	38
Веселый звонок	40
Зеленые страницы	42
Спортклуб «Кузнечик»	45
Арчебек шахматы и шашки	47

На обложке рисунок В. Цикоты
к очерку А. Стрелова
«Судное дело
гардемарина Дьяконова»

РОЖДЕШНОЕ ОКТЯБРЕМ

Перед нами удивительный документ — фото-плакат, выпущенный в 1922 году к празднованию 5-й годовщины Революции. На нем изображены герои Октября — члены первого Советского правительства, которое возглавлял Владимир Ильич Ленин.

Так случилось, что не только в школьных, но и в вузовских учебниках истории фотографии многих наркомов долгие годы не печатались, а их имена даже не упоминались. В результате несколько поколений советских людей даже не представляют, как выглядели эти герои.

Внимательно взгляните в эти лица, постарайтесь запомнить их имена и фамилии.

Верхний ряд слева направо — народный комиссар почт и телеграфов Валериан Савельевич Довгалецкий, нарком рабоче-крестьянской инспекции Александр Дмитриевич Цюрупа, нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Михаил Иванович Калинин, нарком внешней торговли Леонид Борисович Красин, нарком финансов Григорий Яковлевич Сокольников, нарком продовольствия Николай Павлович Брюханов.

Средний ряд: председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Петр Алексеевич Богданов, нарком здравоохранения Николай

Александрович Семашко, заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) и председатель Моссовета Лев Борисович Каменев, председатель СНК Владимир Ильич Ульянов (Ленин), заместитель председателя СНК Алексей Иванович Рыков, нарком земледелия Василий Григорьевич Яковенко, нарком социального обеспечения Владимир Павлович Милютин.

Нижний ряд: председатель Верховного ревтрибунала и заместитель наркома юстиции Николай Васильевич Крыленко, нарком юстиции Дмитрий Иванович Курский, нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, председатель Реввоенсовета и нарком по военным делам Лев Давидович Троцкий, нарком путей сообщения, внутренних дел и председатель Государственного политического управления (ГПУ) Феликс Эдмундович Дзержинский, нарком труда Василий Владимирович Шмидт, нарком по делам национальностей Иосиф Виссарионович Сталин.

Что мы обязаны знать и помнить, говоря о первом Советском правительстве?

Большая часть членов ленинского совнаркома пришла в революцию из семей рабочих, крестьян и демократической интеллигенции, объединив в своем составе русских и украинцев, белорусов и евреев, поляков и латышей, армян и грузин. За всю историю нашего государства это первое советское правительство было самым молодым по возрасту наркомов и заместителей наркомов.

15 человек имели возраст от 55 до 47 лет.

47 лет было в 1917 году Владимиру Ильичу Ленину.

38 человек — от 46 до 37 лет и 33 человека — от 36 до 27 лет. А 4 человека были еще моложе.

По свидетельству современников, первый Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире.

А ведь все они до исторических событий Октября были профессиональными революционерами, неоднократно арестовывались, многие годы провели в царских тюрьмах, ссылках и в эмиграции.

И наконец — еще два важных вопроса. Как родилось первое Советское правительство? И что можно рассказать о самих наркомах?

С первым вопросом легче. На него они ответили по существу сами.

Лев Борисович Каменев: «...в нижнем этаже Смольного, в маленькой 36 комнате под председательством Ленина вырабатывался первый список Народных Комиссаров, который я на следующий день огласил на съезде. Помню, как тов. Ленин предложил назвать новую власть Рабоче-Крестьянским правительством. Тут же были прочтены и рассмотрены написанные лично Лениным декреты о земле и мире...»

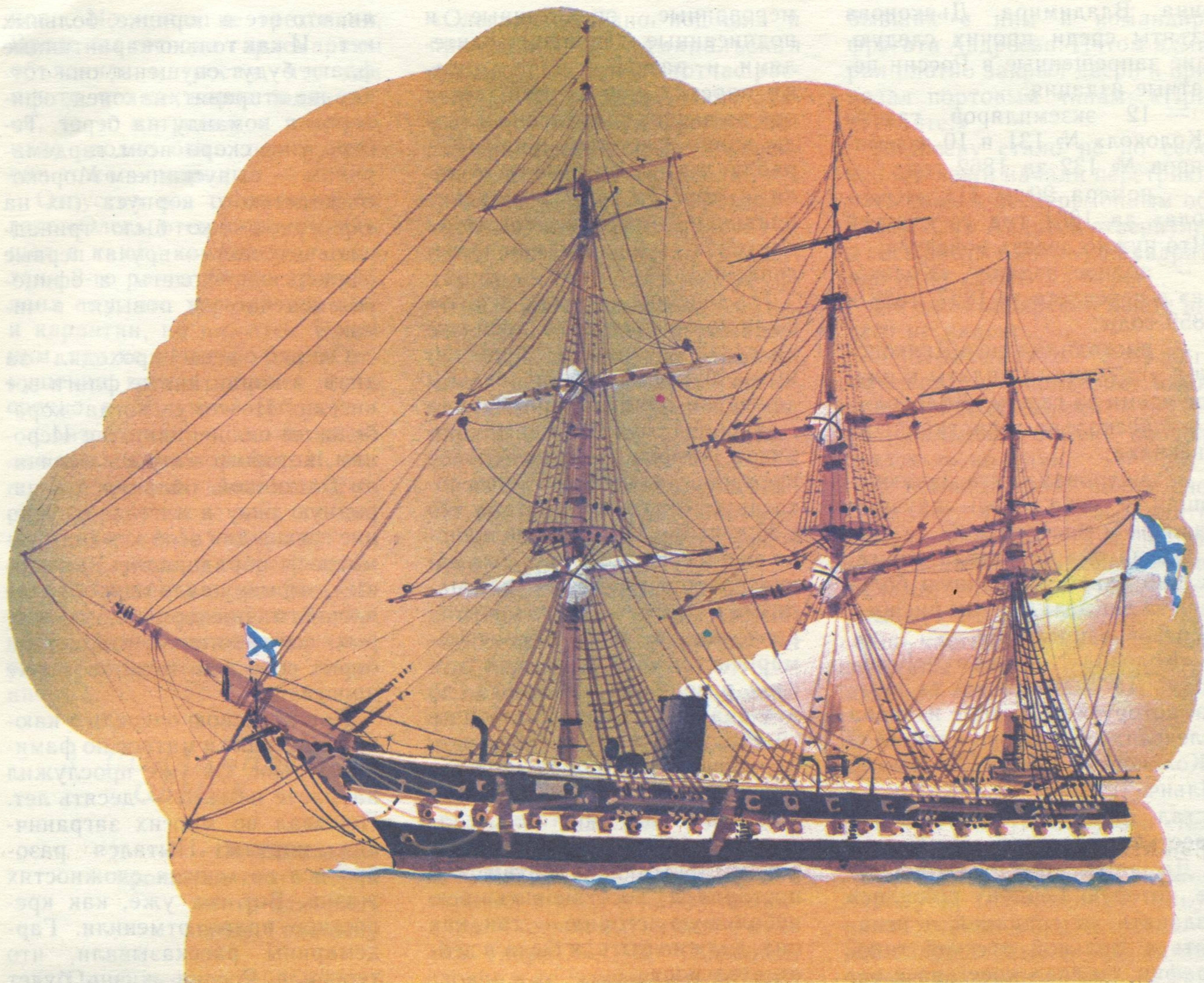
Владимир Павлович Милютин: «24 октября, часов в 12 ночи, или же позднее, так как в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, многие из нас не спали в течение нескольких суток... Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит тов. Берзин. Ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я...»

Идет обсуждение дальнейших планов действий. В один из перерывов я предложил составить список будущего правительства. Взял карандаш и клочок бумаги и сел за стол. Предложение некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему, как к шутке. Но, в конце концов, все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов. «Временное Правительство» всем казалось затасканным, и потом самое слово «временное» отнюдь не отвечало нашим видам... Название «министрами» еще более отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором сразу все сошлись — «Народный Комиссар». «Да, это хорошо, — сейчас же подхватил Ленин. — Это пахнет революцией». «А Правительство назвать Совет Народных Комиссаров», — подхватил Каменев».

Что же касается второго вопроса, то здесь все сложнее. Биографии наркомов настолько интересны и любопытны, что просто невозможно отделаться скороговоркой. Требуется не один, а, как минимум, несколько исторических очерков на эту тему. Должны же мы, наконец, знать всех ближайших соратников Ленина, стоявших у истоков рождения Советского государства.

М. ИРОШНИКОВ,
доктор исторических наук, профессор

судное дело гардемарина дьяконова

А. СТРЕЛОВ

Рисунки В. Цикоты

1. ОПИСЬ, СДЕЛАННАЯ ФИОЛЕТОВЫМИ ЧЕРНИЛАМИ

Работал я в Морском архиве, где пытался отыскать все, что касалось носовых украшений русских военных кораблей.

Это нужно мне было для довольно-таки специальной статьи, которую я никак не мог окончить.

И вот однажды в подшивке бумаг, относившихся к плаванию парусно-винтового фрегата «Олег», я натолкнулся на документ, очень далекий от витязей с мечами и копьями, ру-

салок, медведей с протянутой лапой и прочего, что вырезали из дуба русские и иноземные мастера, и того, что украшало носы бригов, фрегатов и корветов много-много лет назад... Это была опись, сделанная каким-то писарем. Сделанная наспех фиолетовыми чернилами и гласившая, что у гардема-

рина Владимира Дьяконова изъяты среди прочих следующие запрещенные в России печатные издания:

— 12 экземпляров газеты «Колокол» № 131 и 10 экземпляров № 132 за 1862 год;

— номера 90 и 111 «Колокола» за 1861 год со статьей «Что нужно делать войску?»;

— полное издание «Колокола» в переплете за 1857, 1858 и 1859 годы;

— расходная книга Дьяконова с указаниями уплаты в разное время за газету «Колокол»;

— несколько листов из дневника;

— шнуровая книга, заключающая в себе смесь научных записок и впечатлений...

Я еще раз перечитал внимательно опись, сделанную больше ста лет назад неким писарем морской канцелярии.

«Колокол»! Газета «Колокол»! Да ведь это же та газета, которую в Лондоне издавал Александр Иванович Герцен! О «Колоколе» писал Владимир Ильич Ленин: «...«Колокол» встал горой за освобождение крестьян...»

Да, да! В этой русской газете, которую Герцену пришлось издавать за границей и печатать в Вольной русской типографии, он звал крестьян к революции! «Колокол» будил все лучшее в России... Газету провозили нелегально и чаще всего на кораблях, которые ходили в заграничные плавания... В том числе и на военных... «Колокол»... Гардемарин Дьяконов... Фрегат «Олег»...

Впрочем, больше в тот раз я о Дьяконове ничего, конечно, узнать не смог...

Но сделал копию описи и, как только закончил работу над новыми украшениями — а надо сказать, что это были подлинные шедевры искусства, — я решил поискать документы, относившиеся к этой, пока совершенно неясной для меня истории...

Снова начались архивные поиски. Справки, запросы, ответы... Толстые папки с подшитыми документами, которых, может быть, никто до меня и не касался с того дня, как прошнурованные и прону-

мерованные, опечатанные и подписанные делопроизводителями и разными начальниками царских еще времен, легли они на вечное сохранение... Люди давно уже поумирали. Корабли, на которых они ходили в кругосветные и дальние плавания, — остались только на картинах, гравюрах или фотографиях...

Постепенно я понял, что это была за опись, попавшаяся мне на глаза случайно... За архивными бумагами были судьбы даже не одного гардемарина Дьяконова, судьбы многих моряков. Эпоха... Удивительное время, когда еще были живы последние декабристы, потому что с 25 декабря 1825 года не прошло еще и сорока лет. Но уже надвигалось и тревожное для царизма время — народников, разночинцев, революционеров-марксистов... И до первой русской революции 1905 года, до лейтенанта Шмидта было почти столько же... От 1825 года, от первых восставших моряков Гвардейского морского экипажа, вышедших вместе с солдатами на Сенатскую площадь... По архивным документам я и постарался восстановить всю небольшую историю — так, как она, должно быть, и была в действительности...

2. ОТЕЦ ИЕРОНИМ СПЕШИТ...

В самом конце мая, после трехлетнего плавания на кронштадтском рейде встали на якоря два красивых корабля с высокими мачтами и изящной изогнутостью палуб — «Олег» и «Громобой».

Все на них, как и обычно на военных кораблях, — было в порядке: снасти натянуты втугую, паруса убраны, трубы паровых машин (а это были парусно-винтовые фрегаты) не дымили, команды переоделись во все чистое.

Позади было Средиземное море, позади Северное и Балтийское...

Теперь корабли стояли на якорях, и на их реях ветер развеивал карантинные флаги. Однако командиры фрегатов зна-

ли, что все в порядке, больных нет... И как только карантинные флаги будут спущены, они тотчас же отправят, наконец, офицеров и команду на берег. Теперь уже скоро всем гардемаринам — выпускникам Морского кадетского корпуса (их на «Олеге» только было тринадцать человек) — вручат первые офицерские эполеты, а офицеров конечно уж повысят в чинах...

Однако день проходил за днем, а карантинные флаги все висели. Поэтому, когда корабельный священник отец Иероним, которого матросы величали Батюшкой, облачился в парадную ризу и затеял отпущение грехов для всей команды, — матросы обрадовались: во-первых, это нарушало однообразие якорного распорядка, во-вторых, все-таки легче сходить на берег, если все грехи тебе уже простили...

Пошел в свою очередь в каюту к Батюшке и матрос по фамилии Ильин. Он уже прослужил на флоте немало — десять лет. Побывал во многих заграничных портах. Пытался разобраться во многих сложностях жизни. Вот год уже, как крепостное право отменили. Гардемарины рассказывали, что теперь в России жизнь будет посвободней... Что барин уже крестьянина пороть не имеет права... Может, смуту сеют эти гардемарины?

Батюшка грехи недавние Ильину отпустил, но стал спрашивать о грехах, что были еще, когда фрегаты стояли во французском порту Тулоне, и в английском Портсмуте, и в немецком Гамбурге. Полюбопытствовал Батюшка и о странном: книжицы какие-нибудь у матросов, купленные там, за границей, имеются ли?

И простодушный Ильин, комкая в руках бескозырку, чуть слышно ответил Батюшке, что да, мол, такую книжицу видел. У подшкипера...

— Отпускаю тебе и этот грех! — сказал поспешно Батюшка и спросил еще: от кого подшкипер книжицу получил и о чем книжица? Не грех ли такую читать на ночь?

— От господ гардемарин-

нов... Но книга не греховная. Вроде бы господа гардемарины объясняли матросам, что там про то, что как народ поднимется, то и матросам с народом надо заодно быть, потому как они тоже — народ...

Отпустив все грехи на фрегате «Олег», отец Иероним прошел в каюту командира, капитана 2-го ранга Андреева и заявил ему, что хоть на корабле и карантин, но он, отец Иероним, тем не менее по делам отпущения грехов должен быть срочно в Морском соборе...

Святое дело — закон даже для командира корабля. И, выполняя приказ капитана 2-го ранга, сразу после заката солнца, взблескивая мокрыми лопастями весел, к берегу понеслась корабельная шлюпка. На руле сидел гардемарин Дьяконов, а единственным пассажиром в шлюпке был отец Иероним.

3. ПОВАЛЬНЫЙ ОБЫСК

**От командира
кронштадтского порта
контр-адмиралу
князю Голицыну**

«...По донесению особой важности корабельного священника флота Его Императорского Величества фрегата Балтийской эскадры «Олег» отца Иеронима произвести СРОЧНО на вышепоименованном фрегате повальный обыск, не исключая всех старших офицеров и самого командира...

Для чего под Вашим пристрастным наблюдением и назначить из портовых чинов, числом не менее шести, Следственную комиссию...»

Тринадцатое число, как всем известно, по старинным еще флотским приметам ничего хорошего морякам никогда не сулило. Поэтому никто на «Олеге» не удивился, что именно 13 июля 1862 года случилось нечто гораздо худшее, чем болтающийся в безветрии карантинный флаг: начались события, лишившие моряков долгожданного увольнения на берег...

К подветренному борту

«Олега» медленно подошла и причалила адмиральская шлюпка. По палубе тотчас рассыпали трели боцманские дудки, и вся команда фрегата выстроилась на шкафуте, на средней части палубы корабля.

Слева — матросы, правее — гардемарины, еще правее — двадцать два офицера. Командир отдал адмиралу рапорт, но по виду князя-адмирала и по нахмуренным лицам прибывших с адмиралом высоких портовых чинов понял, что дело серьезнее обычного... Адмирал же, приняв рапорт, сухо приказал:

— Всем быть в строю, в том числе и господам офицерам! До приглашения их в каюты...

На корабле началось доселе невиданное...

Адмирал спустился по командирскому трапу в артиллерийскую палубу. В ее кормовой части переборкой была отгорожена каюта командира корабля. Возле входа в нее — привинченный к палубе большой железный ящик. Его называли денежным. Кроме денег, здесь же хранились важные корабельные документы. Ящик круглые сутки охранял часовой. Он же охранял и вход в каюту командира. Часовой вытянулся и взял «на караул», но адмирал, словно и не заметив его, прошел в каюту, пропустил всех при-

бывших с ним и командира фрегата Андреева. Потом адмирал плотно закрыл дверь и приказал портовым чинам: «Приступайте!»

Андрееву стало не по себе: все его вещи начали перетряхивать самым бесцеремонным образом. Сам Андреев отвернулся и весь обыск смотрел в квадратное окно каюты на берег...

Но в командирской каюте ничего не нашли...

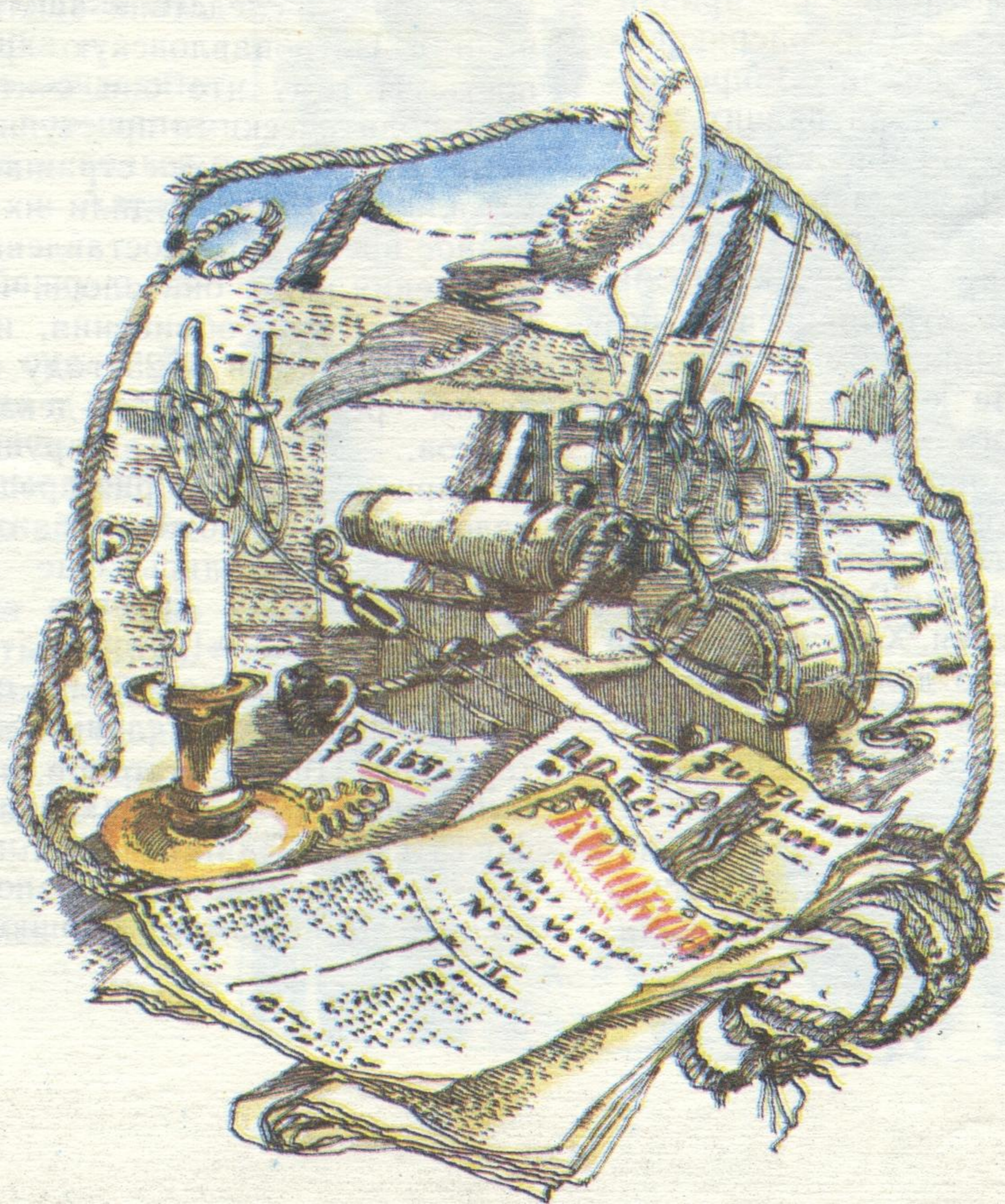
— Пригласите старшего офицера! — приказал адмирал. — Где его каюта?

Повальный обыск продолжался до полудня...

В командирскую каюту сносили все, что удалось найти. Нашли же немало. Тот листок, исписанный фиолетовыми чернилами, что попался мне в архиве с самого начала, был лишь частью списка, куда были занесены многие запрещенные издания.

4. СЛЕДСТВИЕ...

Кроме уже упомянутого «Колокола», на «Олеге» были найдены воззвания «Что нужно народу?», сочинения Бакунина, журнал «Будущность» — всё запрещенные в России печатные издания. Большой тюк изъятой литературы был погру-

жен в адмиральскую шлюпку. Туда же под конвоем спустились и два гардемарина — Дьяконов и Трувеллер.

На «Громобое» обыск дал столь же ошеломительный результат: сочинения Огарева, «Русская потаенная литература XIX столетия», журнал «Полярная звезда»... Тяжелым был день 13 июня 1862 года...

Доложили царю. Царь повелел провести тщательное расследование и поручил сделать это «Особой следственной комиссией по случаю распространения в Санкт-Петербурге печатных преступного содержания воззваний и покушения некоторых лиц возбудить воинские чины против правительства».

Следствие шло долго. Наблюдал за ним представитель жандармского управления. Протоколы, объяснительные записки, запросы — подшивались в толстые тома. Запросили русского консула в Копенгагене, куда заходили фрегаты. Запросили Лондон. Через полицейских агентов в Лондоне установили, что при стоянке в Портсмуте гардемарин Трувеллер дважды ездил в Лондон и там купил литературы на 250 рублей серебром. Два больших заколоченных ящика он привез на корабль и сказал, что купил старинные церковные книги. Один ящик осмотрели — правда. Другой не стали распаковывать — поверили. Запрещенная же литература, значит, тамто и была... В конце концов гардемарин Трувеллер сознался, что пытался за границей даже приобрести словолитню, чтобы распространять сочинения, подобные сочинениям Огарева, в России. Не купил, потому что было дорого... А помогал ему в этом Дьяконов...

Дьяконов же сознался, что он, бывши за границей, интересовался идеями Герцена и читал его сочинения. Хотя и сказал на допросе, что делал все это «по неопытности и по неосторожности привез запрещенные издания».

Особая следственная комиссия собирала сведения об обоих обвиняемых. Установили,

что Дьяконов и Трувеллер — из небогатых дворянских семей. Обоим только что исполнилось по 21 году.

Владимир Дьяконов — воспитанник Морского кадетского корпуса. Отец его — ветеран Отечественной войны 1812 года, служил на флоте и плавал у английских берегов. Весьма гордился тем, что сын его пошел также на флот. Сам Владимир ходил в заграничное плавание кадетом на линейном корабле «Гангут», где и был произведен в гардемарины. Три года плавал на «Олеге» и ждал производства в первый офицерский чин — чин мичмана...

Владимир Трувеллер рано остался без отца, и мать дала согласие на просьбу сына поступить в Петербургский Университет. Весной 1861 года Трувеллер подал прошение о зачислении его на военно-морскую службу. С чином юнкера получил назначение на «Ослябя», фрегат.

В октябре Особая следственная комиссия начала составлять обвинение...

5. УЗНИКИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Дьяконова и Трувеллера с самого начала следствия заключили в Петропавловскую крепость. Потому что они считались политическими преступниками, то есть самыми страшными для царизма. Судили их в разное время. При составлении обвинения вдруг оказалось, что главный пункт обвинения, испытанный еще в 1825 году по делам революционеров-декабристов, — обвинение в нарушении присяги на этот раз предъявлено быть не может. Оба обвиняемых оказались еще не приведенными к присяге «на верность службы»! Что делать? Начались новые допросы и поиск новых дополнительных материалов. Писарь Антонов, как выяснилось, говорил в плавание фрегатскому священнику, что юнкер Трувеллер давал подкиперу Евдокимову брошюру

«Что нужно делать войску?» Трувеллер же, по словам некоторых членов команды, убеждал их в «несправедливости насилия и гонений, испытываемых народом...» Словом, колеса следственной судейской машины вертелись... Первым предстал перед судом Дьяконов. То, что он не был приведен к присяге, и отсутствие прямых улик против него определило сравнительно мягкий приговор: всего три месяца содержания в крепости, не считая того, конечно, что он уже отсидел...

Трувеллера же судили много позже, в 1864 году. По его делу следствие затягивалось. Определялось состояние его здоровья, выяснялись дополнительные обстоятельства дела. Наконец было определено наказание и Трувеллеру: «Лишить воинского звания, всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на десять лет...»

6. ЧТО МОЖНО НАЙТИ В СТВОЛЕ ПУШКИ?

Фрегат «Олег» был новым кораблем. Свой век не отслужил. На зиму командование флота решило фрегат разоружить и отправить на послепоходный ремонт. Когда снимали орудие, установленное в каюте командира, в его стволе обнаружили 186 воззваний «Что нужно народу?», подстрекавших к прямому бунту против властей... Снова забегали жандармские чины. Но как попали воззвания в пушку, которая стоит в каюте самого командира корабля, никто узнать так и не смог. У двери каюты ведь всегда стоял часовой, а орудийный порт, предназначенный для стрельбы из кормового орудия, за ненужностью был всегда закрыт и опечатан...

Во всяком случае, спустя некоторое время командир «Олега» капитан 2-го ранга Андреев был «отчислен от должности»...

Дело же это долго еще будоражило умы многих людей в России...

Алёнкины Каникулы

Н. КОНЯЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. Филипенко

А дома бабушка спокойно варила свои варенья. Еще не отошла клубника, а уже поспела вишня, и бабушка аккуратно наклеивала на закатанные банки самодельные этикетки: «Варенье клубничное. 1986», «Компот вишневый. 1986». Она заготавливала на зиму варенье и ничего не знала. Не знала, что пропал Дик.

Аленка заплакала и ушла на скамеечку. Села там, у калитки.

Здесь она и сидела, когда показались в переулке двое взрослых парней в спецовках. В руках они тащили коробку...

С испуганно бьющимся сердцем Аленка поднялась со скамейки и молча смотрела, как подходят парни.

— Это не Ивана Ефимовича щенок?

— А где? Где он?

— Здесь! — улыбнулся высокий парень. — В коробке.

— Дик?! — воскликнула Аленка и бросилась к коробке, торопливо раздирая картон, раскрыла ее и испуганно отшатнулась. В коробке жалобно скулило что-то черное, покрытое мохнатой грязью.

— Он в гараж к нам забежал! — весело сказал высокий парень. — И сразу в автол забрался...

— Дик! — воскликнула Аленка и схватила грязно-липкого щенка на руки.

— Смотри, чтобы в следующий раз не убежал! — сказал парень, но Аленка не слышала его, она целовала жалобно скулящего Дика.

Тут же, у калитки, она и попыталась почистить щенка, но Дик, оказавшись на земле, порывался снова убежать. Пришлось отнести его в вольер. Надо было теперь раздобыть тряпок, и Аленка отправилась в дом.

Бабушка чуть не уронила из рук банку с вареньем, когда увидела Аленку.

— Внушенька... — только и сказала она. — Да ты что? Где ты нефти-то столько нашла у нас?

— Подожди, бабушка! — отмахнулась от нее Аленка. — Мне некогда. Где у тебя старые тряпки?

— А ну, марш в корыто! — строго сказала бабушка. — Вот наказание-то, господи...

Аленка хотела было вырваться, но бабушка крепко держала ее, и пришлось смириться. Впрочем, Аленка тут же утешилась. Бабушка вытащила из шкафчика какие-то бутылки с растворителями и этой жидкостью принялась оттирать с Аленки пятна автола. Про растворители Аленка бы не сообразила. С растворителями-то она запросто Дика отчистит. Возьмет эти бутылочки и все сделает сама. Аленка успокоилась и даже повеселела.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вернувшись с работы, Иван Ефимович сразу завел Индуса в вольер. Потом пошарил рукой, нащупывая бидончик с едой для собак, что должен был стоять у калитки вольера.

Когда Иван Ефимович нащупал бидончик, Индус, взяв зубами пустую миску, уже поднес ее. Положил возле ног хозяина и чуть отвернулся в сторону, как бы и не интересуясь, наполнят ее овсянкой или нет.

Зато Дик, успевший покрыться пылью, сразу бросился на хозяина. Подскакивая на неуклюжих лапах, он тыкался носом в руки и нетерпеливо повизгивал.

— Погоди, попрошайка! — проговорил Иван Ефимович. — Вначале работнику нальем.

И он нагнулся над миской Индуса, наполняя ее загустевшей овсянкой. Когда миска наполнилась до краев, Индус, смотревший в сторону, деликатно гавкнул.

— Ну, вот... — сказал Иван Ефимович, отставляя в сторону миску. — Индус!

Индус неторопливо встал и направился было к своей миске, но Дик уже опередил его. Урча, накинулся на овсянку.

Индус внимательно посмотрел на Ивана Ефимовича и снова негромко гавкнул.

— Вот безобразник какой! — возмутился Иван Ефимович и, вылив остатки каши в маленькую мисочку, уверенно схватил рукой визжащего щенка и оттащил в сторону. Поставил перед ним его мисочку.

Только после этого, благодарно вильнув хвостом, Индус принялся аккуратно есть. А Дик и не заметил, кажется, перемещения. Только заурчал, уткнувшись в миску.

— Глупый ты еще... — проговорил Иван Ефимович. — Совсем глупый.

Он послушал, как едят собаки, и вышел из вольера, аккуратно прикрыв за собой калитку.

На руку что-то налипло и Иван Ефимович нагнулся, сорвал пучок травы. Вытер руку...

Когда дед вошел в дом, Аленка уже успела надеть чистое платье и собиралась бежать в вольер мыть Дика. И тут она увидела деда...

— Дедушка?! — едва слышно спросила она. — Ты Дика ходил кормить?

Бабушку насторожил ее голос. Оторвавшись от тазика с вареньем, она повернулась к Ивану Ефимовичу, и ложка выпала из ее рук.

— Господи! — только и сказала она. — Да где же ты вывозился-то так, Ваня?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Больше всего Аленка переживала, что не удастся отчистить Дика. Поэтому она очень удивилась, когда увидела, что дед расстроился, только когда узнал, что Дик не сам сбежал из вольера, а это Аленка увела его на улицу.

Еще сильнее он расстроился, узнав, что это случилось уже не в первый раз. Складками собралась черная повязка на его глазах.

— Так что же? — спросил он. — Вы и кормили его?

И Аленке показалось тогда: дед переживает, что Дик бегал целыми днями голодный. Она поспешила успокоить его.

— Ну что ты, бабушка! — сказала она. — Конечно, мы кормили Дика. Мы, бабушка, даже дрессировали его. Мы тебе хотели помочь, понимаешь?

К субботе бабушка отмыла Дика, и снова он стал светло-рыжим, забыл о недавних мучениях. Весело гонялся в вольере за собственным хвостом.

В субботу, как и просил дедушка, Аленка собрала своих друзей, занимавшихся дрессировкой Дика, во дворе дома.

— Все в сборе? — спросил, выходя на крыльцо, Иван Ефимович.

— Все...

— Тогда пошли! — скомандовал Иван Ефимович. Он распахнул перед друзьями калитку вольера. — Проходите, проходите!

Опасливо поглядывая на Индуса, разлегшегося в глубине вольера, ребята вошли внутрь. Индус даже не взглянул на гостей. Глаза его были прикрыты, и со стороны казалось, что он спокойно спит. Но обманчивым было это впечатление. Вот нахальная муха неосторожно пролетела возле него и сразу — мгновенно щелкнули зубы, и муха исчезла, а Индус опять уложил тяжелую голову на вытянутые вперед лапы и прикрыл глаза.

— Ну, что ж, ребята... — сказал Иван Ефимович. — Алена мне рассказала все. Я не собираюсь ругать вас. Я прошу вас помочь исправить ошибку. Дика надо дрессировать. Это служебная собака. Его взяли из питомника не для баловства, а для работы. А вы, к сожалению, разбаловали его. Это надо исправить. Согласны помочь мне? Все смущенно кивнули.

— Ну и отлично! — проговорил Иван Ефимович. — Тогда запомните первое правило дрессировки. Собака должна брать еду только от своего хозяина. Понятно?

— Понятно... — несколько разочарованно протянул Димка.

— Нет... — усмехнулся Иван Ефимович. — Я чувствую, что этого вы и не понимаете. Поймите, ребята, нельзя, чтобы собака приучалась к чужим. Она должна знать только хозяина. Иначе служебной собаки из нее не получится.

— Но почему же, бабушка? — удивилась Аленка. — Разве плохо, если Дик будет добрым?

— Попрошайка никогда не бывает добрым! — отрезал Иван Ефимович. — И научиться попрошайка тоже ничему не сумеет. Так и останется на всю жизнь ненужным никому разгильдяем. Ясно?

— Ясно... — тихо проговорила Аленка и опустила голову.

Она задумалась и не услышала, что еще сказал дед.

— А ты не слышишь, Алена?

— Слышу... — Аленка вздохнула и взяла у него кусочек сосиски.

— Значит, так! — строго сказал Иван Ефимович. — Подзываете по очереди Дика и, если он берет из ваших рук еду, бейте его. Понятно?

— Понятно! — сказал Игорь. — Дик!

Ему не пришлось долго подзывать щенка. Радостно визжа, тот попытался схватить сосиску, но Игорь отдернул руку, а другой ударил Дика. — Так?

— Молодец... — сказал Иван Ефимович и, взяв остаток сосиски из рук Игоря, сам протянул его Дик. Тот испуганно и недоверчиво покосился на нее и осторожно схватил сосиску с руки.

— Молодец! — Иван Ефимович потрепал его за ушами.— Пошли дальше. Гена!

Генка послушно протянул свою сосиску Диду и тот, позабыв уже про урок, преподанный ему Игорем, тут же схватил ее.

— А теперь ударь!

Генка ударил Дика. Тот жалобно взвизгнул.

Аленка смотрела на эту дрессировку, и глаза ее, зеленеющие из-за длинных, падающих на лицо желтых волос, становились все шире и шире.

Вот уже и Димка дрожащей рукой протянул сосиску Диду. Тот недоверчиво посмотрел на Димку, но все-таки не удержался.

— Взял? — спросил Иван Ефимович. Лицо его как-то одеревенело от напряжения.

— Взял...— едва слышно прошептал Димка.

— Тогда ударь его!

Димка вяло махнул рукой. Не то ударил, не то погладил щенка.

— Сильнее! — безжалостно потребовал Иван Ефимович.

Димка зажмурил глаза и ударил Дика.

Аленка тоже зажмурила глаза, когда он замахнулся. Так и стояла с зажмуренными глазами. Она всю жизнь могла бы простоять так, лишь бы не видеть, как мучают щенка.

— Теперь ты! — раздался голос деда.

— Я? — Аленка испуганно посмотрела на деда.— Я тоже?

— Да! — твердо сказал дед.— И ты тоже!

Аленка мотнула головой. Испуганно оглянулась на ребят, и глаза ее заблестели от слез.

Игорь усмехнулся и протянул свою руку к Аленке. Та безвольно разжала вспотевшие пальцы, и кусочек сосиски перебрался в уверенную и сильную руку Игоря. И снова завизжал щенок от боли и недоумения.

— Молодец! — сказал Иван Ефимович.— Спа-

сибо, ребята! Я думаю, что на сегодня этого урока ему вполне достаточно.

Стараясь не смотреть друг на друга, ребята вышли из вольера.

— Не получится из тебя дрессировщицы... — усмехнувшись проговорил Игорь, глядя на Аленку.

— А я и не собираюсь дрессировщицей становиться! — вспыхнув, ответила она. — Зато у тебя это здорово получается.

— Не ссорьтесь... — сказал Генка. — Пойдемте купаться лучше, пока дождь не начался.

— Я не пойду! — сказала Аленка и, с трудом сдерживая слезы, убежала во двор. Спряталась в душной, пропахшей помидорами теплице...

Она так и не поняла, как разыскал ее здесь дед. Присел рядом и осторожно провел ладонью по Аленкиной голове.

— Не плачь... — попросил он. — Так надо.

— Кому надо? — сквозь слезы спросила Аленка.

— Ну-ну... — сказал дед. — Ты уже не маленькая. Надо понять, что в жизни придется делать не только то, что хочется, а то, что надо делать. Надо бороться со своим своеволием. Разве тебе не хочется, чтобы Дик стал таким же умным псом, как Индус?

— Почему не хочется?

— А он не станет таким, если его разбаловать. Никогда не станет. Понимаешь теперь, зачем сегодня надо было это?

Слова деда звучали вполне убедительно, но Аленка не хотела понимать этого.

— Не понимаю! — сказала она. — И не хочу понимать! И не буду понимать!

Но дед вопреки ее ожиданию не рассердился.

— Может, ты и права... — неожиданно сказал он. — Может, и не надо тебе понимать это.

— И никому не надо! — яростно сказала Аленка.

— Может, и никому... — дед встал. Выставив вперед руки, чтобы не налететь на что-нибудь, вышел из теплицы.

А Аленка осталась одна. Слезы уже высохли на ее глазах, и больше всего сейчас Аленке почему-то было жаль деда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дождь пошел сегодня совсем не вовремя. Лешка собирался уже идти на рыбалку, но тут хлынул ливень, и пришлось задержаться дома.

Мать заставила его пылесосить всю квартиру, воспользовавшись тем, что Лешка не ушел. Он включил вылесос и ползал с ним по ковру, а сам в это время чувствовал, как уплывают, не найдя его крючка, окуни, плотички, подлещики, как плывут они искать другие крючки.

К тому же и ковер оказался бесконечным.

Сколь уплыло за это время рыбы, Лешка даже и сосчитать не мог. Может быть, ведро, а может, и два...

— Нет! — подумав, сказал Лешка. — Во время

дождя рыба так и хватает крючок, только закидывай. Я, наверное бы, три ведра уже наудил, пока этот ковер чищу.

— У тебя рыба ведрами плавает? — сказала из кухни мама. — Ты еще и в маленькой комнате должен пропылесосить ковер.

— Конечно, пропылесосу... — уныло сказал Лешка. — Чего же не пылесосить, если никому рыбы не надо...

Только час спустя после дождя выбрался он на рыбалку. Сразу побежал к заводу, откуда, по его расчетам, еще не должны были успеть уплыть все плотички.

Дождь хотя и кончился, но небо по-прежнему было затянуто тучами, и Лешка очень удивился, когда увидел на берегу заводи Аленку.

В мокром платье Аленка сидела на валуне и смотрела на воду.

— Ты чего здесь делаешь? — удивился Лешка.

— Думаю... — сказала Аленка и попросила: — Ты посиди со мной...

Лешка послушно сел и тоже попытался думать, но думать не хотелось, к тому же после дождя было холодно.

— Здесь холодно думать... — сказал Лешка, поежившись. — Пошли лучше в церковь. Там думать будем.

В церкви было сумрачно и гулко. Аленке даже показалось, что церковь стала за эти дни совсем другой. Поежившись, она села на груды кирпичей. Прошелестела вверху, в сумерках, летучая мышь, и снова стало тихо.

— Слушай! — сказал Лешка. — По-моему, скучно так по отдельности думать. Давай вместе думать или я рыбу пойду ловить, а то мне домой потом надо, маме помогать.

— Леша! — тихо спросила Аленка. — А у тебя родители отдельно живут?

— Отдельно...

— А у меня тоже родители разъезжаются... — призналась Аленка. — Но я сразу и с папой, и с мамой жить буду.

— Не... — Лешка покачал головой. — Я тоже так думал. Только не... Не получится так. С кем-нибудь одним придется.

— С одним?

— Ага!

— Но я не хочу с одним. Я с мамой и с папой хочу.

— Я тоже хотел...

Аленка посмотрела на него и вдруг подумала, что сейчас, когда волосы его отросли, не так уж и оттопыриваются у него уши.

— А что же мне делать тогда? — спросила она.

— Не знаю... Ты попробуй помири их, пока не поздно.

— Помирить?

— Ага! Я тоже хотел своих помирить, да только времени тогда не было. А сейчас... — он безнадежно махнул рукой.

— А как помирить? — спросила Аленка.

— Не знаю... — сказал Лешка. — Только все равно как-нибудь надо помирить. Им же самим хуже будет. Намучаешься потом с ними.

Аленка задумалась.

— Вот ты говоришь: надо...— она проговорила слово «надо», как бы пробуя его на вкус.— И дедушка тоже считает, что часто надо делать и то, что не хочется делать. А зачем? Морошкина тоже делала то, что надо, а у старухи из-за нее всех детей убили...

— При чем тут Морошкина? — удивился Лешка.— Я тебе не про Морошкину говорю, а про тебя...

— Я просто так про Морошкину вспомнила...— сказала Аленка.— А может, мне, правда, поехать.

— Конечно, поезжай...

— Я поеду! — решила Аленка.— Только, знаешь, у меня всего три рубля есть. Мне, наверно, не хватит на билет.

— Я дам! — подумав, сказал Лешка.— У меня пять рублей есть — мне мать велела в магазин сходить. Но я расскажу ей, что тебе деньги нужны были...

— Тогда я поеду...— Аленка встала.— Только я письмо деду напишу, ладно? Чтобы он не волновался...

— Напиши, конечно...— сказал Лешка.— Только пошли скорее. Я тебя на автобус посажу, а то мне некогда. Надо еще рыбы наловить...

В дом Лешка не стал заходить, остался ждать у калитки. В дом Аленка забежала одна. Написала записку, что уезжает мирить родителей, потом оглянулась вокруг, словно навсегда уезжала из этого дома.

Взгляд ее задержался на альбоме. Торопливо открыла его, нашла фотографию Морошкиной. Морошкина смотрела на нее с пожелтевшего снимка и еще не знала, что скоро начнется война... Аленка попробовала подцепить ноготком край фотографии, но клей прочно держал ее, и тогда Аленка вытащила из бабушкиной шкатулки ножницы и аккуратно вырезала Морошкину вместе с альбомной страницей.

Она хотела еще переодеть мокрое платье, но тут нетерпеливо засвистел Лешка, и Аленка решила не переодеваться.

«Высохну в автобусе...— подумала она и выбежала из дома.

— На! — сказала она Лешке, протягивая фотографию.

— Что это? — удивился он.

— Морошкина!

— А зачем?

— Ну как зачем? — удивилась Аленка.— От-

дашь Игорю, и вы снова помиритесь. Я же вижу, что тебе скучно одному.

— Да ну...— сказал Лешка.— Очень ему эта фотография нужна. Я недавно на школьный чердак лазал, так там целый стенд с фотографиями Морошкиной валяется. И никому он не нужен. Думаешь, Игорь не знает об этом?

— А почему он завелся тогда, что ты фотографию отдал?

— А я откуда знаю, почему? — ответил Лешка.— Он все время заводится из-за чего-нибудь. Надоело уже.

— Так возьмешь ты фотографию или нет?

— Давай...— Лешка пожал плечами.— Пошли скорее, а то автобус уйдет.

На автостанции Лешка убежал в зеленую будочку, чтобы купить билет, а Аленка, ежась от холода — платье ее почему-то не спешило сохнуть, — осталась на площади. Она смотрела на пассажиров, потом стала разглядывать памятник. Бронзовая Алена Морошкина тоже смотрела на нее. Аленка подумала, что она за эти недели столько думала об этой Морошкиной, что та могла бы и дружелюбнее смотреть на нее сейчас, но нет... Строгим был взгляд памятника.

— Побежали! — вынырнул из очереди Лешка.— Я тебе до Сенькино взял, там ты переседешь на автобус, который к вам в город идет. Побежали скорей!

Аленка хотела было сказать, что она совсем замерзла в платье, но бронзовая Морошкина так строго посмотрела на нее, что Аленка смолчала.

Лешка втиснул ее в переполненный автобус.

— Приезжай! — крикнул он и побежал скорее к речной заводи. Ему действительно надо было успеть порыбачить. Впрочем, вскоре Лешка замедлил шаги. Он вспомнил, что отдал деньги Аленке на билет, а значит, в магазин ему идти не надо и он может теперь рыбачить сколько хочет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда Аленка приехала в Сенькино, автобус в город уже давно ушел. Так объяснила Аленке толстая тетка из кассы.

— А когда следующий?

— На следующий утром приходи, девочка. А пока иди домой спать.

Тетка не знала, что дома у Аленки в Сенькино не было. Но и назад возвращаться не хотелось. Аленка решила остаться до утра здесь.

Дрожа, она забилась в уголок зала ожидания и стала ждать.

Ее растолкала толстая кассирша.

— Девочка! — сказала она.— Я же объяснила тебе, что автобус только завтра пойдет. Неужели непонятно? Иди, иди домой. Мы закрываемся.

Аленка ничего не ответила. Поднялась. Она сама удивилась, как плохо держат ее сейчас ноги.

— Да ты заболела, наверное, девочка! — воскликнула кассирша.

Аленка подумала, что эта кассирша похожа на какую-то старуху, но на какую? — этого она вспомнить не смогла. Закрыла глаза и повалилась назад на скамейку.

— Ох, горюшко ты мое! — вздохнула кассирша.— Что же мне теперь делать с тобой, а?

Но Аленка уже не слышала ее, проваливаясь в жутковато-страшный сон.

...Девочка в бронзовом платье шла по улице, взявшись за руку деда, а следом за ними кралась с вицей похожая на гнилую луковицу старуха.

Аленка увидела это и заторопилась, но чем ближе подходила, тем неживее, бронзовее становилась девочка, а главное — и это было самым страшным! — и сам дед. Аленка торопливо схватила его за руку, но рука деда была тяжелой и холодной, как кусок металла.

Аленка открыла глаза...

Над ней наклонился милиционер, и это его держала сейчас Аленка за руку.

Стало страшно, и Аленка снова закрыла глаза.

Она не запомнила, как милиционер на руках отнес ее в машину, не помнила, как мчалась машина по ночному шоссе, не помнила, как причитала над ней бабушка, раздевая ее и растирая удушливым камфорным спиртом.

Липкий горячий туман сомкнулся вокруг, и даже голоса не проникали сквозь него.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда Аленка очнулась, она увидела склонившееся над ней лицо матери.

— Мама?! — удивилась Аленка.— Ты уже приехала?!

— Уже, уже...— сказала мать и улыбнулась сквозь слезы.— Я уже неделю назад приехала.

Потом Аленка узнала, что пролежала в постели целых десять дней, и все это время ей было очень плохо.

— Ничего...— поцеловав ее, сказала мама.— Ничего. Теперь ты быстро выздоровеешь.

Но выздоравливала Аленка долго. Еще почти две недели. Разбухали от тяжелой листвы, от зреющих плодов городские сады, краснели за оградами крепкобокие яблоки, осы выедали изнутри желтые, истекающие соком груши. Пропадал городской урожай. Некому было лазать за ним в сады. Болела Аленка...

А скоро начали навещать Аленку ее приятели. И каждый раз они приносили с собой яблоки.

— Это из зареченского сада...— рассказывали они.— А это мы к бабке Ксюше лазали...

Не осталось к концу болезни, наверное, ни одного сада в городке, из которого не попробовала бы Аленка яблок.

А в конце августа, когда Аленке разрешили уже вставать, приехал на машине отец.

В тот день Аленка случайно подслушала разговор деда и бабушки.

— Вот ведь...— вздохнула бабушка,— правильно говорят: не было бы счастья, да несчастье

помогло. Беда, что заболела Аленка, а если бы не простудилась? Ведь эти вахлаки...— так бабушка называла Аленкиных родителей,— и разошлись бы...

* * *

Уезжать решили в субботу.

Отец погрузил в багажник машины вещи, банки с вареньем, которые еще с вечера вытащила бабушка из погреба.

На веранде присели перед дорогой.

— Ну что? — сказал отец. — Будем прощаться? Все встали.

Аленка еще утром простилась с Индусом и Диком и сейчас расцеловалась с бабушкой, прижалась к деду.

— Дедушка...— шепнула она. — Ты не сердись, что я не могла тогда этого сделать...

— Это ты не сердись...— тоже шепотом ответил дед. — Сам не знаю, чего я тогда это придумал. Я ведь и сам бы не смог его ударить.

— Правда? — обрадованно прошептала Аленка.

— Правда...

— Чего вы там шепчетесь? — недовольно спросил отец. — Не успели за лето нашептаться?

— А мы и не шепчемся! — ответила Аленка. — Мы договариваемся, когда я снова сюда приеду.

— Приедешь еще...— засмеялась мать, подталкивая Аленку к двери.

И вот остался позади маленький городок с речушкой, затерявшейся в зарослях ивняка. Позади осталось еще одно Аленкино лето.

Ехали почти весь день.

Мелькали по сторонам дороги багряные рощи, поля, маленькие городки и поселки...

Мать сидела впереди, а Аленка устроилась на заднем сиденье. Она успела здесь и поспать, и вдоволь поглазеть на проносящиеся за окном машины поля и речушки, на рощи и перелески, сгорающие на осеннем ветру.

И вот дорога распахнулась, и открылся впереди огромный курган со стелой на самом верху. Здесь, за курганом, и начинался город, в котором жила Аленка.

Отец сбросил скорость, и машина покатила по городским улицам, останавливаясь возле светофоров.

Уже подъезжали к дому, когда Аленка вспомнила вдруг, что так и не спросила еще про главное.

— Мам? — сказала она. — А правда, что вы с папой не разводитесь теперь?

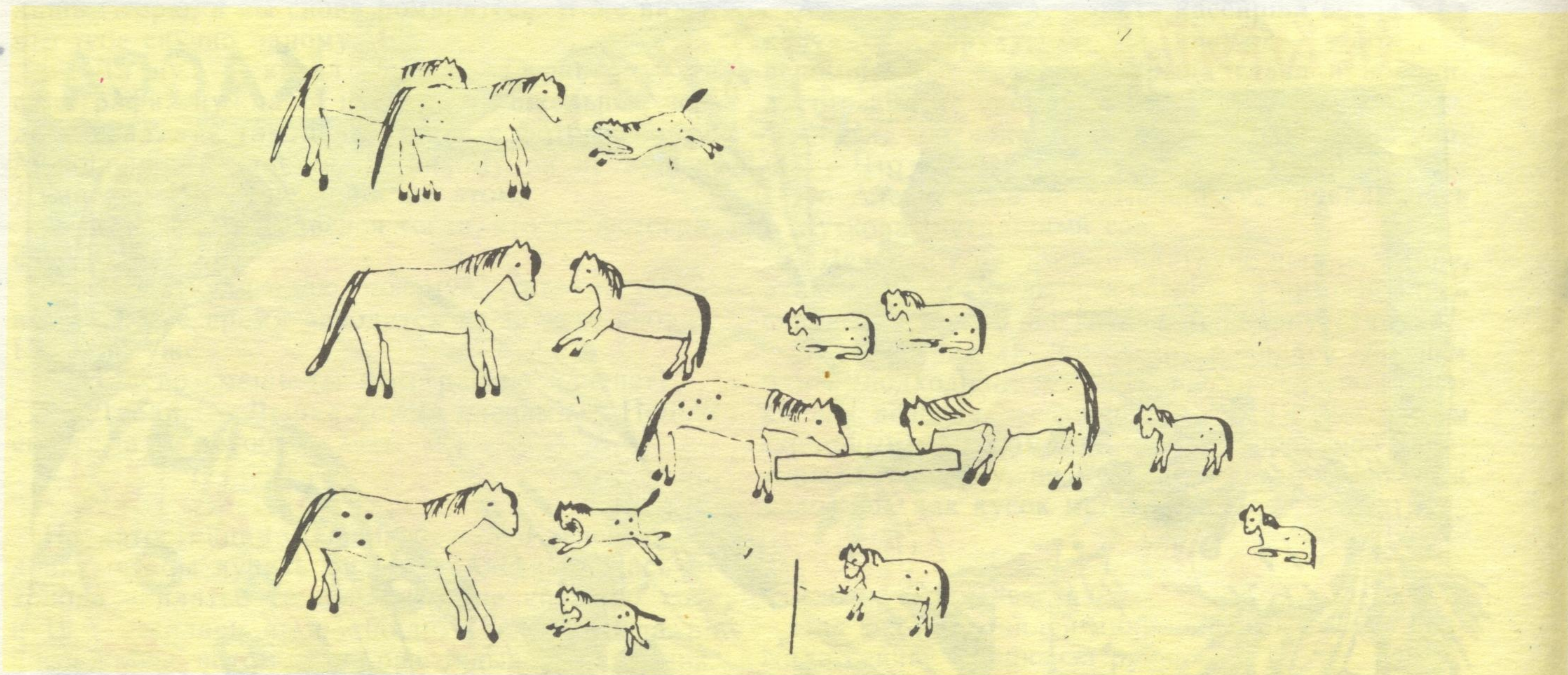
— Разведешься тут...— чуть покраснев, ответила мать. — А все из-за тебя. Даже развестись спокойно не дала.

— Ну, это не самое плохое из того, что она сделала...— обронил отец.

— Конечно...— улыбнулась мать.

— Еще бы,— сказала Аленка.

Машина уже остановилась возле подъезда дома. Их дома.

Маленькая художница

В прошлом году вместе с журналистами «Мурзилки» и «Веселых картинок» я побывал в Улан-Баторе, в гостях у монгольских пионеров.

В светлой комнате прекрасного здания улан-баторского Дворца пионеров и школьников шли занятия рисовального кружка. Руководитель этого кружка художник Довдон Батбаяр показывал нам яркие акварельные рисунки ребят. И вдруг среди них оказался аль-

бом, в котором все рисунки были нарисованы простым черным контуром. Но это не помешало увидеть нам просторные монгольские степи, хоямы, упирающиеся в облака, стремительные табуны лошадей, всадников с арканами, отары овец и юрты, на крышах которых сушился (как нам потом объяснили) творог «ааруул» — типа нашей жевательной резинки.

— Автор этих рисунков де-

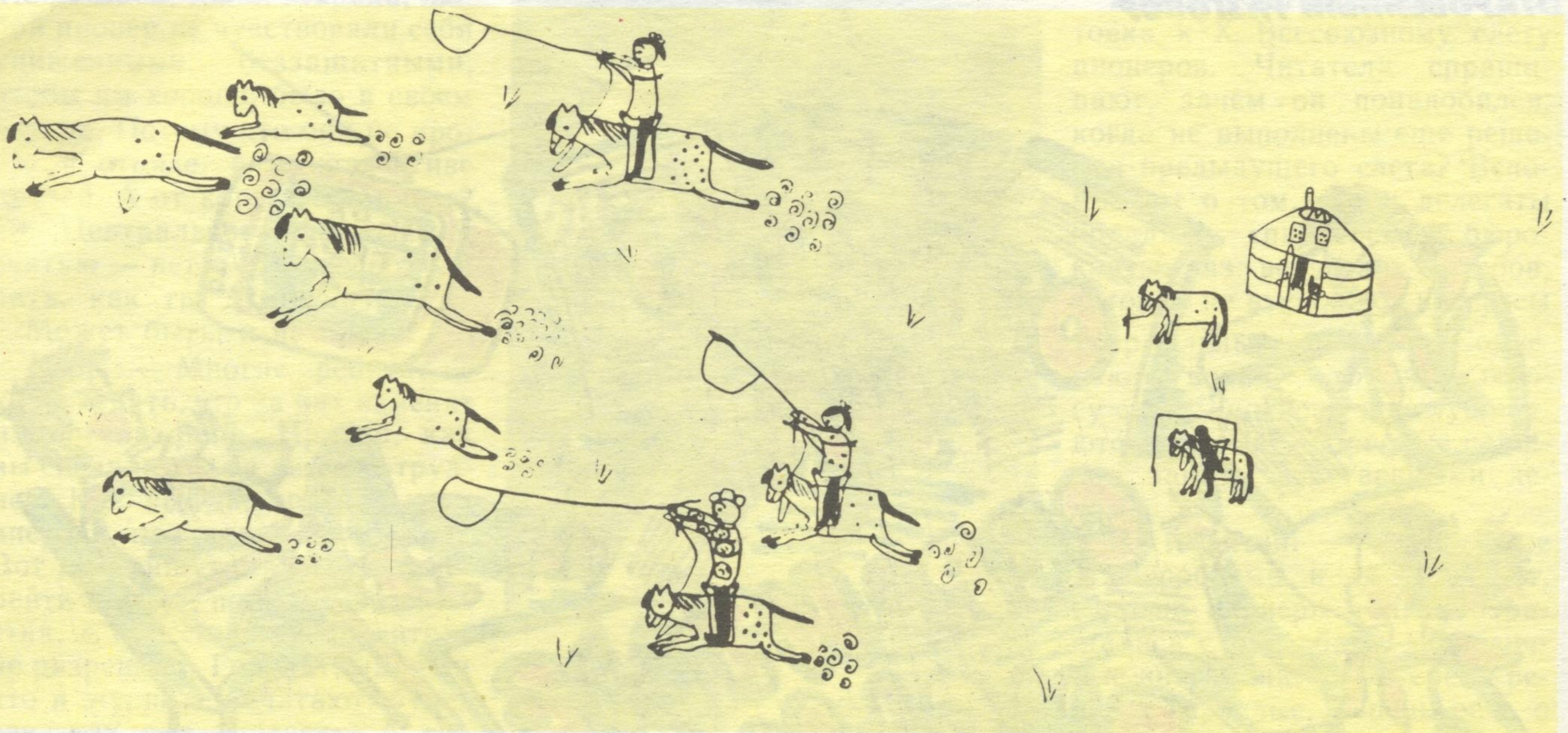
вочка, — сказал Довдон. — Зовут ее Болормаа Баасансурэнгийн.

Я с трудом записал имя и фамилию художницы и спросил: — А в каком классе она учится?

— Ни в каком, — ответил руководитель кружка. — Ей исполнилось только шесть лет.

Признаться, я подумал, что ослышался.

— Нельзя ли познакомиться с этой девочкой? — сказал я.

С длинной фамилией

Оказалось, что на занятиях в этот день Болормаа не было, и меня попросили прийти на следующий день.

Назавтра я увидел ее — маленькую девочку в матроске и с большим бантом на голове. Перед ней лежал раскрытый альбом, в котором авторучкой Болормаа уверенно рисовала знакомых мне уже лошадей, всадников и юрты. При помощи переводчика я поговорил с девочкой. Узнал, что рисует она

уже два года, что отец у нее — шофер, а мама — бухгалтер. Что летом она гостит у дедушки в Центральном аймаке и там научилась ездить верхом.

— А ты могла бы нарисовать меня? — спросил я. — Только чтобы видно было, что я в Монголии.

Болормаа внимательно посмотрела на меня и кивнула головой.

И вот я стою на фоне монгольских гор, покрытых леса-

ми. Рядом со мной стадо коз и овец, впереди — юрта. И две девочки — одна скачет на лошади, а другая стоит спиной к зрителю и рисует.

— Это кто? — спросил я, показав на всадницу.

— Это я, — ответила Болормаа.

— А это? — и я показал на другую девочку.

— Это тоже я, — ответила Болормаа.

Л. КАМИНСКИЙ

«Вот говорят о перестройке в пионерской организации. Я эту перестройку вижу только по телевизору. У нас в школе все по-старому. Носим галстуки просто так, раз положено. Всем командует учитель. Ску-учно! О чем только думают в Центральном Совете пионерской организации? И что это вообще за таинственный орган? Я лично никогда с его представителями не встречался. Что же они сидят там у себя в Москве и только отчеты о перестройке пишут?» (Виктор Ступов, г. Николаев).

Таких сердитых писем наша редакция получает немало. Мы попросили ответить на них Игоря Николаевича НИКИТИНА, секретаря ЦК ВЛКСМ, председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

И. Никитин:— Прежде всего хочу извиниться перед Виктором и всеми читателями «Костра», что мы до сих пор не встречались. Поэтому — здравствуйте! Не хочу, чтобы наш разговор был похож на такой урок, когда старший вас поучает, вы молчаливо соглашаетесь, а на самом деле лишь ждете конца урока. У меня самого много неясных вопросов, и нужны ваши советы. Я даже тетрадь завел, где пишу такие вопросы. Пусть наша встреча станет началом разговора. На равных, как товарищей по организации, независимо от возраста, опыта. Договорились?

Что хочу сказать Виктору. Если о перестройке в пионер-

ской организации говорят, и говорят не с самим собой, а с друзьями и если ты по телевизору увидел, что в каком-то пионерском коллективе перестройка уже принесла пользу ребятам, это тоже повод для надежды, что и вам в своей дружине тоже надоест жить скукотией. Приезжали к нам, в Центральный Совет, ребята из Харькова. У них жизнь кипит: добились выхода задиристой областной пионерской газеты «Червоный галстук», сами выбрали районные и областной советы пионеров. Журнал «Костер» рассказывал о пятигорчанах и свердловчанах, которые начали с опросов, каких изменений хотят сами пионеры. Взя-

лись за создание отрядов не только по классам, но и там, где для этого тоже есть условия, дело, вожатый. Выбранные самими пионерами советы помогают им, отстаивают права ребят. Там считают, что перестройка идет. Легче ли им стало? Думаю, наоборот, труднее. Много не получается, даже встречают сопротивление. Ну, так и что же из того? Скиснуть? Это всегда успеем. Для этого большого умения не надо.

Но я не считаю, что ты, Виктор, не прав. В моей тетради множество писем и адресов ребят, которые, как и ты, недовольны своей пионерской жизнью. Вот пятиклассник из Москвы говорит, что только выйдет из класса, его подстерегают любители отбирать чужие деньги, издеваться над младшими. Никто этого паренька не защищает, в том числе и товарищи по отряду, дружине. Есть даже письма, где человек в 12—13 лет пишет, что жить не хочет!

Я за то, чтобы «измерять» перестройку не реформированиями отрядов, дискуссиями, новыми формами. Все эти важные изменения нужны не ради самих изменений, а для того,

чтобы Вася, Коля, Марина, любой пионер не чувствовали себя униженными, беззащитными, чтобы им хорошо было в своем отряде. Потому что они не просто в отряде, а в коллективе друзей. А от кого это зависит? От Центрального Совета? Я считаю — нет. Интересно узнать, как ты думаешь?

Может быть, я не прав?

Корр.: — Многие ребята не хотят ждать, что за них изменят их организацию. Правда, как вы сказали, им не легче, а труднее. Как всегда, труднее идти впереди, прокладывая лыжню. Вот нам пишут: «Мы хотим перейти в отряд по месту жительства, а классный руководитель не разрешает. Говорит, мало ли что в журнале печатают, будет так, как она считает». А вот еще письмо: «Надоело заниматься никому ненужными делами. Мы хотим бороться за чистоту воздуха от загрязнения заводом, создать для этого экологическую дружину. Но нас никто не поддерживает, даже в горкоме комсомола и в горкоме партии...»

И. Никитин: — Что я могу в связи с этим сказать? Если эти ребята непрочь и сами вырасти такими же взрослыми, живущими по инструкциям, так и будет. Но мне это не подходит. Я считаю, пионерам ничего не надо запрещать. Сама суть нашей организации — это социальное творчество, труд, игра, романтика. Разве можно их уложить в какие-то рамки? Тем, кто этого не понимает, давайте вместе напомним наказ М. С. Горбачева IX Всесоюзному слету пионеров: смело браться за то, что еще никто не делал.

В Центральном Совете нет таких людей, которые могли бы написать инструкцию, которая объяснит, что это такое, что еще никогда никто не делал, и как этого добиваться. Надеюсь, что и не будет никогда.

Но я понимаю, что все гораздо серьезнее. Мало того, чтобы не мешали быть самостоятельными. Поддержка и помощь старших нужна, и думаю, самим старшим тоже. Как быть, если сталкиваешься с непониманием? Я в таких случаях пы-

таюсь сначала разобраться, ПОЧЕМУ меня не поддерживают. Стараюсь не видеть сразу противника в том, кто не разделяет моих идей. Может, я не сумел доказать свою точку зрения. Значит, надо не обижаться, а поискать более убедительные аргументы. Хорошо, если можно начать задуманное, доказать, что это дело стоящее, а потом просить помощи. Если же человек ни в какую не хочет тебя поддержать, ты имеешь право обратиться к другим, которые тебя поймут. Они есть. Мир людей состоит не только из тех, кто ничего не хочет менять, их все меньше и меньше. Главное, если убежден в правоте, не отступать. Ты сильнее, если действуешь не в одиночку, если за тобой единомышленники или даже весь отряд, дружина. Тут уж перед вами никто не устоит. Ради этого пионеры и объединяются в организацию.

Но на все случаи не подскажешь рецепта. Старайтесь находить среди родителей, других взрослых таких людей, которым можно довериться, найти совет в сложных ситуациях. И не теряйте их потом, не отпускайте от себя. Чем больше у вас взрослых союзников, друзей, тем успешней можно преодолевать трудности.

Корр.: — Началась подготовка к X Всесоюзному слету пионеров. Читатели спрашивают, зачем он понадобился, когда не выполнены еще решения предыдущего слета? Вспоминают о том, что в делегаты попадали «пионерские бюрократы» из всяческих штабов, которые не выражают интересы «нормальных» пионеров. Сомневаются вообще в том, что к голосу слета пионеров прислушиваются в стране. Взрослые слишком заняты собственными делами.

И. Никитин: — Решить все эти проблемы и должен слет. Раньше пионеры только обращались с просьбами в различные инстанции, их интересы решали взрослые. Теперь речь о том, чтобы члены организации демократическим путем взяли власть в свои руки. Во-первых, приняли бы Устав Всесоюзной пионерской организации как полноправной общественно-политической и самодеятельной. Много предложений от ребят о повышении прав пионеров в своей организации и обществе. Во-вторых, делегаты впервые смогут выбрать Центральный Совет, в который должны войти как старшие друзья, так и сами пионеры. Тогда он не будет «тайнственным» органом. Все эти предложения опубликованы в пионерской печати, чтобы вы могли их обсудить и высказать собственное мнение. Да и вообще самим вам решать: какие вопросы и как обсуждать на предстоящем слете, каким ему быть.

Меня тоже волнует, как будут выбирать делегатов на слет. Хочется, чтобы это были ребята, у которых есть не только интересные идеи, но и опыт осуществления этих идей. Таким делегатом может стать каждый. Как это осуществить? Тут тоже нам нужен ваш совет.

Итак, я на ваши вопросы и письма ответил.

Будут новые — пишите, задавайте вопросы. Пионерский всем салют.

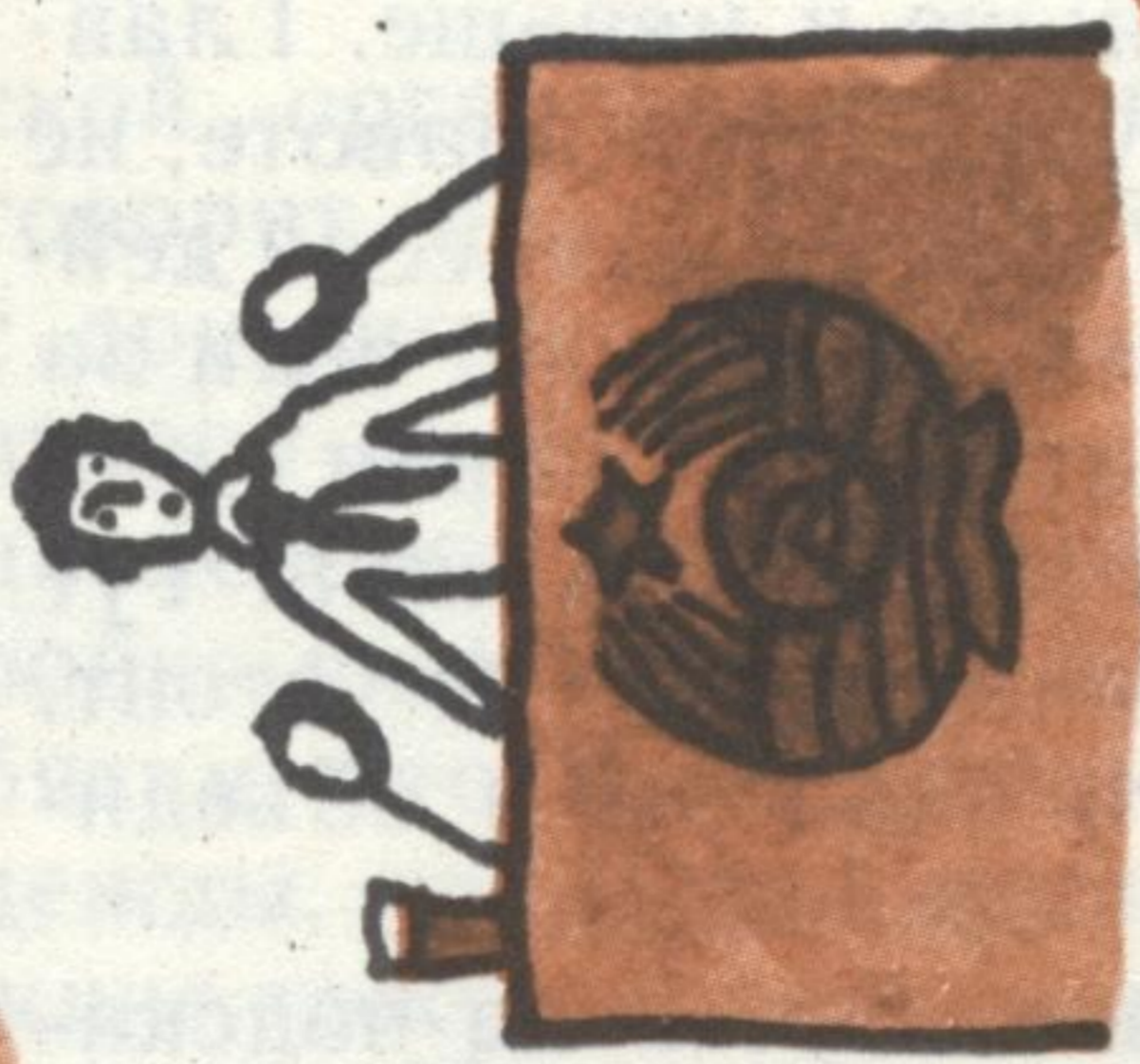
Вел разговор
по поручению редакции
С. ЦЫМБАЛЕНКО
Рисунок А. Ивашенцевой

МАРШАЛЫ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ

Стал бы помогать Михаилу Сергеевичу Горбачеву проводить в стране Перестройку.

*Юра Козьменков,
Чита*

Я бы постаралась решить проблемы с сахаром и чаем и всегда советовалась с избирателями.

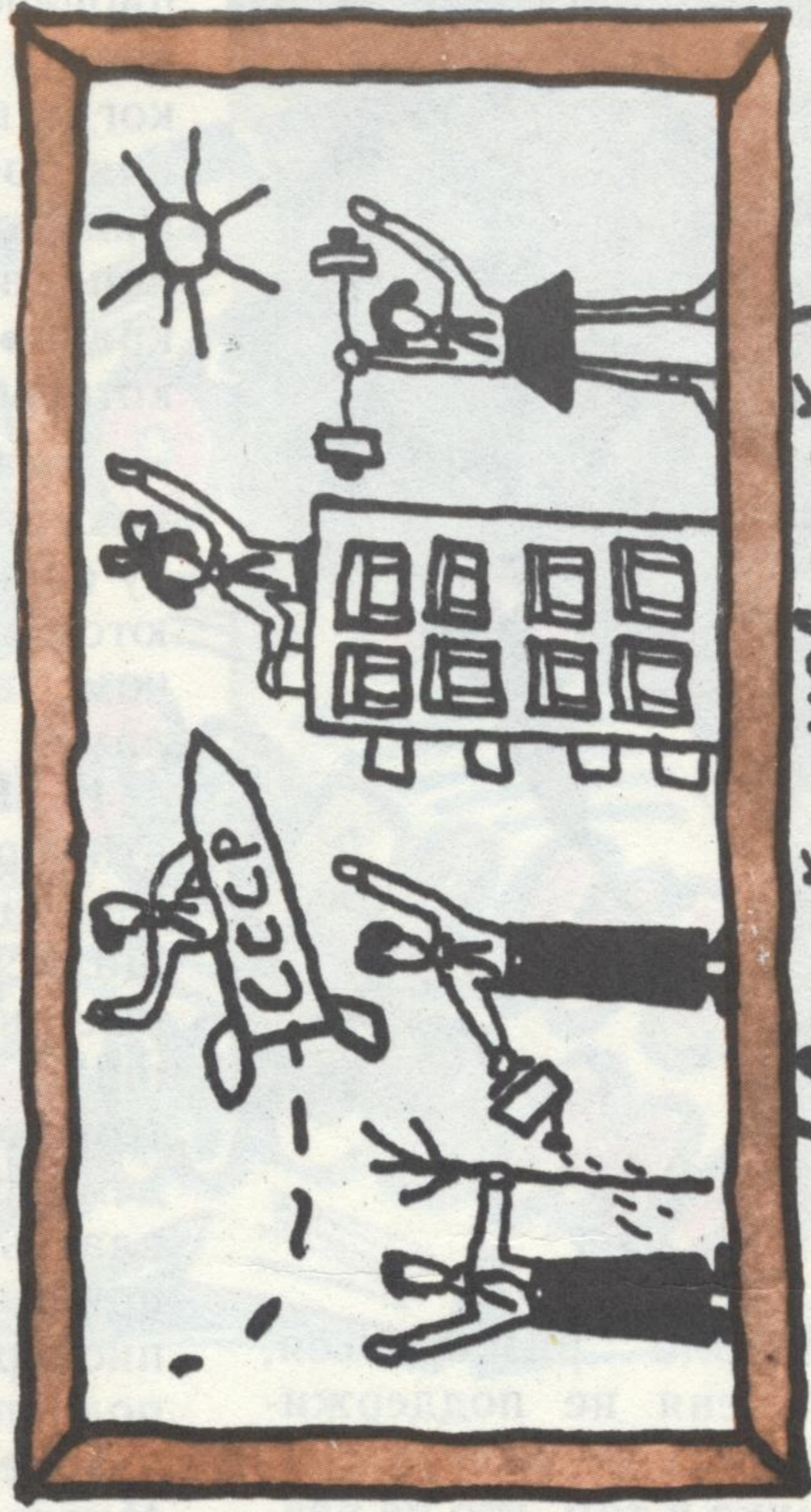
*Вера Гордиенко,
Калининская обл.*

Я бы издал закон, чтобы в первую очередь помогли детям и старым людям. Никто не имеет права их обижать.

*Сергея Тарасов,
Магнитогорск*

Самое главное дело депутата — бороться за правду и счастье людей. Чтобы все было по справедливости и в магазинах было много продуктов.

*Наум Синдаловский,
Гатчина
Ленинградской обл.*

Волей-неволей

Я учусь в одном классе с ребятами из отряда Нины Попцовой. И волей-неволей приходится быть свидетелем многих событий, которые происходят в классе.

За два дня до аттестации отряда (она проводилась по решению городского совета пионерской организации) к нам в класс зашла пионервожатая. Чтобы мы лучше представили, что это такое, она стала задавать нам вопросы, которые будут на аттестации. На большинство из них у нас не было ответов. И тогда классный руководитель сказал: «А вы говорите о том, что должны были сделать, как о сделанном».

Но все понимали: хоть какую-то работу провести надо. И за день до аттестации несколько человек пошли в семью война-интернационалиста. Когда подошли к двери, председатель совета отряда спросила: «Зачем мы сюда идем, что там будем делать? Давайте скажем, что никого не было дома». Все повернулись и пошли обратно.

И все в нашем классном отряде делается примерно так же.

*Миша Львов,
отряд «Ветер»
дружину «Пламя»,
Пятигорск*

Благодарная Учительница

1 Почему я пишу эту печальную историю сейчас, а не два года назад, когда все случилось? Думаю, легко догадаться: сейчас за разглашение этой тайны уже ничего не сделают, а тогда могли сделать все что угодно.

2 Что же произошло? К нам в класс пришла новая учительница по русскому языку. И сразу завела свои порядки.

3 На переменах мы должны были ходить только парами.

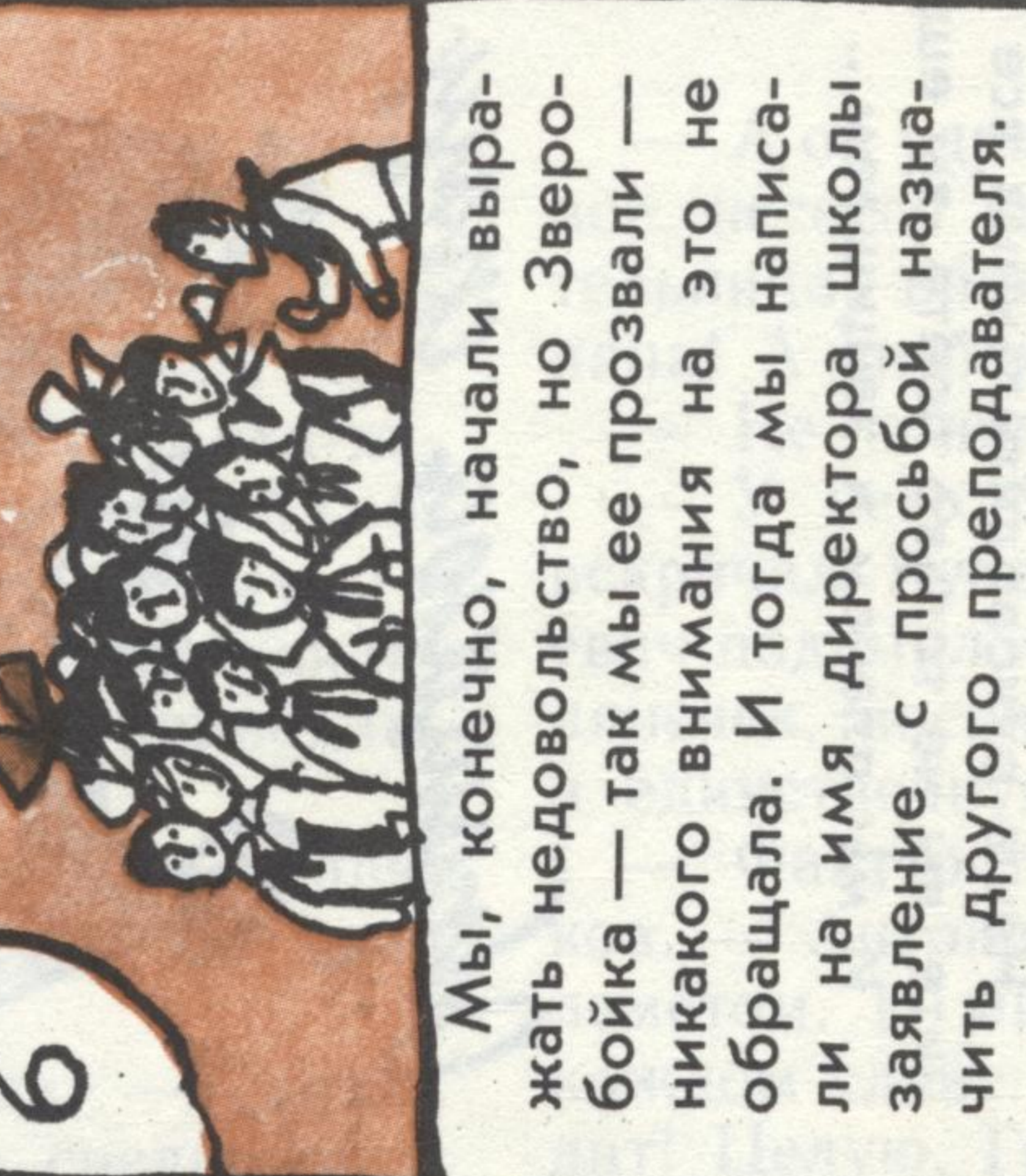
4 Девочкам она велела носить коричневые банты.

5 А за две ошибки спокойно ставила тройки. И все наши отличники и хорошисты превратились в двоечников и троечников.

6 Мы, конечно, начали выражать недовольство, но Зверобойка — так мы ее прозвали — никакого внимания на это не обращала. И тогда мы написали на имя директора школы заявление с просьбой назначить другого преподавателя.

7 **ВСТАТЬ!!!**
И в тот же день, на последнем уроке, в класс влетела Зверобойка: «Встать, кто подписал заявление!» В ответ встал весь класс. Увидя это, она сказала: «После урока — все к директору!» И вот пришли в кабинет директора и стали рассказывать, почему написали заявление.

8 **ВАМ! КТО ПРАВО. ДАЛ!**
— Но кто вам дал право писать заявление и выбирать учителей? — рассердилась директор.

9 **ВЫЗОВЕМ РОДИТЕЛЕЙ!**
— Вызовем родителей, исключим из пионеров и распределим по разным школам, — сказала завуч. И, немного помолчав добавила: — Если не напишете объяснительные записки...

10 Короче, в тот день никто не ушел домой, пока не написал объяснительную. Эти записки мы отдавали Зверобойке, которая их проверяла и относила директору. И на этом все кончилось.

11 **И надо м объяснять, что все, осталость по-старому и никакой перестройки у нас в школе нет.**
← Катяша Старяева, 6 класс, Москва.

Белоруссия, родная

Бывает так: живут на свете потенциальные единомышленники, даже, может быть, рядом друг с другом, но незнакомы. И вот случай рассказать о себе. Я обыкновенная восьмиклассница, учусь нормально, но иногда мелькают и тройки. Мне нравится, если вдруг накатывает такое настроение, когда хочется стоять на голове, разговаривать с незнакомыми, случайно влюбляться, ходить в походы и быть экскурсоводом по своему городу... Он очень зеленый и гостеприимный, как, впрочем, и все белорусские города и села. «Сердечна запрашаем!» — ласково говорим мы гостям. И преподносим хлеб-соль.

А вот почему нашу республику называют синеекой, я, честно говоря, и сама не знаю. Может быть, из-за синих озер? Их в Белоруссии больше десяти тысяч! А может быть, из-за льна. Цветущее льняное поле по цвету и легкому волнению напоминает озеро... А скорее всего — из-за синих глаз наших девчат.

Лена Жаворонкова,
Витебск,
ул. П. Бровки, 11, к. 2, кв. 39

Макулатуру собираем каждый год. Норма — три кг на человека. Но где же тетради и дневники? Дневники в магазинах — только в сентябре, а тетради приходится «ловить». Они есть, но только в линейку.

И никто не может объяснить: зачем сдаем макулатуру.

Настя Козлова,
5 класс
Мурманск

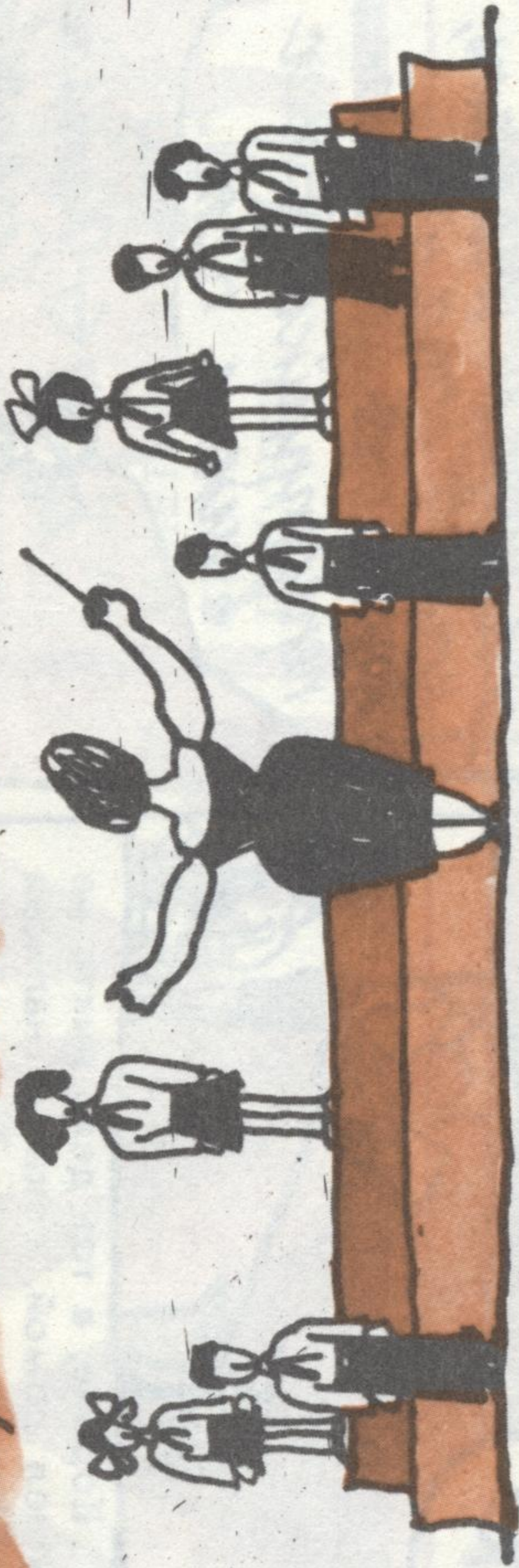

Правильно, всем нужны бумага, мебель и другие товары. Но нельзя из-за них столько губить леса. А еще я заметил, что наши родители мало сажают деревьев. Неужели не думают, каким воздухом дышат их дети?

Люди, если не опомнитесь, вся природа погибнет!

Андрей Макаров,
4-6 класс,
школа № 46,
Куйбышев

«Барабан» б'ёт тревогу!!!

Почему заставляют ходить на хор силой, при помощи родителей и грозных записей в дневнике?

Наша руководительница все время восклицает: «Пойте и пойте, вы не только поете, вы еще и защищаете честь школы!»

И мы плачем и защищаем...

Пятиклассники школы № 1
г. Корсаков
Сахалинской обл.

Обращаюсь сразу с двумя вопросами

Вопрос первый. У нас в школе ввели комедантский час. Если после 8 часов вечера увидят на улице, — сразу жди неприятностей. Учителя говорят, что и в других школах есть комедантские часы. Но я почему-то не верю...

Вопрос второй. В нашей школе учат только до восьмого класса. А потом, чтобы полу-

чить среднее образование, надо ехать в Пожегодскую школу. Но в эту школу берут не всех, а только самых лучших. Скажите, почему так происходит? Ведь в Конституции записано, что в нашей стране каждый человек имеет право на образование.

Анжелика Сенькина,
ученица 8-го класса
Ярошюльской восьмилетней школы
Коми АССР

«Барабан» надеется, что комитеты народного образования Коми АССР и Сахалинской области ответят на вопросы наших юнкоров.

Марина МОСКВИНА

РАССКАЗ

Рисунок П. Кузнецова

Я и Рубен — мы все время смеемся. Нам, когда мы с ним вместе, ужасно хохотать хочется.

— Вот и дружите всегда и не ссорьтесь, — сказал нам наш классный руководитель Сергей Анатольевич. — Станете такие два старичка: «ха-ха-ха» да «хи-хи-хи» — надо всем заливаться. А сейчас, — говорит, — у меня к нашему третьему «Г» **СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО**. Будем выдвигать кандидатов в пионеры. И не просто выдвигать, а приводить причину — почему.

Рубен выдвинул меня. Если б он меня не выдвинул, то я бы его не выдвинул. Так что он меня выдвинул.

— Я выдвигаю Андрюху Антонова, — сказал Рубен, — за то, что он редко дерется, средне учится и не обижает маленьких детей.

Я покраснел и стал улыбаться.

— Кто «за»? — весело спросил Сергей Анатольевич.

Косолруков говорит:

— Я против. Я Андрюху давно знаю, мы с ним ходили в один детский сад. У него есть отдельные недостатки.

— Нет у него недостатков, — угрожающе сказал Рубен.

— У Андрюхи недостатков хоть пруд пруди, — не дрогнул Косолруков.

Трудно Косолрукову не вести себя самодовольно. Он везде первый — и в учебе, и в труде. Он даже вел записи — кто первый ученик класса, кто второй... И себя везде ставил первым.

— Объяснись, — попросил Косолрукова Сергей Анатольевич.

Стояла ранняя весна. Сергей Анатольевич, начиная с апреля, ходил в сандалиях на босу ногу. На выдвижение в пионеры явился он в новых серых брюках — прямо из ателье.

Брюки Сергея Анатольевича оглушительно шуршали, стояли колом, кругом оттопыривались ложные карманы!.. А на спинке учительского стула висела тряпичная сумка в цветок, откуда выглядывали старые брюки Сергея Анатольевича — голубые, сто раз залатанные и зашитые его мамой.

— Дело прошлое, — сказал Косолруков. — Когда нас с Антоновым сдали в младшую группу, он сразу **ОТОРВАЛСЯ ОТ КОЛЛЕКТИВА**.

— Как это ему удалось? — удивился Сергей Анатольевич.

— А он удрал! — говорит Косолруков. — Главное, несется по улице. За ним нянечки, воспитательница, врачиха, мама Андрюхина, Андрюхин папа! А он бежит и **ОТСТРЕЛИВАЕТСЯ!**..

— Не понял, — сказал Сергей Анатольевич.

— У него был **ИГРУШЕЧНЫЙ** пулемет! — вскричал Рубен, чувствуя, что Сергей Анатольевич подумал, что я уложил на месте штук десять нянечек, воспитательницу, родную мать с отцом и единственную на три детских сада медсестру.

— Факт остается фактом, — сказал Косолруков. — Антонов все детство не расставался с пулеметом. И мне записку прислал с ошибками в каждом слове: «Гитлер! Надо нам побольше солдат! Целую, Геринг!»

— Ну, брат, — сказал Сергей Анатольевич, — за давностью лет это дело Антонову простится.

Я посмотрел на него, а он на меня. У него было такое настроение хорошее, желтый куртончик — коротенький, как у матадора, заплатка на локте и очень ровно подстриженная челка.

Помню, я в первом классе влез на гору в овраге, а слезть не мог. Тогда он залез туда тоже и сказал: «Пошли, не бойся! Ведь у нас с тобой **ЧЕТЫРЕ НОГИ!**»

— Но это не все, — говорит Косолруков. — Антонов яйца красит и празднует пасху. А октябрютам нельзя справлять пасху, так как это нелепинский праздник.

— И правда, — вдруг согласился Сергей Анатольевич. — Пускай Антонов пообещает, что он больше не будет красить яйца.

Первое, что я хотел, — это пообещать. Что может быть проще — пообещать не красить яйца?! Но тут я вспомнил, как мы с папой красим их в кастрюльке с кипятком в луковой кожуре. Мы опускаем их туда белыми, похожиму на зиму и снег. А вытаскиваем — рыжие.

«Рыжие яйца, — говорит папа, — олицетворяют жизнь и весну!»

— А я видел во сне Бога, — сказал Рубен, пока я раздумывал — обещать бросить красить яйца или нет.

Тут все к Рубену стали приставать: где он его видел — дома или на улице?

— На улице, — отвечал Рубен. — Мне все сны снятся на улице.

— А какой он? — спросил Сергей Анатольевич.

— Настоящий армянин, — ответил Рубен.

Вопрос о яйцах оставался открытым.

— Да ну их, эти яйца! — сказал Сергей Анатольевич. Он понял, КАК я хочу вступить в пионеры. И как не хочу отречься от яиц.

— Тем более, — вскричал Рубен, — что Андрюха, когда помойку выносит, всегда скорлупу складывает в отдельное ведро. Ведь это кальций, полезный свиньям! Видите он какой — думает и заботится о свиньях, которых даже никогда не видел и, может быть, даже не увидит!

— Зато он на бабушку с балкона... — крикнул Косолруков, — СБРОСИЛ МЫЛЬНИЦУ С МЫЛОМ!!!

— Андрюха ненарочно! — вскричал Рубен. — Он пускал мыльные пузыри! Мыльница сама свалилась на бабушку, не причинив ей никакого вреда!..

— Нет, причинив! Мыльная пена, наверно, попала старушке в глаз и ей его — ЗАЩИПАЛО!!! — кричал Косолруков, а из ушей у него вылетали кукушки.

Гвалт стоял невообразимый. Рубен превозносил меня до небес. Косолруков же изо всех сил напирал на мои недостатки. Он сказал, что я жмот, что я непунктуальный — везде опаздываю и никого не уважаю, а мой папа, оказывается, заявил папе Косолрукова, что я — это надругательство над его мечтой о ребенке.

Я хотел ответить, что и у Косолрукова есть один недостаток — он преклоняется перед иностранными ручками. Он мне сам говорил, что у НИХ в шариковых ручках стрелки лучше! А я ему дал стпор, что зато у нас лучше, чем у них, чеснок!..

— Люди! — взмолился Сергей Анатольевич. — Если мы каждого ТАК будем обсуждать, то в какой-нибудь Тевтонский орден вступить и то легче, чем в пионеры!

— Каждого, — сказал серьезный Косолруков. А у самого такие малиновые уши! — Разве из Антонова выйдет пионер, ЕСЛИ ОН БОИТСЯ КРОКОДИЛА?

— Какого крокодила??? — спрашивает Сергей Анатольевич.

Тут наступила тишина. И если б клоп прошелся по классу, то были б слышны его шаги.

Дурак, я рассказал Косолрукову. Я ведь не знал, что он расстрезвонит. Я сразу так себя почувствовал, как будто наелся ДО ОТВАЛА ненавистными пельменями. Да еще пять сосисок — насверхосыточку.

Тогда я встал и сказал:

— Боюсь, я не подхожу в пионеры. У меня дома под кроватью лежит крокодил. И я боюсь ночью руку свесить или ногу. Боюсь, он мне что-нибудь отхряпает.

— Бред какой-то! — Сергей Анатольевич сел на стол. — Ты что, его видел? ВООЧИЮ?!

— Нет, — я ответил. — Но я на него и не смотрю.

— Ты это выдумал, Андрюха! — твердо сказал мне Сергей Анатольевич. — У тебя под кроватью — НИКОГО! Ты понял?

— Понял.

В музее Ленина принимали нас в пионеры. В зале, где висит его черное пальто. Когда мне надели галстук, я чуть в обморок не упал. И все смотрел на пальто Ленина, смотрел и смотрел, и пришла такая мысль, что это пальто мне, наверное, как раз.

Поздним вечером, когда пора было спать, я простился с мамой и с папой, выключил свет, лег и очень осторожно пошарил под кроватью рукой.

Рука наткнулась на что-то жесткое, корявое, как кора березы. Я заглянул в щель между стенкой и кроватью и ясно увидел бок, ухо, лапу и горящий в темноте глаз.

— Сиди! — строго сказал я ему. — Сиди тихо. Я теперь пионер. И больше тебя не боюсь. Ты понял?

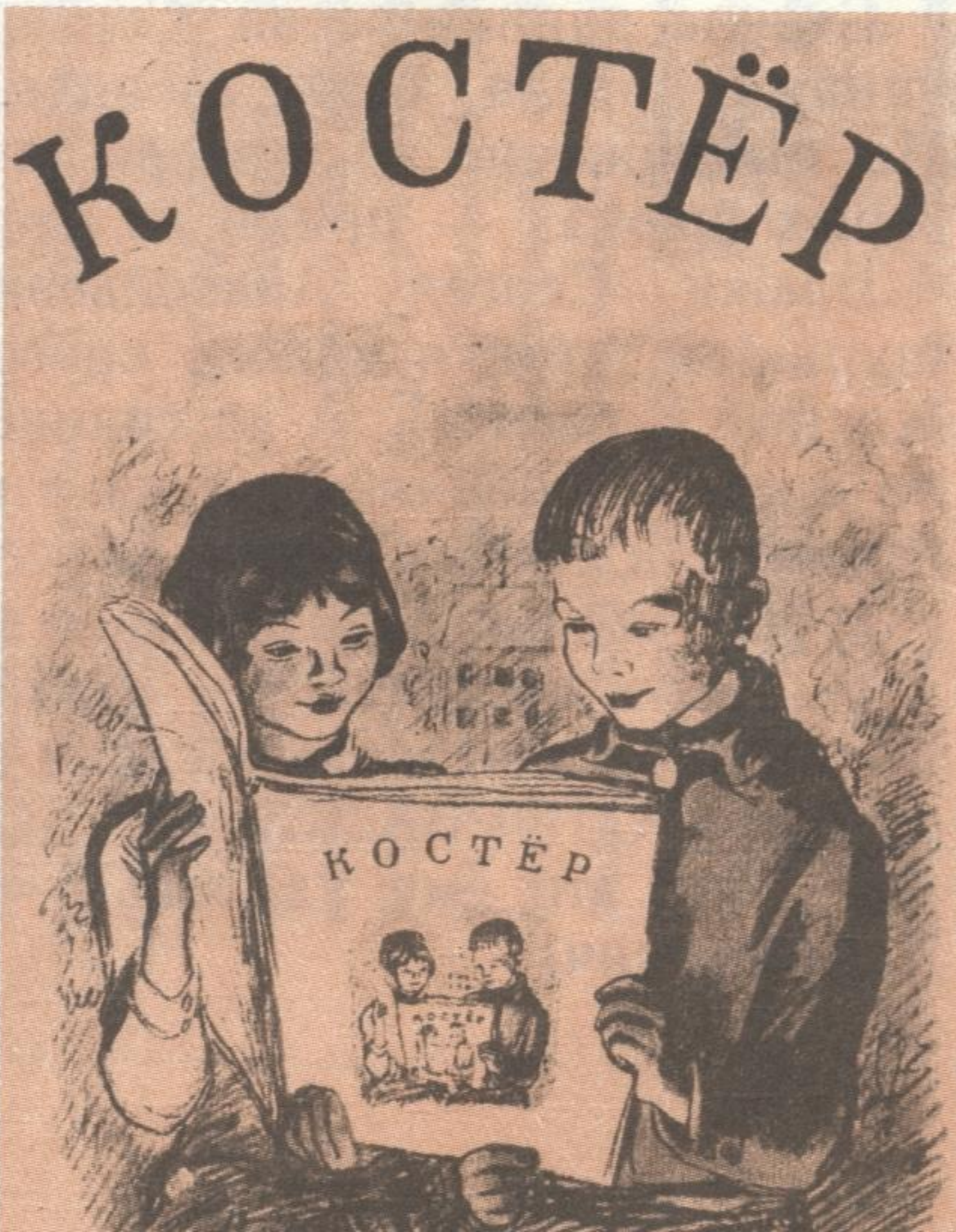
Он понял. Он сидел тихо-тихо, как никогда.

И вот тут ко мне вошел Ленин и укрыл меня своим пальто.

В редакцию пришло письмо **О ПОДВИГЕ ВАШЕГО ЮНКОРА**

Один из моих фронтовых друзей и поныне хранит журнал «Костер» со своим рисунком, который он назвал «Красноармейцы танцуют», а редакция напечатала под названием «Пляска». Под рисунком подпись — «Аркадий Малахов. 12 лет. Ленинград». Мой друг хорошо учился и любил рисовать. Вначале он посещал студию в Доме художественного воспитания детей, а с открытием Дворца пионеров стал заниматься во Дворце. Но на границах Родины уже полыхали тревожные зарницы, и, вместо художественного училища, Аркадий Малахов оказался в Ленинградской военно-морской спецшколе, в которую, к слову сказать, принимали только отличников.

В первые месяцы войны вместе с другими курсантами он строил укрепления под Пулковом, участвовал в поимке ракетчиков и, конечно, рисовал, несмотря на войну, голод и блокаду. Зимой курсантов спецшколы вывезли из блокированного города по льду Ладожского озера. Учебу продолжили в городе Энгельсе на Волге, затем в Челябинске на Урале. Позднее Аркадий учился в Ба-

ку, в Военно-морском училище имени М. В. Фрунзе, однако на фронте было трудно, и курсантов первого курса послали в морскую пехоту.

Малахов воевал под Керчью, Севастополем и Одессой, был разведчиком Дунайской флотилии. В числе его боевых наград есть орден Отечественной войны первой степени, которым он был награжден «посмертно». Наградной лист, присланный по моей просьбе из архива, я подарил Аркадию — все-таки редко кому доводится читать о себе такие документы: «...выполняя задание командования, он действовал один в шлюпке, в расположении противника, и погиб смертью храбрых, дерзких и отважных...» Такие вот слова подобрал тогда начальник разведотдела Дунайской флотилии капитан 3-го ранга Иванов, подписавший наградной лист.

А дело было так: бронекатера с десантом должны были высадить батальон морской пехоты в тылу противника. В том месте, где корабли прорывались через линию фронта, немцы взорвали мост. Он рухнул в воду и перегородил Дунай, так что прохода для кораблей, на первый взгляд, не оставалось. Но разведчики все же нашли небольшой промежуток между двумя торчащими из воды обломками. Для того чтобы командиры бронекатеров смогли увидеть этот проход в темноте, решили высадить на руины моста одного из разведчиков. Этим одиноким сигнальщиком и стал Аркадий Малахов.

До взорванного моста разведчика подкидывал быстроходный боевой катер. К его правому борту пришвартовали шлюпку. «Шлюпкой» для солидности моряки называли легкую гоночную лодку, которую они раздобыли в соседнем селе. На развороте у моста лодка Аркадия отвалила от катера и сразу же хлебнула бортом холодную дунайскую воду. По инерции ее пронесло еще немного вперед, едва не ударив о гранитную опору. Аркадий успел ухватиться за уступ, а полузатонувшая лодка ушла у него из-под ног. В ней остались автомат

и шинель, которую Аркадий успел снять, чтобы удобней было управляться с веслом и фонарем. С большим трудом, цепляясь за мокрые камни, разведчик поднялся на уступ и приготовился к встрече катеров. Кругом стоял плотный дунайский туман, видимость — не более полусотни метров, да и то в свете немецких ракет. Вскоре Аркадий услышал шум моторов и стал показывать фонариком путь к проходу.

К этому времени вражеская артиллерия с обоих берегов стала бить по катерам с десантом. Снаряды проносились вдоль моста и над рекой, рвались в фермах и в воде, холодным душем окатывая прижавшегося к отвесной стене сигнальщика. И все-таки бронекатера подошли к взорванному мосту и, ориентируясь по фонарю Малахова, нашли проход. В него вошел первый бронекатер, за ним на малой дистанции второй, третий... но тут близким разрывом снаряда Аркадия сбросило в воду и понесло вниз по течению. А катера проходили мимо. Разведчик видел десантников на палубах, но они не замечали пловца.

— Бросьте конец! Конец подайте! — кричал он каждому бронекатеру, но в грохоте боя и шуме моторов его не слышали.

«Прощайте» — подумал Аркадий, когда последний бронекатер прошел мимо, и, держась подальше от берегов, с которых все еще стреляли вражеские пулеметы, поплыл по течению. В воде Малахов сбросил сапоги, полагая, что так сможет продержаться на воде дольше

и, возможно, доплывет до своих. Но вскоре его затянуло в прибрежные льдины, и у него едва хватило сил выбраться на одну из них...

А дальше случилось вот что. Поутру разведчики выловили шлюпку, нашли в ней автомат и шинель Аркадия и подумали, что он утонул в реке. Чтобы хоть как-то сохранилась память о герое, они вкопали на берегу, в виде памятного знака его гоночную лодку и сделали надпись, что погиб в ней краснофлотец Аркадий Георгиевич Малахов. Благодаря этому знаку и оказался мой друг в списках погибших.

Десантный батальон, проход которому под взорванным мостом подсвечивал Аркадий, высадился в ту ночь в тылу немецкой обороны у небольшого селения Тат и четверо суток, окруженный крупной группировкой противника, вел тяжелый бой. Десант выполнил боевую задачу. Всех погибших похоронили в Эстергоме. У меня есть тот скорбный список, присланный венгерскими следопытами. В нем числится и Аркадий Малахов...

После Великой Отечественной войны Аркадий Георгиевич стал профессиональным художником, долгое время работал в издательстве «Советский художник». Мы изредка с ним встречаемся, вспоминаем Дунайский поход и своих товарищей, навсегда оставшихся на берегах реки, которую они так никогда и не увидели голубой.

Михаил АШИК,
Герой Советского Союза

НОЖ РЫБМАСТЕРА КРАЩИКОВА

А. ГОСТОМЫСЛОВ

РАССКАЗ

Рисунок Д. Титова

Вот получено разрешение на выход в рейс, пройдена медкомиссия.

На траулер погружено продовольствие, тралы. Механики закачали топливо.

Теперь можно на судно зайти и юнге — то есть мне.

У трапа пограничник в фуражке с зеленым околышем. Мы считаемся уже за границей.

Отходили в полдень.

Буксиры оттягивали траулер от пирса, я смотрел на удаляющийся берег, прибрежные склады, портовые краны. Я завидовал вахтенному штурману, который ходил по мостику в белоснежных перчатках и решительно командовал отходом. Завидовал матросам, которые бегом выполняли его команды и еще успевали поглядывать на берег.

Отошли буксиры. Задрожала под ногами палуба, корабль пошел своим ходом. Вздулся бурн под носом, в обе стороны медленно потянулись волны.

Ветер странствий подсушил глаза, в груди стало легче.

Вот позади Маркизова лужа, позади позорная дамба, из-за которой Финский залив около города превращен в отстойник для грязи, уж здесь не искупаешься! Позади купола Кронштадтского собора, Петродворец. Мелкие и крутые волны залива пытались расшатать траулер, куда им, зря старались, качки никакой.

Но матрос на траулере — не вольный пассажир, который может сколько угодно наслаждаться своей печалью и историческим пейзажем. Отец, капитан траулера, предупредил, что хоть берет юнгой, придется работать как матросу.

Человек, который окликнул меня, имел хриплый, жесткий голос:

— Юнга Федотов, мне поручено заняться вашим трудоустройством.

Это рыбмастер Владимир Кращиков. Скуластое, готовое к улыбке лицо, пристальные глаза за широкими стеклами очков. Загнутые, как у мушкетеров, голенища рыбацких сапог, на поясе в кожаном чехле большой самодельный нож с ручкой из красного дерева, вероятно очень удобный в работе.

«И когда он успел переодеться?» — подумал я с удивлением.

— Умеешь фильмы показывать?

Я развел руками:

— Гожусь только для грубой физической работы.

— Присылают черт-те кого. Ни один кинопроектор не знает. На борту сорок кинолент, а хоть сам фильмы крути.

Он еще поругал неведомого мне кадровика и рывкнул:

— Пойдешь в библиотеку, разложишь книги по полкам. Потом в рыбцех. Понял?! — И зло, с татарским прищуром посмотрел.

Я кинулся бегом вниз по трапу, совершенно забыв спросить, где библиотека?

Возвращаться к этому непонятному, сердитому человеку не хотелось. Стал ходить по палубам и читать все, что написано на дверях.

Нашел камбуз, кают-компанию, радиорубку, каюту старшего механика, каюту штурманов.

Через четверть часа Кращикова встретил меня на нижней палубе.

— Уже уложил книжки? Молодец, — он обнажил неровные зубы.

Отец меня предупредил: на судне не ври. Если что сделал не так, не скрывай! Падай на четыре кости и признавайся. Поругают и простят. Лжи не простят никогда.

Заикаясь от стыда, я признался, что не нашел библиотеку. Рыбмастер снял очки, вытаращил глаза и заорал на весь коридор:

— Кого присылают, с кем работать?.. Целый день библиотеку ищет!

До того разошелся Кращикова, что начал махать руками. В конце концов он легонько задел меня локтем. Дверь, на которую я опирался, подалась, и я повалился прямо на огромные мешки с книгами. Кращикова во всю глотку захохотал и топал по коридору.

На дверях библиотеки никакой надписи не имелось. В прошлом это была обыкновенная каюта.

Мешки с книгами оказались неподъемные. Я ставил их на попа и без разбору рассовывал книги по полкам. Один мешок был с классикой, другой с детективами, в остальных что попало. Некоторые книги распухшие, страницы покрыты солью. Потом попался «Моби Дик». Я давно собирался прочитать эту книгу и засунул ее в самый дальний угол, чтобы никто до меня не нашел.

Пустые мешки в угол, дверь захлопнул и бегом в рыбцех.

Кращикова глянул на часы, поморщился:

— Обуть, одеть тебя надо, а ты длинный вымахал. Где я возьму такие сапоги?

С ворчанием достал из дальнего угла кладовки сапоги сорок третьего размера. Дал длинный непромокаемый передник, клеенчатые нарукавники с двумя резинками. Белоснежные хлопчатобумажные перчатки. Еще резиновые перчатки с присыпкой на ладони, чтобы рыба не выскальзывала. Дал шорты, рубашку и сверху на эту кучу положил грубый шерстяной свитер. И еще — короткий нож для шкерки рыбы да длинный и тонкий нож — резать филе.

Несколько дюжих матросов с улыбкой наблюдали, как береговой пацан превращается в моряка.

Оказалось, что на переходе до места промысла матросы работают по восемь часов, а потом, когда пойдет рыба, — по двенадцать. За это им на берегу дают отгулы.

— Но, если хочешь, — предупредил рыбмастер, — можешь работать по шесть.

Я решил, что восемь часов мне под силу.

Прошли Балтику, Зунд, Скагеррак, Северное море...

Во время перехода траловая команда, где были самые опытные моряки, оснащала трал, готовила его к спуску в воду.

А мы, рыбообработчики, разложили тару, установили столы для обработки рыбы. И еще ходили к боцману, и он заставлял нас плести маты, наводить блеск, чистоту. Чтобы новенькое, только что с завода, судно приобрело лихой вид.

Когда выдавалась свободная минута, я выходил на верхнюю палубу и любовался небом, морем и разбегающимися от судна волнами. В каюту к отцу старался не ходить, не жаловался ему, что устаю. Ничем не давал понять своим новым товарищам, что рядом с ними капитанский сынок. И матросы, которые были старше всего на четыре-пять лет и хорошо помнили свой первый рейс, иногда давали мне отдохнуть лишнюю минутку.

Отец перестал смотреть на меня выжидательно. После вахты приглашал в штурманскую рубку. Показывал навигационные приборы, карты, рассказывал про океанские течения, острова, про жизнь и поведение рыб, про гренландские айсберги, про северные льды, про солнце и звезды... Сколько же всего он знал про океан! Но я делал вид, что меня ничем не удивишь, и держался самостоятельно. Бра́л книги из капитанской библиотеки. Но прийдя к себе в каюту и раскрыв их, я порой засыпал.

До Гаваны добежали за полторы недели.

Стоянка недолгая, всего двое суток. В город отец меня не пустил, потому что у меня нет паспорта моряка. Я разглядывал Гавану в бинокль и лишь спустился вниз постоять на причале, чтобы мог сказать потом, что в Гаване побывал. Порт мне понравился — шумный, веселый. Много кораблей разгружается, наши тут — и сухогрузы, и контейнеровозы, и рефрижераторы.

А вот и кубинские моряки шумной толпой идут к нашему судну. Смуглые ребята, сверкают белки глаз, белозубые улыбки. Дружно затопали по парадному трапу. Впереди плечистый кудрявый, в форменной тужурке с нашивками комсостава — Мигель, его назначили третьим штурманом.

К борту подъехал грузовик с фруктами. В ящиках ананасы, апельсины, банки с соком, бананы. Мы быстро их погрузили и — можно уходить.

Мигель уже заступил на вахту. Стал строгим, улыбка пропала. Еще бы — новое для него судно. Капитан приказал выходить из порта, и вахтенный штурман стал командовать отходом.

От волнения Мигель часто смотрел на капитана — правильно ли он делает. И тогда отец ушел из рубки, чтобы показать, что доверяет.

Мигель напрягся, изменился голос — вот-вот сорвется. А кубинцы на берегу рады — их штурман Мигель сразу стал командовать таким огромным судном!

Я стоял у лееров и видел, как отец наблюдает за отходом в иллюминатор и все время вытирает платком лоб. Конечно, если Мигель ошибется, он мгновенно появится в рубке и исправит ошибку. Но все равно, если что случится с траулером, — отвечать ему. А доверить управление незнакомому штурману — большая смелость.

Нет, не сплеховал Мигель, не растерялся — аккуратно отвел судно от стенки, по всем правилам разошелся со встречным судном, чисто, красиво вышел из порта в океан.

Когда добрались до района промысла — Мигель первым нашел косяк рыбы. Все, кроме отца, сказали — повезло молодому штурману.

Мигель не спорил, повезло так повезло, но факт — самописец на ленте рисует жирный косяк. Поставили трал и подняли на борт первые пять тонн рыбы.

Хороший почин!

Почти весь экипаж на палубе: первый трал — праздник! Ну, а коль рыба поднята — пора за дело.

Рыбмастер Кращиков обвел палубу расширенными глазами и весело заорал:

— Рыбообработчики — в цех!

И толпа дружно посыпалась по крутому трапу вниз.

Кращиков всегда работал в белых перчатках. А тут он снял их, чтобы подточить нож. На пальцах правой руки у него старая наколка: «Вова». Я видел ее раньше и не обращал внимания, подумаешь — несмыаемые грехи неразумной молодости. Но кубинцы, увидев эту наколку, зафыркали и захохотали, показывая друг другу пальцами на Кращикова, и громко повторяли:

— Боба... Боба...

Старый рыбмастер не привык, чтобы над ним смеялись. Сначала он стал красно-бурый, как свекла. Потом бледным, словно мертвец. Глаза налились кровью, и тот, в кого он втыкал свой взгляд, жесткий, как гвоздь, вдруг давился смехом и замолкал.

Кращиков знал, почему они смеются. «Вова» по-испански читается как «Боба» и означает — «дура».

Рукава Кращиков закатал по локоть и провел ножом по своей волосатой руке. Все увидели — нож режет волос. И этим ножом он показал на ближайшего кубинца. Тот вздрогнул и испуганно попятился. На его место встал другой — сухой, поджарый, быстрый. Белки глаз его полыхали, и он тоже выхватил из чехла на поясе нож. Они смотрели в зрачки друг другу и дрожали.

— Станем здесь, — показал Кращиков. И они стали рядом у ленты транспортера.

— Рыбу давай! — рявкнул Кращиков.

Матрос открыл задвижку бункера, и на транс-

портер полились толстые, словно лапти, окуни. Взвыл и набрал бешеную скорость круглый нож — головоруб. Матрос хватал рыб, мгновенно отрубал головы, и по ленте транспортера рыбы поплыли к изготовившимся обработчикам.

Кубинец первым схватил свою рыбу. Один взмах ножа — и живот распорот. Другой взмах — и внутренности вылетели. Ошкеренная рыба полетела в моечную машину. Стремителен, ловок кубинец, нож его мелькает так, что его почти не видно. И всем ясно: он быстрее Кращикова. Все смотрят на кубинца и любят его им. Но странное дело — пока кубинец шкерил десять рыб, Кращиков выпотрошил тринадцать. Все ахнули — как же так? Кубинец растерялся, опустил руки.

— Ты Вова! — внушительно сказал ему Кращиков, и матрос отступил.

Место его тотчас занял другой, не менее решительный матрос. Теперь уже все смотрели на Кращикова. Тот двигал руками без размаха, просто, несуетно, как-то даже медвежовато. Но пока матрос ошкерил десять рыб, у него было уже готово четырнадцать.

— И ты Вова! — внушительно сказал ему Кращиков, и тот отступил.

Кубинские моряки были возбуждены, как так? Этот неуклюжий дядька обгоняет их — молодых? Они повыхватывали ножи и стеной стали к шкерочной доске у транспортера.

Теперь уже два матроса стояли на головорубах и едва успевали готовить сырье.

— Рыбу давай! — рявкнул Кращиков.

— Рыбу давай! — хором подхватили моряки. Ножи сверкали безостановочно. И все же пока матросы шкерили десять-двенадцать рыб, мастер успевал четырнадцать.

Тогда один из матросов, видно уже бывалый моряк, протянул Кращикову свой выданный на корабле нож. Кращиков понял и отдал ему свой самодельный.

Все побросали работу.

Звякнул головоруб. Кращиков и матрос одновременно схватили по рыбе. И тут произошло такое, от чего глаза у матросов полезли на лоб. Кращиков одним ударом вспарывал рыбе живот и, хитро выворачивая нож, тупой его стороной выдергивал содержимое. Это было невероятно. Пока ловкий матрос шкерил свои десять рыб, у мастера уже были готовы восемнадцать!

Его соперник выронил нож и в полной тишине сказал:

— Знаешь... Я — Вова...

Смеялись по-другому, дружно, Кращиков хохотал до слез, а самый худенький из матросов дергал его за руку:

— Ты, я не Вова! Ты меня учит!

Гнутся и потрескивают от напряжения матросские косточки, густо, до приторности пахнет рыбой, гудят моторы, и воздух потрясают одни и те же яростные крики Кращикова:

— Рыбу давай!.. Рыбу давай!..

Сегодня мы печатаем рассказ *Кати Андрюшиной*. Катя живет в городе Горьком, учится в 6-д классе школы № 124, занимается музыкой. Вот и все пока, что мы знаем про Катю. Впрочем, нет. Когда вы, ребята, прочтете ее рассказ, вы познакомитесь с Катей гораздо ближе.

Солнечный луч дотянулся до большого глобуса на столе. Я открываю глаза: пора в школу. По квартире плывет аромат горячего, высушенного в духовке хлеба.

Пока луч солнца не коснется на голубом шаре точки моего родного города Горького, могу еще полежать.

Солнечная полоса осветила Ереван. И я вдруг вспомнила вечер прошедшей зимы. Накануне в программе «Время» сообщили о землетрясении в Армении. Мы собрали игрушки, белье, одежду и тайно собрались у школы. Учителям решили ничего не говорить — все сделать самим. Шили посылочный мешок, разбирали и упаковывали вещи. В посылку я положила письмо: «Дорогие друзья! Мы, пионеры 5-д класса школы № 124, очень хотим помочь в вашей горе. После землетрясения у вас трудно и холодно. Мы шлем теплые вещи, чтобы вы не болели. А в моей семье каждый вложил в посылку гостинец. Даже маленькая Аннушка посылает свою игрушку. Кто хочет, приезжайте к нам. Мы будем очень рады. Встретим, как родных». В конце страницы я написала свой адрес и номер автобусов, которыми можно добраться до нашего дома.

...Луч солнца поднялся по глобусу выше, залил светом Северный Кавказ. Отсюда пришло письмо после того, как в «Пионерской правде» была опубликована заметка о нашей школе. Здесь, высоко в горах, живет моя подруга — чеченка Эльза. Трудно дается ее семье обработка земли, но люди делают все, чтобы помочь народному хозяйству страны.

Солнечная полоска все быстрее взбирается по крутому боку планеты. Вот она коснулась Ставропольского края и влилась в Волгу. Отсюда, из

Буденовки и Саратова, летят ко мне письма еще от двух подруг — Лены и Тани. Прошлым летом мы познакомилась с ними на берегу Черного моря, в санатории. Сколько больных детей видели там! Причина болезни многих — тяжелые годы войны, пережитые старшими и отразившиеся на внуках.

...Солнце наполняет комнату до краев. И вот, наконец, освещен Горький! Приоткрывается дверь, мама прикладывает палец к губам и шепчет: «Дети, вставайте. Только тихо, не разбудите дедушку. Он поздно лег».

Мой старый дедушка ушел на войну совсем юным добровольцем. Сражался под Ленинградом. Пайком для бойцов были 200 граммов сухариков.

В кухонном шкафу у нас всегда хранится большой пакет с мелко нарезанным и насушенным ржаным хлебом. Когда мы съедаем с бульоном все сухарики и дедушка обнаруживает, что пакет пуст, он не может уснуть, пока не насушит новых, хотя в доме много всякой еды. Он дожидается, пока все улягутся, выходит на кухню и сам, один, сушит новые. В эти ночи у него особенно болит сердце.

...Еще несколько секунд я лежу на залитой солнцем постели и смотрю на ярко освещенный глобус. Пусть не будет больше войны! Дети каждый день должны просыпаться в светлых комнатах, смеяться, грызть маленькие ароматные сухарики. Тогда у планеты будет время, чтобы научиться бороться с землетрясениями. И деньги на это. Тогда придут машины в труднодоступные места страны, и горцам станет легче жить. Тогда, кроме ушибленных коленок и ссадин, ничего не будет болеть у детей.

Мой друг **Сабонис** и другие

Сергей ИОВАЙША

Мне повезло: играл с двумя лучшими баскетболистами Советской Литвы, заслуженными мастерами спорта Модестасом Паулаускасом и Арвидасом Сабонисом. Когда пришел в команду «Жальгирис», Паулаускас уже достиг вершин спортивного мастерства, получил мировое признание. Я ловил каждое его слово, анализировал критические замечания. «Помни,— порой говаривал Паулаускас,— забросив мяч, обманешь только своего опекуна, а передав мяч свободному партнеру, обманешь двух соперников». Он не умел играть, экономя силы, хотя его часто преследовали травмы. И никто никогда не видел

его мук, не слышал жалоб. В каждой игре он старался принести своей команде как можно больше пользы. Я мечтал когда-нибудь носить майку с номером 5 — номером моего кумира, но она досталась моему товарищу по команде Арлаускасу.

А потом я познакомился с Арвидасом Сабонисом, видел его первые шаги в «Жальгирисе». Это было восемь лет назад, в один из летних дней. Мы уже слышали о нем самые разные байки, но, откровенно говоря, не очень им верили. Один из наших высокорослых игроков довольно громко выразился: «Покажи мне этого Сабониса — и я под корзиной

что хочешь с ним сделаю». И вот Сабонис — высокий, стройный и тихий юноша — появился в команде. Мы видели, что молодой баскетболист взволнован. Это естественно. Его ровесникам, пришедшим на первую тренировку с мастерами, даже двумя руками бывало трудно удержать мяч, он все время падал у них. Но тут было иначе. Арвидас взял мяч одной рукой и сжал его пальцами, словно железным обручем. Новичок сразу обратил на себя внимание техникой, нестандартными действиями, оригинальным мышлением. Одна его передача летела через плечо, другая — из-за спины. Он вколотив мяч в кольцо двумя ру-

ками сверху так, что даже самый опытный в нашей команде Линкявичус поразился: «Такого баскетболиста я еще не видел». И не мог видеть — такого не было. Юный центральный нападающий продолжал нас удивлять, пока мы не привыкли к нему. Я понял: в литовском, во всем советском баскетболе наступила новая эра — эра Сабониса, и я должен буду оказать содействие в раскрытии неповторимого баскетбольного таланта.

Он вступил в большой баскетбол необычайно смело и твердо, и сразу заставил говорить о себе поклонников нашего вида спорта. Фамилия юного баскетболиста замелькала в газетах и журналах многих стран мира. Его фотоснимки украшали и еще долго будут украшать титульные страницы не только спортивных изданий.

С приходом Сабониса неузнаваемо изменилась вся команда. Нам пришлось менять почерк всей игры. Десять мужчин должны были приспособиться к одному, самому юному. Мы старались играть с ним в такт, доверив ему роль «первой скрипки». В командах столь высокого класса подобное бывает очень редко.

Уже будучи признанным лучшим баскетболистом Европы, Арвидас говорил, что с первых шагов на площадке я понимал его с полуслова, с одного взгляда. Но в этом не только моя заслуга. Меня всегда удивляли его понимание игры, интуиция. Я еще только готовлюсь к поиску Сабониса под кольцом соперников, а он уже освободился от своего опекуна и ждет там, где удобнее всего продолжить атаку. И тут Арвидасу только дай мяч, а как им распорядиться, он знает лучше других.

Я часто думаю, как бы выглядел наш «Жальгирис», если бы Паулаускас и Сабонис играли вместе. С виду такие разные, на площадке — они очень похожи. Во-первых, оба они — лидеры, смелые и уверенные в себе, и в самый трудный момент взваливали на свои плечи большой груз ответственности.

Правда, имевший более богатый игровой опыт Паулаускас старался никогда не забывать о своих товарищах по команде. А Сабонис, закусив губы, самую большую работу брал на себя.

Кто из них двоих поступал правильно? Если побеждали сборная СССР, «Жальгирис» — правы оба.

Но есть еще одно общее у них качество: горячие, необыкновенно горячие они на площадке. Провинившись два-три раза подряд или рано получив четвертый фол, Паулаускас и Сабонис еще более решительно рвались в бой и, как правило, тут же наказывались пятым фолом, после чего вынуждены

были покинуть площадку. Понятно, потеря таких игроков для команды невосполнима, поэтому их нужно своевременно заменять. И еще одно но: оба великих баскетболиста никогда не давали себе поблажек в игре и очень нервничали, когда их товарищи совершали грубые ошибки. В эти моменты они так начинали кричать, что становилось жутко. Не оставляли они без внимания и свистки арбитров «не в ту сторону». И, конечно, судьи их безжалостно наказывали, правда, не всегда по заслугам.

Рассказ
заслуженного мастера
спорта СССР С. ИОВАЙШИ
записал БРОНИСЛАВ ЧЕКАНАУСКАС,
перевел с литовского Я. РАДИС

ДВЕ ПРАВДЫ ФЕНИМОРА КУПЕРА

Андрей ЕФРЕМОВ

Страницу за страницей читал писатель свою рукопись сидящему перед ним старому моряку. Старик слушал внимательно, одобрительно кивал тяжелой седой головой. Наконец описание бури достигло кульминации, и моряк вскочил. «Все это хорошо! — кричал он. — Но поспешите же отдать паруса на фок!» — «Есть паруса на фок!» — отозвался автор и тут же, взяв перо, поправил рукопись. Вот так была поставлена последняя точка в романе Джеймса Фенимора Купера «Лоцман».

Сам недавний моряк, Купер взялся доказать, что «морской роман» может быть увлекательной литературой, хотя чего ему только не пришлось услышать... «От вашей книги будет пахнуть затхлой водой!», «От такого романа у читателей разыграется морская болезнь!» Было от чего опустить руки, но упорство Купера оказалось ничуть не меньше его таланта, и 7 января 1824 года роман вышел в свет.

Книга имела сокрушительный успех. Кто только не восторгался ею! Поэт-декабрист Вильгельм Кюхельбекер в камере Свеаборгской крепости, великий Александр Дюма, Бальзак. Но — такова уж, видно судьба книг — чем дольше жил роман, тем меньше становился он похож на того «Лоцмана», под которым поставил свою подпись Фенимор Купер. Одно поколение читателей сменялось другим, и что-то важное забывалось, отодвигалось год за годом все дальше.

А может, так и должно быть? Ведь говорят же некоторые: «Раз забыл, значит, и помнить не нужно. Нечего голову забивать».

И все-таки...

Ненастным утром 1788 года от копенгагенской пристани отвалил прогулочный бот. Ветер стал усиливаться, едва судно вышло из порта. Волны уже перехлестывали через борт, когда хозяин судна предложил единственному пассажиру вернуться, — дальнейшее плавание становилось опасным. Какие могут быть морские прогулки при таком волнении? В ответ пассажир, невысокий смуглый человек, изругал команду и, вытащив из-под плаща пистолет, приказал держать курс в открытое море.

Затянувшаяся прогулка окончилась через четыре дня по другую сторону Балтики. Отчаянный любитель морских путешествий сошел на берег в порту Выборга.

Так и кажется, что вся эта история взята из какого-нибудь приключенческого романа, однако для прославленного капитана молодого североамериканского флота Поля Джонса этот морской переход был не захватывающим приключением, а концом самой блестящей части его военноморской карьеры.

Только что закончилась война Соединенных штатов за независимость, война, в которой Поль Джонс без устали преследовал и топил английские корабли, держал в страхе восточное побережье Англии и, не раздумывая, атаковал противника везде, где случалось встретиться с ним. Но вот подписаны документы о мире, и отчаянный моряк оказался никому не нужным. Имение на родине — продано (однажды Джонсу за свои деньги пришлось купить пушки для корабля), оставаться вблизи Англии — опасно. Англичане не могли простить ему дерзкие набеги на свои берега и десятки сожженных кораблей.

Вот так и случилось, что в российском флоте появился новый контр-адмирал Поль Джонс.

Историю этой бурной жизни современники знали прекрасно, и не удивительно, что в мистере Грэе, герое романа «Лоцман», сразу узнали американского капитана. Для тех, кто помнил войну за независимость, некоторые страницы книги звучали как напоминание о недавних еще схватках, а сам лоцман Грэй был вовсе не таким уж таинственным незнакомцем, каким он кажется нынешним читателям.

«Ну и что? — скажет теперь кто-нибудь. — Пусть Грэй оказался Джонсом. Что изменилось

от этого?» Трудно возражать тому, кто задает такие вопросы. Ведь и правда — что бы ни говорили мы, а ни одна точка, ни одна запятая не сдвинется в романе с места. И все-таки не пожалее тот, кто хотя бы ненадолго сам окунется в события жизни капитана Джонса. Эта недолгая, беспокойная жизнь оказывается чем-то вроде ключа к роману. Ведь даже завязка «Лоцмана» имеет своей основой десант Поля Джонса на английский берег, а сколько еще по книге рассыпано больших и малых эпизодов, в которых будто эхо отозвалась жизнь Джонса. Чтение превращается в увлекательное исследование, а сюжет приобретает ту достоверность, что так ценится теперь у любителей документальной литературы. Но никогда бы роман Купера не заслужил такой долгой жизни, окажись в нем только литературный пересказ войны за независимость Соединенных штатов. Купер-писатель словно бы соревнуется с Купером-историком. Не всегда даже удается заметить, где кончается история и начинается фантазия автора. Тому, кто прочтет роман, конечно запомнится один из самых ярких персонажей — рулевой Том Коффин. Характер, облик этого моряка — все создано талантом писателя. Но вот доходим мы до сцены гибели Тома на борту его любимого «Ариэля». Коффин может спастись со всеми, но остается на гибнущем судне, чтобы разделить его судьбу. Кажется невероятным, чтобы военный моряк, герой исторического романа, где многое перекликается с реальными историческими событиями, чтобы этот герой вот так, «за здорово живешь», согласился погибнуть без борьбы. Но читаешь роман и понимаешь вдруг, что и в самом деле — не мог рулевой Том Коффин прожить без своего «Ариэля», и вот уже и жизнь и смерть вымышленного героя становятся для нас такой же непреложной истиной, как и война, описанная в книге.

Проходят годы. Один за другим издаются романы знаменитой индейской серии Купера, и в них он снова соперничает с самим собой. Места, где разворачиваются события «Зверобоя», «Последнего из могикиан», «Прерии» описаны с такой точностью, что кажется, стоит взять карту, и мигом отыщется водопад, где майор Хейворд, Ункас, Чингачгук отстреливались от наседающих мингов или то место у Великих озер, где вышел из леса Бетти Бумпо со своим приятелем Непоседой. Поразительно не только точность описаний, поразительно то, как с ней сочетается великое искусство писателя. Созданная его пером природа кажется настолько живой, что трудно свыкнуться с мыслью о том, что всего этого давным-давно нет и в помине. Ясно, что на фоне мастерски изображенной природы любая фальшь в характерах героев была бы до обидного заметной. Но созданные фантазией Купера люди, придуманные от макушки до подошв своих мокасин, они кажутся такими же настоящими, как лесные чащи и озера тогдашней Америки. И это главная правда писателя Джеймса Фенимора Купера.

Если по-честному...

В чем ты видишь смысл перестройки, которая происходит в нашей стране, твоём городе, поселке, где ты учишься? Разговор на эту тему (смотри «Костер» № 5 за этот год) начали пионеры 255-й ленинградской школы. Сегодня его продолжают семиклассники школы № 8 города Тихвина.

«Смысл перестройки — в улучшении нашей жизни. Если все люди будут работать на совесть, то продукции будет достаточно.

В школе тоже много недостатков. Во-первых, постоянные конфликты с учителями. Им нужно бы прислушаться к мнениям учеников! Во-вторых, нет права выбора учителя. В нашем классе раньше была замечательная классная руководительница. И дисциплина была хорошая, и успеваемость. И она нас любила. Но ее заменили учителем, который, по моему, любит только себя.

Конечно, есть и хорошее.

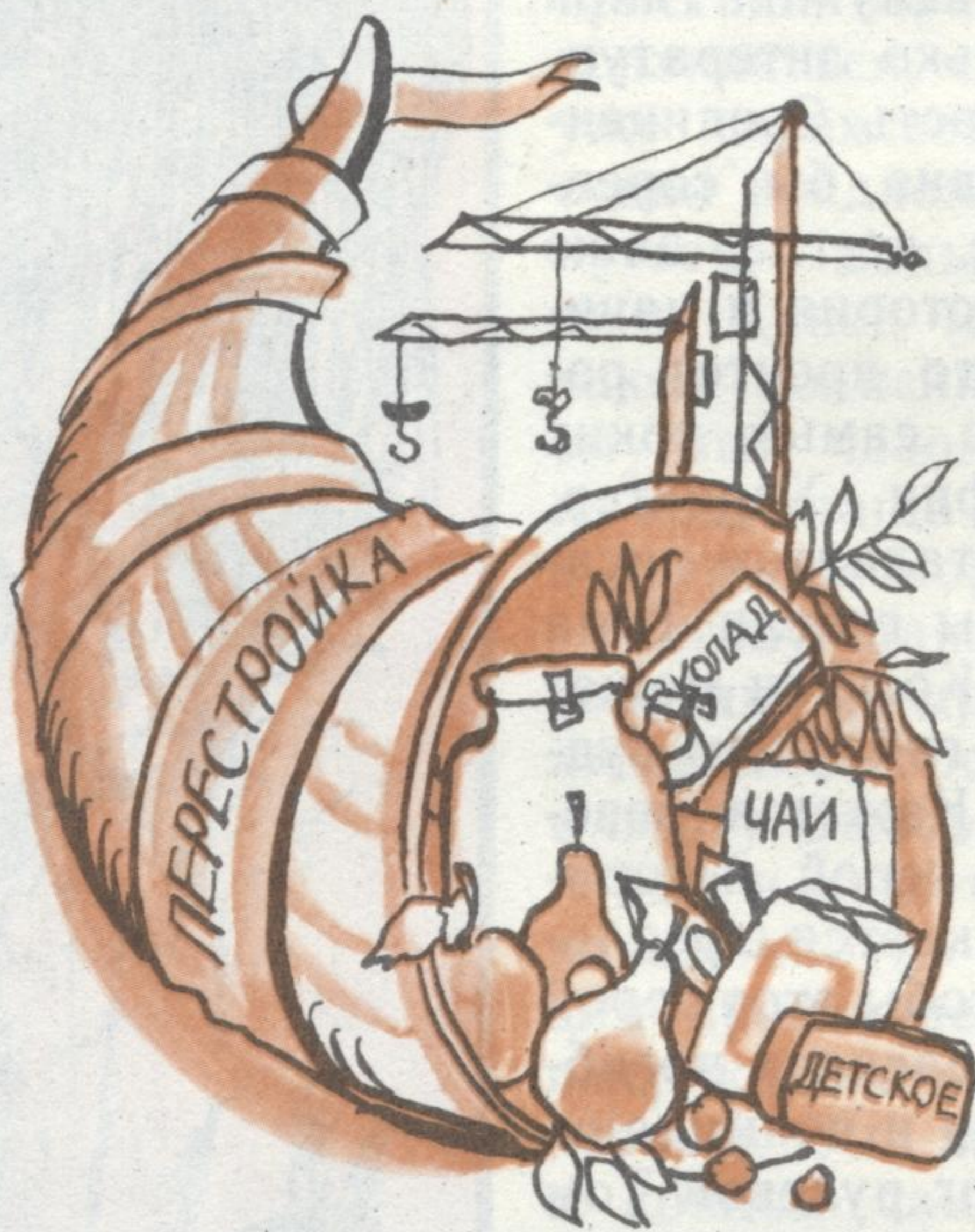
Много честных людей борется за перестройку. И это отлично!»

(без подписи)

«В школе нет перестройки потому, что нам не дали никаких прав.

Я бы хотел, чтобы в результате перестройки в стране не было проблем с мылом, порошком, чаем, сахаром. Мечтаю увидеть наш город в зелени. А у нас — что? Вырубают деревья, и на их месте ставят дома».

Игорь Катков,
7-б класс

«Перестройка очень нужна, чтобы было меньше воровства в магазинах и больше хороших товаров на прилавках. Чтобы завозили больше фруктов и молоко было бы не порошковое, а чистое, неразбавленное».

Анжела Заручевская

«Если по-честному, ничего перестроечного я не ощущаю ни в городе, ни в школе».

А. Мылов

«Чтобы каждый человек был счастлив и ни в чем не нуждался. Но таких людей я пока в Тихвине не вижу».

Сумеркина, 7-б

«Кто работал, учился добросовестно, тот и сейчас трудится добросовестно, а кто раньше бездельничал, тот перестраивается. Но — не все, есть и враги перестройки».

(без подписи)

(без подписи)

«Раньше на пионерских собраниях мы сидели и слушали, а сейчас обсуждаем разные вопросы».

(без подписи)

«Перестройка в нашей школе существует только у старшеклассников, они обсуждают внесенные ими предложения, проводят интересные дела.

А где же перестройка для младших классов? Ее нет».

(без подписи)

«Хочу, чтобы было свободное расписание уроков.

И еще — я уверена, каждая пионерская дружина должна сама выбирать любую структуру пионерской организации».

(без подписи)

«В нашей стране был период застоя. Было развито чванство, бюрократия. Очень много денег шло на ветер. Теперь все это надо устранить».

(без подписи)

«Не согласен, когда говорят, что перестройки в Тихвине нет. Вспомним, как проходили выборы народных депутатов. Их избирал народ, а раньше — не народ, а верховные комиссии».

(без подписи)

Видимо, читатели обратили внимание, что большинство сочинений без подписи. Почему так произошло! Если ребята боятся подписываться, значит, ни о какой перестройке в школе № 8 говорить пока не приходится.

Редакция надеется, что совет дружины школы ответит на этот вопрос.

У НАШЕГО АВТОРА-ПРАЗДНИК

Говорят, каждый взрослый человек, если очень постарается, может написать книгу. Возможно, это и так. Но вот написать книгу для детей способен далеко не каждый, даже если у него литературный дар. Почему? Да потому что далеко не каждый взрослый человек способен сохранить в своей душе то острое, неповторимое ощущение мира детства, без которого детская книга просто не может жить. Писатель Валерий Михайлович Воскобойников, берем на себя смелость это утверждать, человек счастливый. Его книги живут долго. Их с огромным интересом читают мальчишки и девчонки в нашей стране, в Румынии, Польше, США, Японии, ГДР и еще во многих других странах, где писателя знают и любят. А сколько добрых ребячьих писем получает «Костер» каждый раз, когда на его страницах появляется новая повесть Воскобойникова!

В этом году у нашего автора Валерия Михайловича Воскобойникова юбилей — ему исполняется пятьдесят лет. Мы от души поздравляем писателя и ждем от него новых добрых и умных книжек.

В. ВОСКОБОЙНИКОВ

РАССКАЗ

На вокзале никто не знал, какой трус будет жить в одном отряде со всеми. Узнали в поезде.

— Вон, тот рыжий в тубетейке. Ну и трус!

— Трус?

— Ябеда! И ночью — храпит. Не уснете!

— Да ну?

— Я в прошлом году с ним в одну смену был. Хорошо, в разных отрядах. Боба знаете? Нет? Это его Рыжий выдал на озере. Боба из-за него из лагеря выгнали и Витьку Козырева.

— Вот этот рыжий?

— Он. Еще тубетейку снял. Песню поет со всеми.

— А тебя как зовут?

— Сережка. Сережкой меня зовут. А рыжего — Николаев. Николаев! Во, видите, повернулся. Снова едешь ябедничать?

Когда подъезжали к лагерю, все уже знали, какой настоящий человек этот Сережка и какой ябеда, трус и прочее этот рыжий Николаев.

— Разобьемся на палаты, — сказал воспитатель Иван Иванович. — Маленькая комната и большая веранда — мальчикам.

Все хотели на веранду. Николаев хотел тоже.

— Отвали, Рыжий, — сказал ему Сережкин сосед, тоже рыжий, — в комнате храпеть будешь.

Рыжий Николаев пробовал спорить, но его никто не слушал. В комнату к Николаеву попали трое несчастных.

— Ночью он вам устроит концерт, — грозил Сережка.

На другой день выбирали актив отряда. В актив идти никто не хотел.

— Рыжего, Рыжего, — догадался кто-то.

— Ему все равно докладывать! — кричали другие.

— Передовых, только передовых, — сказал пионервожатый, — главный передовой — ваш командир.

— Ага, Рыжего нам в командиры.

Девчонки пробовали голосовать против, но их было меньше и они действовали врозь.

— Равняйся! Смирно! — кричал Рыжий на линейке командирским голосом, и баянист Илья Евдокимович улыбался. Он сидел на специальной скамеечке под трибуной, играл, когда нужно — марш, когда нужно — туш.

— Это голос! Настоящий командир, понимаешь, — сказал веселый музыкант Илья Евдокимович.

И старшая пионервожатая мечтательно ответила сверху:

— Весь отряд поведет за собой. Увидите.

А после линейки, когда все разбились на кучки, чтобы играть, кто в казаки-разбойники, кто в прятки, кто просто так повисеть на заборе, Рыжего не приняли ни в одну из этих кучек.

— Иди-иди, пока в поддыхало не получил, — говорили ему в каждой компании.

И только девчонки позвали его к себе:

— Николаев, а Николаев, иди сюда.

Он подошел.

— Николаев, а у тебя мама рыжая?

— Рыжая, — сказал он.

— А папа — тоже рыжий?

От девчонок Николаев отошел сам.

Так он и проводил время один, сидя на скамейке и ковыряясь ботинком в земле.

После полдника все пошли убирать футбольное поле. Неизвестно, в какую игру раньше играли на этом поле, потому что посередине стояла высочайшая мачта, гладкая до блеска.

— Ну и столб, — говорили ребята, — на такой никому в жизни не забраться.

А Николаев забрался. Никто и не заметил — так быстро он залез на верхушку мачты.

— Николаев, а Николаев, сейчас же слезай, — сказал испуганный воспитатель Иван Иваныч.

Николаев молчал, обняв мачту руками, и было видно, как он раскачивается там, в небе, вместе с мачтой, от ветра.

— Это он работать не хочет, — поняли ребята. — Мы мусор убирай, а он будет там сидеть.

Николаев слез.

Когда мусор был весь убран, стали составлять футбольные команды.

— Меня в нападающие, — попросился Николаев.

— Рыжего? Ха-ха, тебе только загольным, мячи подносить, — сказал рыжий Сережкин сосед.

На следующее утро у этого соседа пропало

пятьдесят копеек. Они лежали раньше в кармане пиджака, а теперь их там не было. Все порылись в своих карманах, и оказалось, что еще у одного пропал рубль.

— Или я его куда дома запрятал,— говорил он.

— Рыжий, это уж точно он. Еще ворует.

Пошли к Рыжему. Трое «несчастливых» из его палаты отговаривали.

— И ночью он ничего, не храпит, и конфеты всем нам подарил.

— Притворяется!

— А конфеты, слышали, Рыжий конфет накупил и своих там угощает!

— Отряд, смирно! — кричал Николаев на линейке командирским голосом.

А старшая пионервожатая говорила вниз музыканту Илье Евдокимовичу:

— Такой ведь спокойный на вид мальчик. Торжественная линейка завтра, а у него синяки.

Перед торжественной линейкой появились первые родители.

Желающих попросили на стадион. Пионерское пятиборье.

На футбольном поле начались состязания пионеров. И Рыжий вдруг дальше всех кинул гранату.

Потом он выше всех прыгнул в высоту.

— Рыжий-то, Рыжий-то, ха-ха!

— Вот ябеда, противный, дадим мы ему потом. Начался забег на километр. Рыжий и тут бежал первым.

— Рыжий, Рыжий, отдохни! — кричали ему и бросали под ноги сосновые шишки, а одна шишка попала даже по голой ноге.

И тут вдруг Сережка увидел рыжего Николаева. Не того, который бежал первым по утопанной желтой дорожке, а другого, настоящего, прошлогоднего рыжего Николаева. Он стоял с матерью и с черным мальчишкой из младшего отряда. И Сережка вспомнил, что они и в прошлом году были вместе, а сейчас в лагере, значит, один младший, старший же Николаев-Рыжий приехал к нему с матерью. А их нынешний Николаев вовсе не тот, не прошлогодний.

— А Рыжий-то наш не тот,— хихикнул он и показал ребятам на другого, на Николаева настоящего.

Но его никто не слушал. Все старались помешать Рыжему добежать до финиша.

— Рыжий, Рыжий, упади! — кричали все.

И Рыжий упал, к нему быстро приблизились отставшие, но он вскочил, заплакал и побежал дальше.

Рисунки К. Почтенной

САМОЕ — САМОЕ

САМОЙ древней авторучке — более восьмисот лет. Сотрудники хранилища древних рукописей в Ереване Матенадарана установили, что подобные нашим авторучки употреблялись еще в 1166 году. Об этом свидетельствуют интересные пометки на полях ряда манускриптов. Писарь Степанос, например, сообщает, что, раз обмакнув, он мог написать своей ручкой 700 букв — примерно один лист.

САМЫЙ распространенный на земле язык — китайский. Им пользуются 700 миллионов человек. На английском языке говорят свыше 250 миллионов, на индийских языках — хинди и урду — 280 миллионов.

Общее же количество языков мира превышает 2700. К ним надо прибавить еще 3000 диалектов.

САМЫЙ «женственный» язык можно встретить на острове Доминика. Дело в том, что женщины этого острова говорят на языке, отличном от языка мужчин.

САМЫМ длинным географическим названием обладает, пожалуй, одна из деревень Новой Зеландии: Туаматавхакатангхипнгакоууаатаматаепокаивхенуакитанатахукапикамаунг-ахоргита. В переводе с языка маори на русский это означает: «Гребень холма, куда забрался Таматеа, человек с большими коленями, поскользнулся, но прошел через гребень и открыл новую землю, где стал играть на флейте для своих родных».

САМОЕ длинное в мире слово — это название одного химического соединения. В нем — 1913 букв!

САМЫЙ древний в мире учебник математики появился 2400 лет назад. Греческий математик Гиппократ Хиосский написал рукописный учебник, по которому и давал частные уроки.

САМЫЙ первый географический атлас появился в 150 году нашей эры.

ОЗЕРО

ЖУВИНТАС

Аркадий СОСНОВ

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Маленькое озеро Жувинтас в Южной Литве — родина большинства литовских лебедей. Оно лежит как раз на трассе перелета пернатых стай. До войны тут жил бедный люд, кое-кто промышлял сбором птичьих яиц. Но лебедей почитали уже тогда. Один крестьянин, убивший птицу, был оштрафован на тысячу литов. Можно сравнить — корова в ту пору стоила 80 литов.

Взять гнездовья лебедей под охрану предложил выдающийся зоолог Тадас Иванаускас. И вскоре первая пара лебедей вывела на Жувинтасе потомство. После войны озеро и его окрестности были объявлены заповедником — первым в Советской Литве. Со временем тут возникла колония лебедей-шипунув, одна из крупнейших в Европе. В иные годы в ней было 60—70 пар с птенцами. А сколько еще лебедей оставались на линьку!

Птицам становилось все теснее, они заселяли соседние озера. Как будто из перенаселенной «коммуналки» жильцы разъезжались по новым отдельным квартирам. А за Жувинтасом укрепилась слава лебедино озеро.

Если вы спросите, сколько в

Литве лебедей, вам назовут точную цифру: 2590. В том числе ручных. И скажут, сколько их в каждом из 44 районов республики.

КОЛЬЦО НА ВЕРНОСТЬ

Ранним декабрьским утром наш «рафик» выехал из Вильнюса на юг. Мой спутник — русобородый крепыш Салямас Палтанавичюс, ученый орнитолог, пять лет работал в этом заповеднике. И пока мы мчались по темному и мокрому шоссе, рассказывал мне о лебедях.

Озеро поделено между лебедиными семьями. Эти границы неприкосновенны. Когда самка сидит на гнезде, самец бдительно охраняет свой участок воды — акваторию. В это время он страшно драчлив, даже близко никого не подпускает. Нещадно бьет птенцов серых гусей и озерных чаек. Не жалеет и своих же прошлогодних птенцов. Однажды лебедь, защищая гнездо, убил лису! Бывало и так: выйдут студентки-практикантки на пристань — полюбоваться выводком пуховичков, а лебедь, грозно распластав крылья, загоняет их в дом.

— Удар крылом у него очень сильный, — говорил Салямас. —

И вообще, когда кольцуешь взрослую птицу, одному ее непросто удержать.

— Но как удается поймать их?

— Линного лебедя даже на веслах не догонишь. Обычно на краю островка ставят рыбачью сеть и с другого края загоняют птиц.

Недаром сложены песни о лебединой верности, — продолжал Салямас. — Кольцевание позволяет лишний раз в этом убедиться. По меткам можно проследить за каждой неразлучной парой. Построив гнездо, они из года в год возвращаются в свой «озерный дом». Иногда и зимой навещают Жувинтас. А уж с наступлением весны прилетают сюда в числе первых, кружат над озером, снижаются, «пробуют лед».

Салямас не только фотоохотник, а еще и писатель. Рассказы о природе пишет со школьной скамьи: жил в сельской местности, после уроков пропадал в лесу... Часто подменял учительницу биологии в школе и не стеснялся спрашивать ребят о лебедях.

Уже заметно посветлело, когда мы приблизились к цели путешествия. Наш водитель все чаще притормаживал и провожал взглядом то парочку ко-сульт, то стаю отдыхающих в

ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА

поле гусей. Я узнал, что на землях, прилегающих к заповеднику, удобрения не применяются. Запрещено! По весне тут промышляют кабаны, щиплют молодую травку лоси.

Раньше в паводок озеро разливалось, затопляло берега. На мокрых лугах подкармливались, а то и гнездились пролетные птицы. Здесь даже нерестились щуки. Теперь иное дело: избыток воды сбрасывают через шлюз. Сенокос запретили, и берег стал зарастать тростником. Широкие, местами до километра, плавни укрыли чудо-озеро от посторонних глаз.

Птицы долгие годы приспосабливались к человеку, который косил траву. Приспособились. А люди взяли и равновесие нарушили. Сегодня уже нельзя охранять природу как вчера, одними запретами. Вот почему косят траву в заповеднике «Матсалу».

«СПАСАТЬ» ЛИ ЗАПОВЕДНИК?

— Вам бы раньше на денек приехать. Вчера последняя пара поднялась... Но, может, я ошибаюсь? — научный сотрудник Арунас Пранайтис протянул мне бинокль: ищи, мол, вдруг повезет.

Салямас склонился над береговым припаем, снял деревянную крышку с лунки, сунул в нее руку:

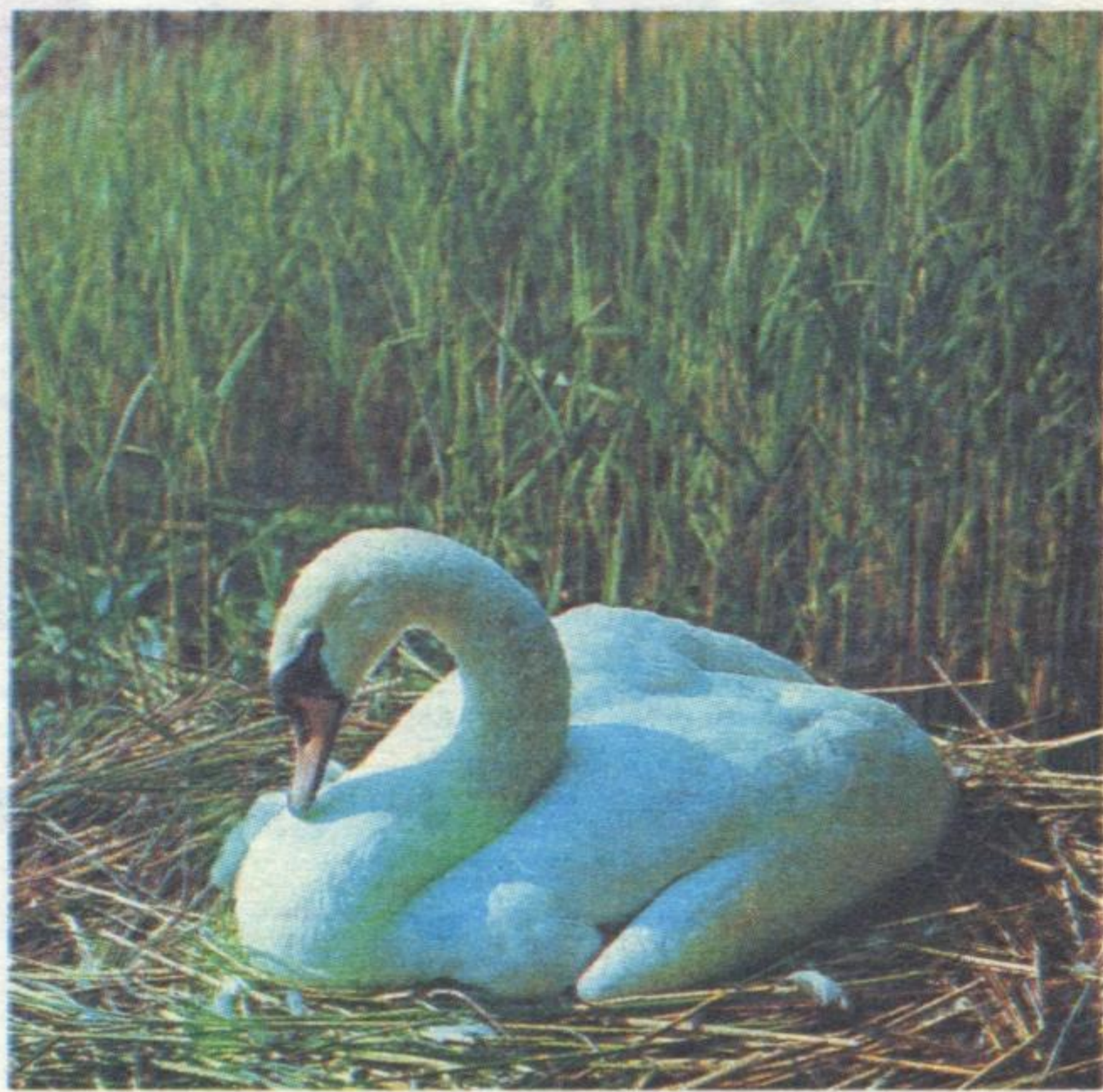
— Ого! Лед!

Все понятно. Озеро мелкое, под тонким слоем воды — многометровый слой ила. Ночь была без ветра, с легким морозцем — и пожалуйста, лед толщиной в ладонь.

— Неужели никто не задержался? — переспрашивал я, не отрываясь от бинокля.

— А как проверить? — покачал головой Салямас. — Надо бы обследовать озеро, но лодка не пройдет, а пешком по первому льду опасно.

— Учтите еще, — сказал Арунас, — что лебедей у нас стало меньше. Да, да. Во-первых, они расселились по всей республике. Во-вторых, озеро зарастает, нет того простора...

Еще одна неожиданность!

Мы отправились в музей заповедника, и мне там показали любопытную карту. На ней Жувинтас 8 тысяч лет назад, 5 тысяч лет назад и сегодня. И очень хорошо видно, как сжимается голубое пятно под натиском тростника и островков рогоза. Но особенно не нравится лебедям, что бурно пошли в рост несъедобные для них сине-зеленые водоросли. Значит, в избытке азот и фосфор — вокруг много мелиорированных полей, дожди по речкам-притокам смывают в озеро остатки удобрений. Сине-зеленые накапливаются, отмирают и образуют жидкий ил — сапропель, заполняющий чашу озера.

Я подумал: что же будет с Жувинтасом завтра? И есть ли кому-нибудь дело до маленького озера — одного из 6 тысяч литовских озер?

Оказалось, именно Жувинтасом всерьез занялись ученые. Изучили его вдоль и поперек, провели две комплексные

экспедиции. Выпустили толстую книгу — монографию о заповеднике. По их рекомендациям был построен шлюз для подъема уровня воды. Выкопаны отстойные пруды на текущих в Жувинтас речках и ручьях. На их берегах высажены деревья — «зеленые фильтры», чтобы задерживать загрязнение. Были снижены нормы удобрений даже для дальних полей.

Но хватит ли этого, чтобы сберечь озеро? Не лучше ли было пригнать сюда, на мелководье, технику и просто-напросто откачать ил? Я слышал, под Вильнюсом удалось таким способом очистить несколько озер.

— Предположим, что мы сумеем это сделать. Но заповедник — это часть живой природы, а не полигон для технических опытов, — возразил мне Салямас. — Думаю, самое разумное — принять все защитные меры и вести наблюдения за природной системой «зарастающее озеро — верховое болото». Тогда будет польза и для науки, и для практики.

— Заповедник — не только озеро, — поддержал его Арунас. — Наше верховое болото — второе по величине в Литве. Там тоже обитает немало птиц, есть сотни редких растений. Охраняем его в основном от набегов кабанов, но это проще...

— И даже такой, зарастающий Жувинтас — «база отдыха» для птиц со всей Прибалтики, — снова вступил Салямас. — Прилетают серые журавли, серые и белолобые гуси, гуменники. Иногда остаются тут на несколько месяцев. Не следует им мешать. Сколько вы окольцевали в этом году, Арунас?

— Около шести тысяч птиц. По-моему, неплохо, — заметил Арунас. — Хотите знать мой прогноз?

— Конечно.

— Озеро сохранится, но для гнездования водоплавающих птиц скорее всего будет непригодно. Что ж, свою роль «лебединой фермы» оно уже с блеском сыграло.

Фото С. Палтанавичюса

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОБОТЛАНДИИ

Третье задание. Тараканьи бѣга

— Ты знаешь, Кукарача...—

Петя отложил в сторону газету «Роботландские новости» и посмотрел на проливной дождь за окном.— У меня сегодня домашнее настроение.

— Решено,— заметил Кукарача.— Сегодня мы остаемся дома.

Кукарача извлек из портфеля клетчатую доску, несколько кубиков и усатого маленького робота, очень похожего на него самого (рис. 1).

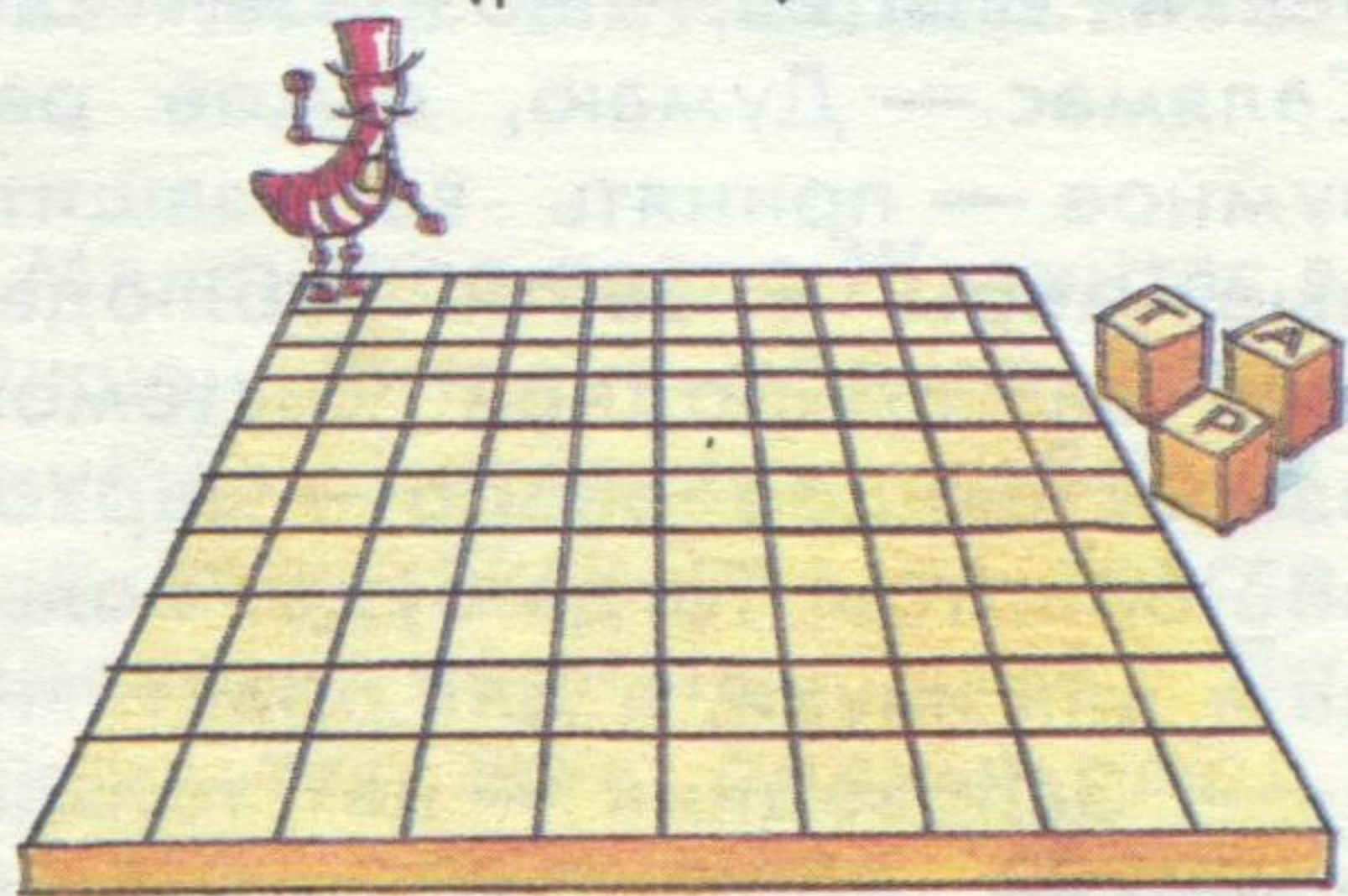

рис. 1

— Этот робот называется Таракан. Он может ползать по клетчатому полю и передвигать по нему кубики с буквами на них. За один ход Таракан сдвигается на одну клетку вверх, вниз, влево или вправо (но не по диагонали!). Натыкаясь на кубик или несколько кубиков, он будет толкать их перед собой. Таракан может столкнуть кубики за край доски, но сам устроен так, что сходить с поля не может.

— Ага! Вот он секрет твоей буквы «т»! Сознайся, Кукарача, ведь этого робота ты придумал и сделал сам!

— Да, ты прав, юноша,— отвечал Кукарача гордо,— этот робот — самое лучшее мое детище!

— Какая система команд исполнителя — СКИ у него? — деловито поинтересовался Кук.

— Вот она.— Кукарача положил на журнальный столик красивый плакат (рис. 2).

— Вправо! — попробовал

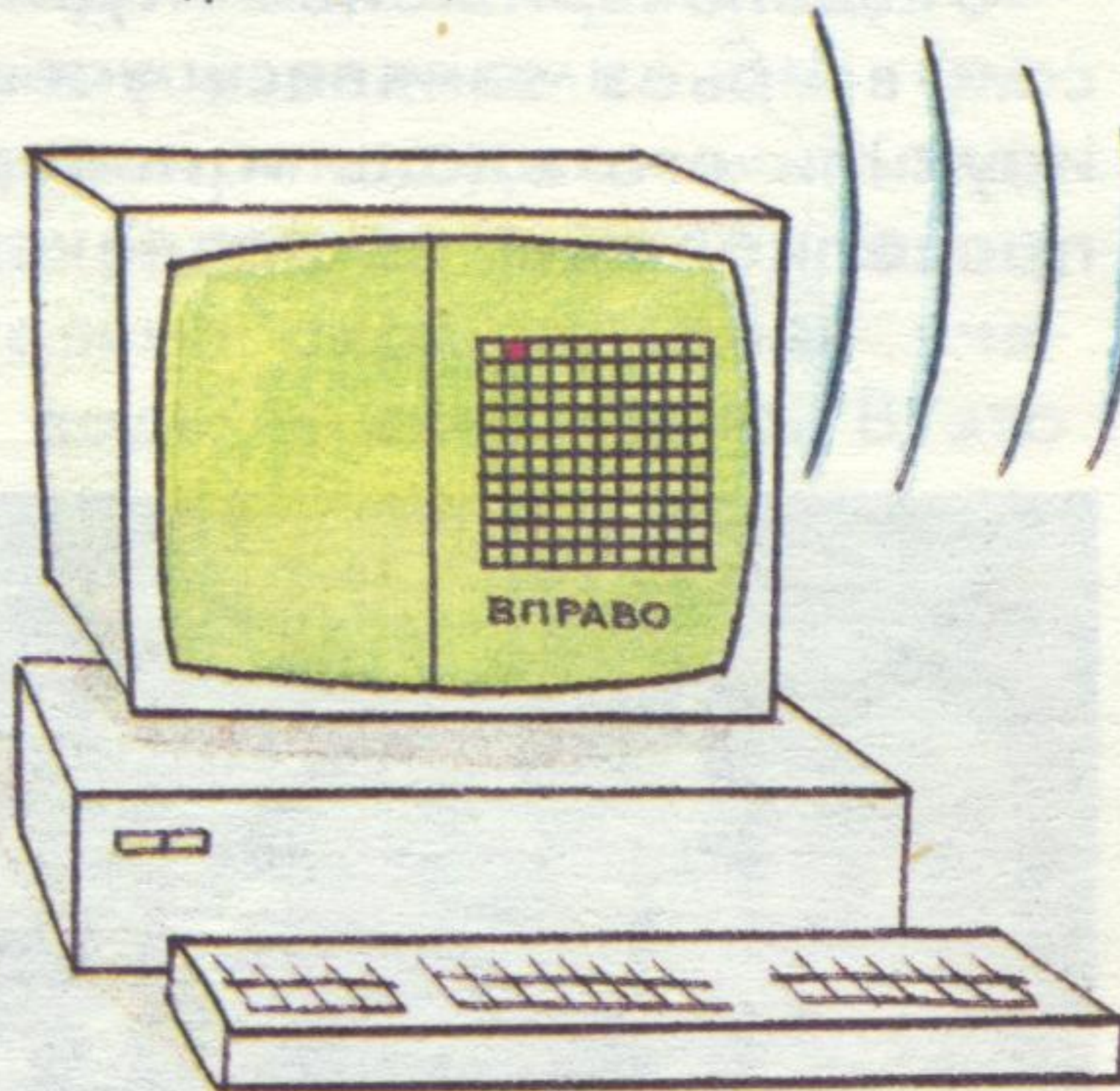

рис. 2

отдать команду Петя. Однако исполнитель не сдвинулся с места.

— Ничего не получится,— развел руками Кукарача,— этот исполнитель не принимает команды с голоса. Сегодня нам потребуется домашний компьютер.— Он переставил на журнальный столик компьютер с письменного стола.— И вот это радиопередающее устройство, которое я,— щелк! — вставляю в разъем компьютера. Мы будем писать команды на экране, нажимая клавиши, а компьютер через радиопередающее устройство будет передавать их роботу. Можешь попробовать!

Петя набрал на клавиатуре команду ВПРАВО. Таракан на поле и его изображение на экране одновременно переместились в соседнюю клетку вправо (рис. 3).

— Давай заставим Таракана перемещать кубики,— сказал Петя Кукараче,— пусть поработает!

— Пожалуйста.— Кукарача расставил на поле кубики (рис. 4).— Даю задание: превратить

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1		М	О	Л	О	Т	О	К		
2					Х					КЛЕТКА (2,5)
3										
4										
5										
6										
7										
8										
9										
10										

рис. 4

«молоток» в «моток». В исходном положении исполнитель находится в клетке (2,5), т. е. стоит на пересечении второй строки и пятого столбца клетчатого поля.

Решение Кука.

— Сначала сбрасываем с поля букву «о»:

ВВЕРХ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	М	О	Л	Х	Т	О	К		

рис. 5

— Теперь удаляем с поля букву «л»:

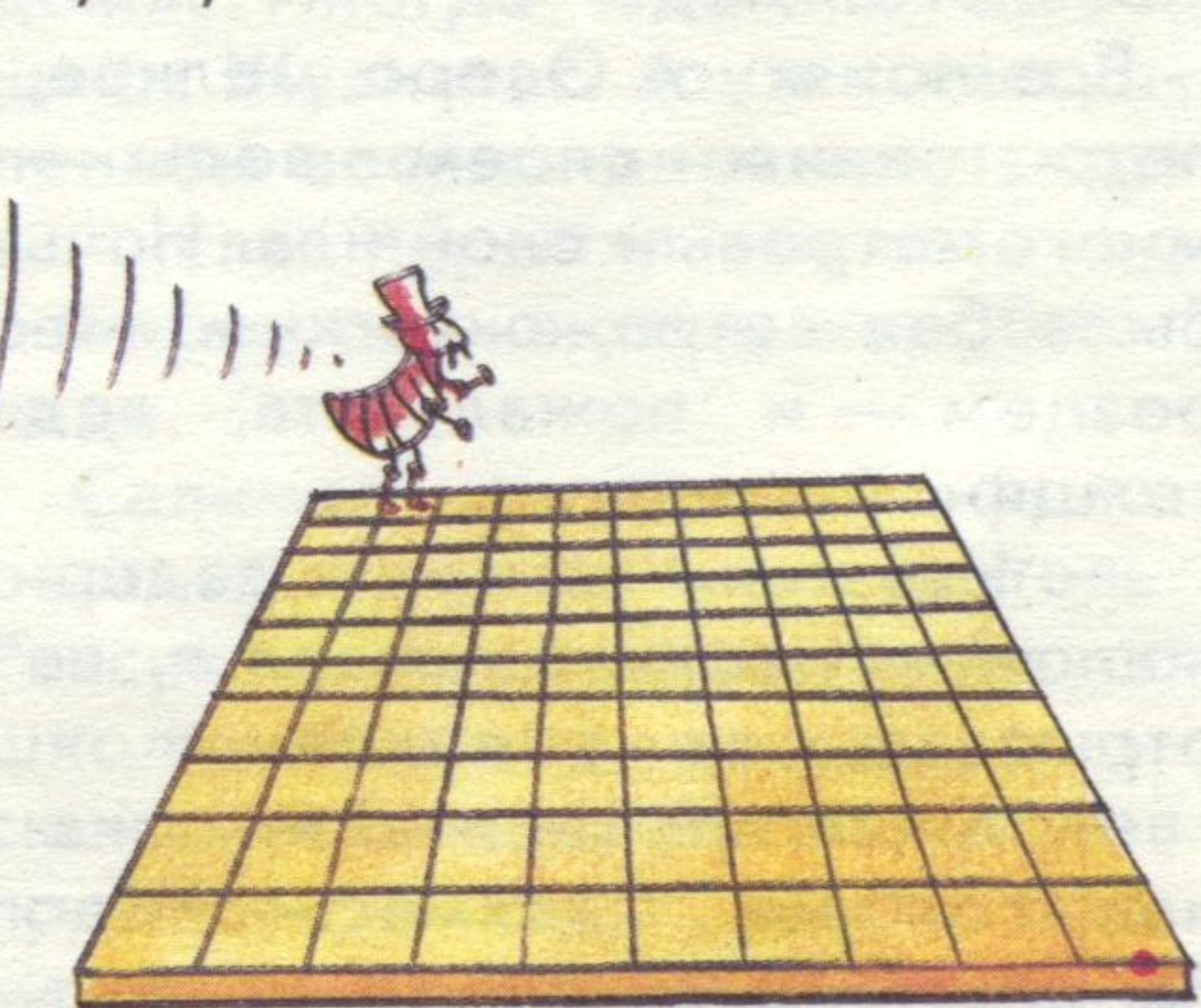
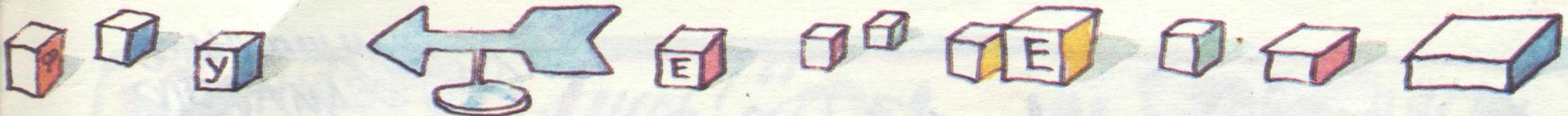

рис. 3

ВНИЗ
ВЛЕВО
ВВЕРХ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	М	О	Х	Т	О	К			

рис. 6

— Наконец придвигаем слог «мо» к слогу «ток»:

- ВНИЗ
- ВЛЕВО
- ВЛЕВО
- ВЛЕВО
- ВВЕРХ
- ВПРАВО
- ВПРАВО

— Задача решена!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Ж	М	О	Т	О	К		

рис. 7

Кукарача вновь собрал кубики, как на рис. 4, и поставил Таракана в клетку (2,5).

— Сделай «моток» еще раз,— обратился он к Пете.

— Еще раз? Мне придется снова вводить с клавиатуры 11 команд... Нельзя ли как-нибудь запомнить в компьютере эту программу, чтобы не набирать ее каждый раз заново?

— Молодец! — похвалил Кукарача вопрос Пети.— Именно на такой ответ я и рассчитывал. Ты же помнишь из лекции Маподумы, что у компьютера есть память. Вот смотри, я ввожу с клавиатуры текст:

- ЭТО МОТОК
- ВВЕРХ
- ВНИЗ
- ВЛЕВО
- ВВЕРХ
- ВНИЗ
- ВЛЕВО
- ВЛЕВО
- ВЛЕВО
- ВВЕРХ
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- КОНЕЦ

— Исполнитель стоит на месте! Компьютер не передал ему ни одной команды, но они все запомнены.

— Откуда компьютер знает, что команды надо запоминать, а не передавать исполнителю?

— Очень просто! Все дело в слове «это», которое я набираю самым первым. Для компьютера слово «это» является командой начать запоминание.

— А что означает слово «моток»?

— «Моток» — это имя, под которым запоминаются команды в памяти компьютера. Я пишу слово «это», и компьютер настраивается на запоминание. Сначала он запоминает название программы (слово «моток»), потом команды.

— Отгадай, как компьютер узнает, что поступила последняя команда?

— Я думаю, что семафором, который закрывает запоминание, является слово «конец», записанное самым последним.

— Ты прав!

— Хорошо! — сказал Петя, немного подумав над новой информацией.— А как теперь заставить компьютер передать роботу программу?

— Достаточно ввести ее имя! Смотри.— Кукарача набрал на клавиатуре слово «моток».

Петя увидел, как Таракан забегал на поле и быстро выполнил все 11 команд (рис. 8).

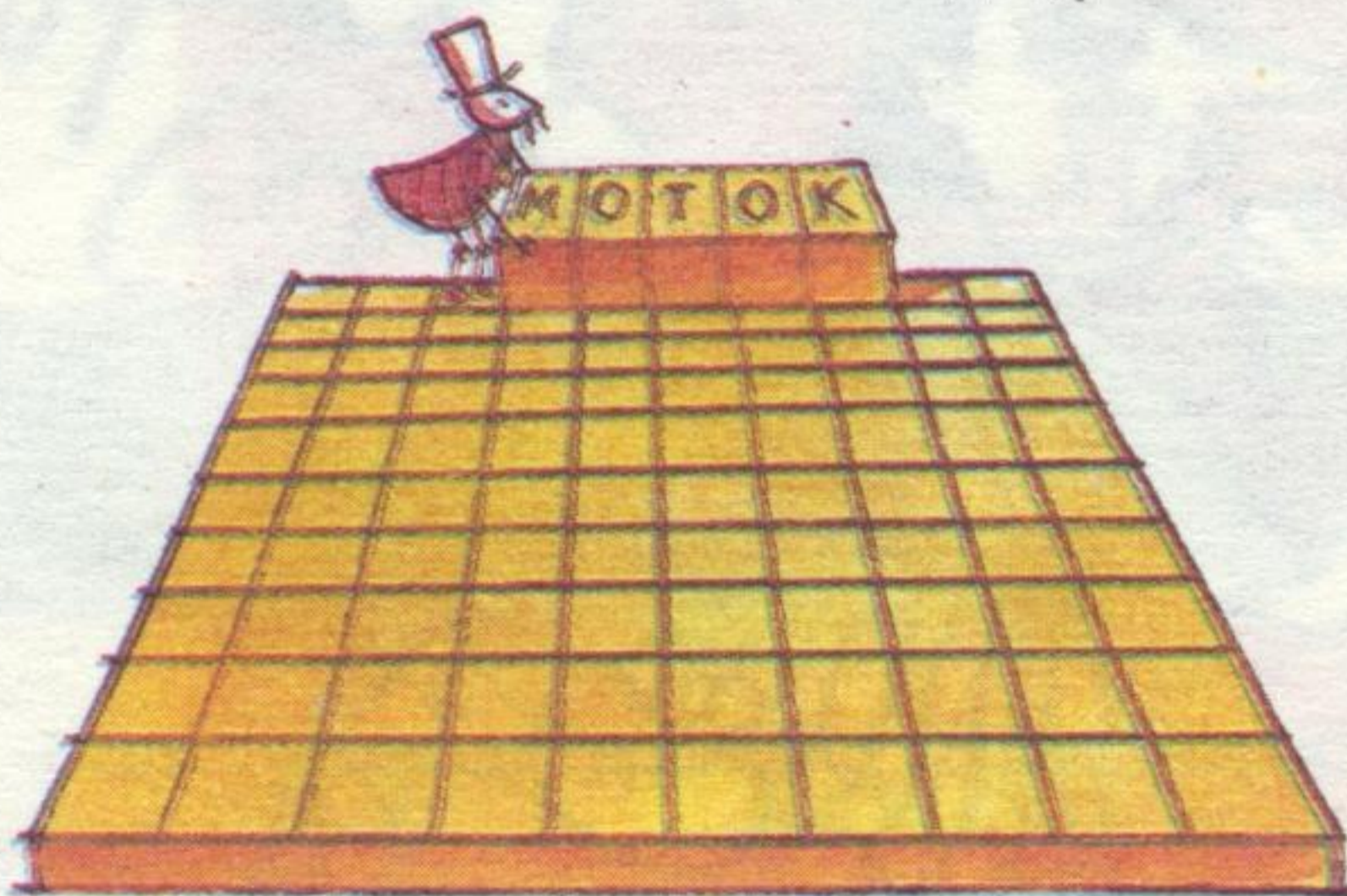

рис. 8

— Интересно... Мы как будто бы научили Таракана новой команде МОТОК.

— Произошло это благодаря наличию у компьютера памяти,— заметил Кукарача.

Друзья выпили по чашечке ароматного чая и немного помолчали, глядя на каминный огонь. Дождь за окном лил как прежде. Кукарача вдруг отложил пачку индийского (со слонем на этикетке) чая, которую вертел в руках, и стал расставлять кубики на тараканьем поле (рис. 9).

Ж			С	Л	О	Н			

рис. 9

— Ага! — сказал Петя.— Сейчас мы будем решать новую задачу.

— Ты прав, мой догадливый

друг! Нужно составить программу, исполняя которую, Таракан сбросит слона с поля,— объявил условие Кукарача.

— Ну, это очень просто. Я запишу программу под именем ВЫБРОС:

- ЭТО ВЫБРОС
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- ВПРАВО
- КОНЕЦ

— Беру интервью у программиста Кука! Скажите, Кук, сколько раз вы записали команду ВПРАВО?

— Девять... Да, это было весьма утомительно. Нельзя ли дать указание компьютеру, чтобы он сам повторил команду столько раз, сколько необходимо?

— Хороший вопрос порождает хороший ответ: можно! Твою программу можно переписать так:

- ЭТО ВЫБРОС
- ПОВТОРИ 9 ВПРАВО
- КОНЕЦ

«ПОВТОРИ 9» — это указание компьютеру повторить при передаче исполнителю десять раз команду ВПРАВО.

Я предлагаю на сегодня закончить урок и составить домашнее задание для читателей «Костра».

Друзья провели небольшой консилиум по данному вопросу, после которого в дневнике Кука остались следующие записи.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1										
2										
3										
4										
5										
6						Ж				
7						С	А	Б	О	К
8										
9										
10										

рис. 10

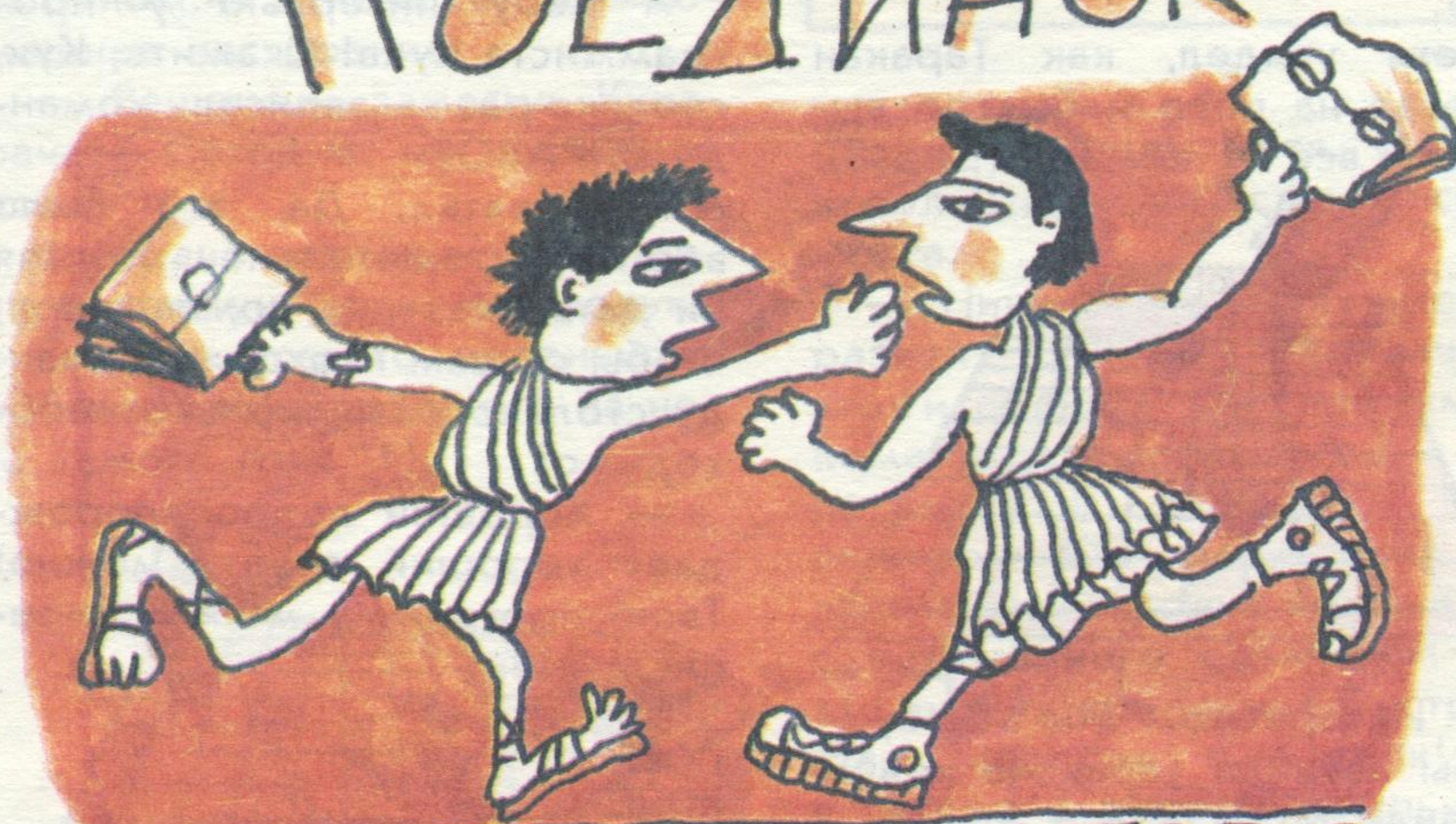
Задача. Получите при помощи Таракана из этого неизвестного зверя домашнее животное (рис. 10).

А. ДУВАНОВ, Ю. ПЕРВИН

Составил и оформил Л. Каминский

ПОЕДИНОК

НЕ ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Класс низвергался от дикого, жуткого крика. Рухнуть вот-вот потолок обещал, а полы провалиться. Это опять семиклассник Антон, по прозвищу Чика, Вздумал с Витьком, по прозвищу Хилый, — сразиться. Нет, не мечами они, не трезубцами острыми дрались, Силу могучих своих кулаков они в ход не пускали. В схватке жестокой попасть друг по другу старались Грозным оружием — портфелем его называли. Ловок и смел, хладнокровен Антон, по прозвищу Чика, Не достает его Витька портфелем, хоть целится вроде. В Витькин портфель ударяют, как острые пики, Ноги Антона в кроссовках, что нынче у юношей в моде. Да и Витька, по прозвищу Хилый, не очень-то стукнешь, Ловкостью небо кошачьей его наградило. Раз ухитрился Антон, да портфелем коснулся он рук лишь, Витька удара совсем не заметил. Удар был вполсилы. Но, разжигая в них кровь, одноклассники к бою их звали — Гнусно и грубо слабейшего дружно порой оскорбляли. Хлопали девы в ладоши и тонко, азартно визжали — Зрелища острые миги их нервы, как дым, щекотали. Вот, изловчившись, Витек размахнулся тяжелым портфелем, И у Антона под глазом синяк засветился лиловый... Вздрогнул Антон. Разыгралась силушка в теле, В злобе швырнул свой портфель, и окно разлетелось со звоном. Тут, как назло, проходил мимо класса завхоз Феодосий Степаныч. Звон он услышал и в класс залетел, словно Зевс громовержец, И закричал, что узнает немедля директор их школы Сан Саныч О нерадивых, свершивших безмерную, гадкую мерзость. Ловко схватил их завхоз, как за холку берут перед опытом свинок, И потащил коридором, к директору школы, хоть те упирались... Так был бесславно закончен Антона с Витьком поединок... И лишь печально портфели среди бранного поля валялись.

Юрий МАКАРОВ

Подслушанные ДИАЛОГИ

— Саша, сколько человек ты думаешь пригласить на свой день рождения?

— Трех! Больше трех тортов мне не съесть!

— Все! Получил по географии одну пятерку и больше не буду!

— Почему?

— А родители все равно не поверили!

— Я вчера катался на лошади Пржевальского!

— И он тебе разрешил?

— Тебе нравится работать с персональным компьютером?

— Нет, я на него обиделся. Нажал на не ту кнопку, а у него на дисплее сразу появились слова: «Учиться надо лучше!»

Записал В. ЛОМАНЬИ

На уроке русского языка учительница попросила Сережу написать на доске предложение «Я жду рассвета» и разобрать его по частям речи.

Сережа написал и молча уставился на доску.

— Ну что же ты ждешь? — не выдержала учительница.

— Я жду рассвета, — машинально прочел Сережа.

И все засмеялись!

Миша Влох,
п/о Боровка
Витебской обл.

Шел урок физкультуры. Нужно было сделать упражнение на бревне, но у Антона ничего не получалось.

— Ты равновесие держи! — посоветовала Ира.

— Да, «держи», — возразил Антон, — если у меня одна нога тяжелее другой!

И все засмеялись!

Марина Затонских,
Липецк

Дома мы писали сочинение на тему «Как я помогаю маме».

На следующий день учительница вызвала меня и попроси-

ла прочитать мое сочинение. Я открыла тетрадь и прочитала:

«Я иногда помогаю маме убирать комнату. Однажды я даже сама вымыла пол. Мама подошла ко мне и сказала: «А ты у меня трудолюбивая!»

И все засмеялись!

Таня Бондаренко
5 класс,
Сыктывкар

Мы проходили Древнюю Грецию.

— Расскажи нам, Михайлов, — сказал учитель, — какое главное занятие было у спартанцев?

Михайлов стал отвечать:

— Каждый спартанец был военным. Даже когда он ложился спать, то рядом с собой клал винтовку...

И все засмеялись!

Андрей Царев,
Серпухов
Московской обл.

— Запишите в дневник, — сказал учитель, — принести на урок англо-русский словарь. Юля! Ты опять отвлекаешься! Ты записала? Дай-ка сюда свой дневник, я проверю, что ты написала.

Он взял у Юли дневник и вслух прочел:

«Принести на урок нагло-русский словарь».

И все засмеялись!

Ира Денисова,
5 класс
Ленинград

Говорят МАЛЫШКИ

Мы пришли в гости к родственникам. В прихожей сняли пальто, шапки. А наблюдавшая за нами маленькая Сауля сказала моей маме:

— Вы и очки снимите, у нас очень тепло!

Жанна Жигипарова,
Целиноград

По телевизору показывали фигурное катание. Вдруг моя младшая сестренка Ира закричала:

— Мама, иди скорее — здесь одинокие мужчины катаются!

Света Звонова,
с. Ерзовка
Волгоградской обл.

Петя сидел за столом и читал вслух «Капитанскую дочку».

— Ты плохо читаешь! — заявил брату маленький Павлик.

— Почему плохо?

— Потому что читаешь без знаков пропитания!

Андрей Баланюк,
Коммунарск

Однажды ко мне подошла моя пятилетняя сестренка и спросила:

— Марина, сегодня что — суббота или воскресенье?

Я ответила:

— Четверг.

— А я думала — пятница!

Марина Смирнова,
Бердск
Новосибирской обл.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

Составила Н. ИВАНОВА
Оформление Т. Панкевич

ПРИРОДА и Мы

Этот выпуск «Зеленых страниц» — о Зеленом движении школьников Литвы. Кто они, что их волнует? Об этом нам рассказывают Зеленые из города Вильнюса.

Гите Паплаускайте, 7-я школа:

Летом и осенью прошлого года мы впервые увидели, как много их, Зеленых — людей, озабоченных спасением природы. Они прошли походами по дорогам Литвы, по рекам Нярис и Нямунас, измеряя загрязнения, собирая мусор и выясняя горячие точки, опасные для всего живого. В акциях Зеленых участвовали многие школьники. 3 сентября 1988 года мы ездили на побережье Балтийского моря, чтобы вместе со всеми, взяв-

шись за руки, опоясать живым кольцом Балтику — наше общее море. В этом участвовали республики Прибалтики, Польша, Дания и Швеция. Хотя это живое кольцо не везде сомкнулось, оно было символом нашего единения в спасении Балтики.

Мы с нашей учительницей Тарутене решили создать в школе свой экологический кружок. Хотели обсуждать экологическое состояние в республике и что-то делать своими руками. Начали с того, что собрали мусор вдоль реки в нашем районе. Участвовали в I съезде Зеленого движения школьников Литвы в г. Кедайняй. На каникулах ездили с рейдами — выясняли источники загрязнения рек и озер. В Литве более десятка тысяч речек и почти 3 тысячи озер. Воды вроде бы хватает, но надо знать, сколько у нас чистых рек и озер, чистых колодцев. Этому посвящена общая акция по всей Литве — исследовать все колодцы в республике, определить количество нитратов и составить карту загрязнения почвы и грунтовых вод нитратами.

Арнас Бяржанскис, 43-я школа:

Работы для Зеленых много, по разным направлениям. В нашей экологической группе — ребята из 43-й и 47-й вильнюсских школ. Мы занимаемся проблемой загрязнения воздуха от работы транспорта. Дело в том, что есть проект строительства в нашем районе большой скоростной дороги всего в 50

метрах от жилых домов, школ, детских садов. Наш микрорайон запротестовал. Мы стали изучать этот вопрос.

Считаем интенсивность дорожного движения: сколько за 1 час проезжает автомобилей и каких — грузовых, легковых, мотоциклов. Зачем это нужно? Чтобы знать, смогут ли наши дороги выдержать такую нагрузку в дальнейшем. Ведь число автомобилей увеличивается. Сейчас уже ясно, что не смогут. Поэтому и планируется новая скоростная дорога. Уже подсчитано, что основной транзит по этой дороге составит примерно 3000 машин в час. Конечно, тут неизбежны шум, вибрация и загрязнение воздуха. Раньше на это не обращали внимания, а сейчас стали думать об экологии города, о здоровье человека. Мы хотим просчитать, какая степень загрязнения ожидается в нашем районе. Как будет распространяться это загрязнение с учетом рельефа, ветра, лесов, домов. В этой работе мы пользуемся схемами, разработанными в институте геологии, где отражена загрязненность воздуха по городу свинцом, никелем и другими веществами. Данные, которые мы получим, можно будет сравнивать с допустимыми нормами. И тогда уже проектировать, где и как строить. Мы понимаем, что дорога нужна, но расположить ее нужно так, чтобы она как можно меньше влияла на жилой район. И очень важно, чтобы архитекторы-проектировщики работали вместе с экологами.

Ромуальдас Апанавичюс,
43-я школа:

Пока наш воздух очень сильно загазован. Зеленые исследовали свинцовое загрязнение вдоль автомобильных дорог. Оказалось, что в овощах, растущих в 250 метрах от дороги, содержание свинца превышает норму в 7 раз, а в 50 метрах от дороги — в 14 раз. Чтобы защитить поля от вредных выбросов, Зеленые организовали посадку деревьев вдоль дорог. Весной засадили деревьями 6 километров пути по дороге из Вильнюса на Тракай.

Сейчас в республике много сажают деревьев, особенно популярны дубы. Раньше Литва была краем, где леса на половину состояли из дубов, а сейчас дубов — только 0,1 процента. Дубам трудно приспособиться к загрязненности, и много их исчезло. Литовцы хотят возродить дубовые рощи. Посадка дубов — это и символ национального возрождения.

На весенних каникулах я ездил в Дотнува. Там был лагерь — «Зеленая школа», куда съехались школьники со всей республики. Они рассказывали об экологических проблемах, о своих делах.

Саулюс Стакенас, редактор
газеты «Ажуолюкас»:

Экологические клубы школьников Литвы теперь объединились. В октябре прошлого года прошел наш первый учредительный съезд «Зеленого движения школьников Литвы» в Кедайняй. Мы решили издавать свою газету. Назвали ее

В походе по рекам Литвы

«Ажуолюкас» — «Дубок». Газета расходуется по всей республике, по школам, клубам, домам пионеров.

Министерство просвещения помогло нам получить помещение для редакции и провести экологические походы. В своей газете мы пишем об экологической ситуации в разных районах Литвы. Горячих точек много. Это Ионава и Игналинская АЭС. Это наш порт Клайпеда — база экспорта нефти, которая перегружена в 2,5 раза выше всяких норм и представляет постоянную опасность для города и Куршского залива. Это Акмяне, где большой цементный завод дает 4 процента всего выпускаемого в Союзе цемента, но не имеет очистных фильтров. Вокруг этого цементного завода уже вымерло 4000 гектаров леса, а по болезням легких Акмяне занимает 3-е место в Литве. Многим предприятиям, чтобы стать экологически чистыми, надо полностью менять технологию. Это относится и к сельскому хозяйству. Не все, что мы едим, — пища. В продуктах питания не должно быть химикалий. Зеленые Литвы предложили отказаться 2 недели покупать некачественные молочные продукты, содержащие вредные вещества. Наша газета давала об этом подробную информацию. Когда покупка молока сократилась наполовину, Агропром, наконец, принял меры и обязался улучшить качество молока.

В нашей газете мы пишем обо всем, что волнует Зеленых, о наших планах и делах по охране природы.

Эльдорадас Бутримас:

Прошлым летом я был участником экологического похода

по рекам Литвы — Нярис и Нямунас. Его организовал каунаский клуб «Атгая». Плыли на плотках и лодках. 8 дней в пути было около 700 человек. Самому старшему — 80 лет, самому юному — 1,5 годика. В походе исследовали речную и колодезную воду. В редких колодцах оказалась пригодная для питья вода. Встречались колодцы, где невозможно определить загрязненность из-за бурного роста бактерий. Обнаружили, что загрязненность подземных вод вокруг завода «Азот» в Ионаве превышала допустимые нормы по аммиаку — в 2 тысячи раз. И так было еще задолго до аварии! В речках мы находили бутылки, консервные банки, мебель, автомобильные покрышки, прицеп, а также все, что выносит бытовая канализация. Но все это ерунда по сравнению с загрязненностью различными химическими элементами. Видели мы и пятна нефти, и мертвую рыбу... В прошлом веке в притоках Нямунаса в изобилии водилась ценная рыба. Сюда приплывали на нерест огромные лососи. Давно исчез лосось, неманская сельдь, многие виды известны нам только по рассказам и Красной книге...

«Выжить или уничтожить себя» — под таким лозунгом проходил этот поход. Мы собирали по берегам мусор, выясняли источники загрязнений, разговаривали с живущими здесь. За эти дни провели 11 митингов, в которых участвовало около 80 тысяч человек. В путешествии не один задумался, как произошло, что люди должны все спасать от самих себя? Но главное не молчать, а действовать.

Фото В. Щавинскаса

Алексей ШЛЫГИН

Рисунок А. Ивашенцовой

РОБОТ

Робот — мастер на все руки...
Но запахло дымом вдруг —
Это робот гладил брюки
И не выключил утюг...

Не умрешь с таким от скуки:
Без одной штанины брюки...
Робот ножницами вмиг
Шорты сделает из них!

Щелкнул раз — и все в порядке.
Ну и робот! Молодец! —
Срочно вырастил на грядке
Электронный огурец.

Овощ — метра в полтора —
Подавать на стол пора.
Только жаль, что не откусишь, —
Из пластмассы кожура...

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Взглянув на листок,
Он сказал: «Чепуха!..»
И начал советовать
Мастер стиха:

— Ты строчки
Под нужный размер подгони —
Различной длины
Получились они.

И строго добавил:
— Прикинь, не спеши.
Не вышло на глаз —
Под линейку пиши...

Такие однажды
Сказал мне слова
Известный поэт
Из четвертого «А»...

С АНГИНОЙ

С болонкой по Неглинной
Гуляла тетя Тома.
А я сидел с ангиной,
Не выходя из дома.

А день был длинный-длинный
И хмурый, словно бука...
Сидеть вдвоем с ангиной —
Какая это скука!

В гостях сестра Ирина,
И брат Валерка в школе.
А я сижу с ангиной —
Да что я, нянька, что ли?!

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Я ракетой летел,
Но споткнулся о пень,
И каблук отлетел,
Как вторая ступень...

И от потери скорости
Я приземлился вскорости...

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

КАК ПОБЕЖДАЕТ ДРУЖБА

Венгрия
Город Дунайварош.
Шестые международные соревнования юных спортсменов. Как они проходили? Рассказывают участники соревнований.

Войцех Романьский, Польша: — Живу в городе Седльце. Учусь в 7-м классе. Кем буду в жизни, пока не знаю. Но думаю, спортсменом я не стану. Спортом занимаюсь потому, что все харцеры должны уметь хорошо бегать и прыгать. Еще я люблю играть в футбол. Капитан нашей футбольной команды. Поэтому, когда мы поехали сюда на соревнования, харцеры выбрали меня капитаном. Как собираемся выступить? Для нас главное — участие, а не победа. Если бы сюда приехали не харцеры, а команда Школьного союза спортсменов Польши, они бы мечтали только о победе.

Анита Аризер, Венгрия: — Спортом я увлекаюсь с 1-го класса. Мечтаю стать спортсменкой. Если моя мечта осуществится, смогу увидеть многие страны мира. Наша команда очень дружная. У нас в школе каждую неделю — четыре урока физкультуры. А еще мы каждый день тренируемся. У меня есть три брата: Янош, Чоба и Питер. Они тоже любят

спорт. В школе я изучаю русский язык. Если читатели журнала «Костер» захотят со мной переписываться, они должны писать по адресу: Венгрия, город Мишкольц, школа № 21, 7-й класс, Аризер Аните. Я буду рада отвечать на их письма.

Ирэна Валова, Болгария: — Я из города Пловдива. Он находится на берегу Черного моря. В нашем городе живет и чемпионка мира по прыжкам в высоту Стефка Костандинова. Наверное поэтому многие ученики школы, где я учусь, влюблены в этот вид спорта. Тренеры считают, что я могу стать хорошей прыгуньей. Об этом даже в газете писали. Статья называется «Ирэна и Стефка». Но я считаю, что моя школьная подруга Красимира Трифонова прыгает лучше, чем я. Каждый раз, когда я ей проигрываю на соревнованиях, я говорю себе: «Не плачь. В следующий раз ты обязательно победишь Красимиру». Но сделать это не так просто. Она тоже хочет стать такой же знаменитой, как Стефка Костандинова.

Михаил Поганы, Чехословакия: — Ребята из нашей команды живут в городе Дунайская Стреда. Наша команда — мальчики и девочки — самые младшие по возрасту среди всех участников этих соревнований. Мы долго к ним готовились и надеялись стать победителями. Но нам очень не повезло. За две недели до поездки в Дунайварош случилась беда. Автобус, на котором мы ехали из Праги, свалился в пропасть. Двое ребят — Андреа Надьова и Петер Балацар погибли. После этого нас даже хотели не посылать в Дунайварош. Многие тренеры говорили: «Они же — из этого автобуса. У них — шоковое состояние». Мы отвечали: «Но мы же не виноваты в этой катастрофе. Вы знаете, Андреа и Петер

мечтали туда поехать». Тренеры долго думали и согласились с нами. И вот мы приехали в Дунайварош. И даже если бы мы здесь победили, мы бы все равно были печальными...

Наташа Середкина, 7-й класс школы № 8 города Тихвина Ленинградской области: — Когда Николай Николаевич — наш тренер сказал, что через три дня поедem в Венгрию, никто не поверил: до этого дальше Ленинграда на соревнования не ездили. И до самого последнего момента, пока не сели в самолет, не верили. Конечно, нам здорово повезло. Все было как в сказке. Столько впечатлений, что не знаю, о чем рассказывать. Понимаете, мы не только участвовали в соревнованиях, но и познакомились с жизнью наших венгерских друзей. Особенно запомнилась экскурсия по Будапешту, его архитектурные памятники, старинные мосты, Королевский замок на крутом берегу Дуная. А Дунайварош мы теперь знаем не хуже нашего Тихвина. Он тоже очень красивый. В переводе с венгерского Дунайварош — новый город на Дунае. Теперь в этом городе у каждого из нас много друзей. Как выступили? Думаю, могли лучше. Знаете, я, как увидела на стадионе флаг нашей страны, просто испугалась. Никогда не думала, что защищать честь нашей страны так трудно. Это же — такая ответственность. Во время соревнований почти все наши ребята установили личные рекорды. А Сереже Загорскому даже вручили медаль за победу в беге на 60 метров. Сережа расстроился: ведь победил не он, а мальчик из Венгрии. Но как сказать об этом судьям — при награждении переводчика с нами не было. Вернув медаль, он стал объяснять, как было дело. Он говорил по-русски, но его все поняли...

Сорок лет он снимает только детей

Я бы, наверно, никогда не догадался о его профессии, несмотря даже на фотоаппарат и кофр с фотообъективами. Бросались в глаза его руки. Большие натруженные ладони крестьянина или каменотеса.

— Отец мой работал в каменоломне, — рассказал мне потом Микаэл Кочарян. — Добывал камень для строительства. Камней у нас в Армении хватает. Отец и умер во время работы. Мальчишкой помню, как он возвращался домой и просил принести спички и смолу. Я зажигал спичку, и растопленная смола заливала кровавые трещины на ладонях отца.

Младший брат Микаэла Кочаряна погиб в первый же год войны, защищая Севастополь.

Старший брат работал кинорежиссером. Был даже ассистентом режиссера у Сергея Эйзенштейна.

А Микаэл Кочарян — фотограф. Фотокорреспондент газеты «Пионер канч». В 1949 году он пришел в пионерскую газету со своим ФЭДом. 40 лет он снимает только детей. Причем до недавнего времени работал всего на полставки, то есть за 60 рублей в месяц.

Многие считают его чудачком. Мол, мог бы много зарабатывать, печататься везде или ушел бы в фотоателье.

— Никогда меня деньги не интересовали, — ворчит Микаэл. — У меня есть моя работа, и я ее люблю. Ничего мне больше не надо.

— Микаэл Самвелович, не могли бы вы дать свою фотографию для «Костра»? — попросил я.

Кочарян замялся.

— Знаешь поговорку про сапожника, который ходит без сапог? — Так и фотограф...

Он рассмеялся. Морщины на его лице разгладились, и в эту минуту он показался мне удивительно молодым человеком.

С. МАХОТИН
Фото Микаэла Кочаряна

БОРОТЬСЯ И ПОБЕДИТЬ!

Таков девиз доблестных разведчиков АРЧЕБЕКА, которые в январе следующего года начнут состязаться в Чемпионате в разных конкурсах по шахматам и шашкам, чтобы завоевать — что?

Спортивный разряд!

Диплом и приз!

Почетное звание чемпиона (среди мальчиков) и чемпионки (среди девочек) славной Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток!

Всем шахматистам и всем шашкистам (возраст не ограничен), желающим сразиться в этом Чемпионате, нужно немедленно достать открытку и написать заявку: «Прошу принять меня...» и т. д.

Приняты и зачислены в разведчики и в Чемпионат будут все!

А как быть не умеющим играть? Их зачисляют в Особый Отряд Резерва, где они получают необходимую подготовку.

Спешите, спешите, спешите записаться в Чемпионат-90!

(Адрес: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК)

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Майский приз» («Костер» № 5) награждаются разведчики: Женя Ермоченкова (Болотное) — за задачу № 1, Дима Солонков (Нижний Тагил) — за № 2, Ильдар Нигматуллин (Салават) — за № 8, Сережа Камсков (п. Ангарский) — за № 4, А. Обухов (Ленинград) — за № 5. А за решение всех пяти задач — Р. Морозов (Тольятти), Женя Султанова (Пермь), Галя Хакимова (п. Буревестник).

Верные ответы. В задачах Авенира Шапошникова черный король мог стоять так: в № 1 — на a8 (и тогда 1.Крс8 или 1.Крс7), на a7 (1.Крс8, или 1.Крс7, или 1.Лb4), на a5 (1.Крс6), на b7 (1.Ла4), на e5 (1.Лd4), на h7 (1.Лg4); в № 2 — на f4 (и тогда 1.Кре6); в задаче Николая Зиновьева (№3) — на h5 (и тогда 1.e8K!). В №4 конь ловится — 1.Лd7+ Кре6 2.Ла7; 1... Кре8 2. Лb7. В № 5 белые достигают ничьей — 1.Лf6+! Ф:f6 2.e5+.

Помимо призеров, верные ответы прислали и многие другие разведчики — всем им шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!

КОМУ ВСЕ ЯСНО?

Чехословацкого гроссмейстера Рети корреспондент спросил:

— Чем, по-вашему, сильные игроки отличаются от слабых?

— Там, где для сильного игрока многое еще тайна, для слабого все уже ясно, — с улыбкой ответил Рети.

— Не понимаю... Вы говорите, для сильного тайна там, где для слабого все ясно?

— Не понимаете? Тогда смотрите! — И Рети расставил фигуры.

— Здесь ход белых. Какой должен быть результат?

— Вы шутите, гроссмейстер! У белых всего одна пешка, которую вот-вот побьет черный король, а у черных три защищенных. Даже мне абсолютно ясно, что белым надо сдаться!

— Ваши слова «даже мне» — означают, что вы считаете себя игроком слабым?

— Наислабейшим! Но тут даже я ясно вижу, что...

— Один момент! — перебил Рети. — Установим два факта: «вы игрок слабый» и «вы тут ясно видите». А теперь спросим игрока сильного. — И он подзвал молодого шахматиста.

— Гм... Надо подумать... — сказал тот и погрузился в раздумье.

— Вот видите! — шепнул корреспонденту гроссмейстер. — Ему, оказывается, еще ничего не ясно... Ну что ж, полождем.

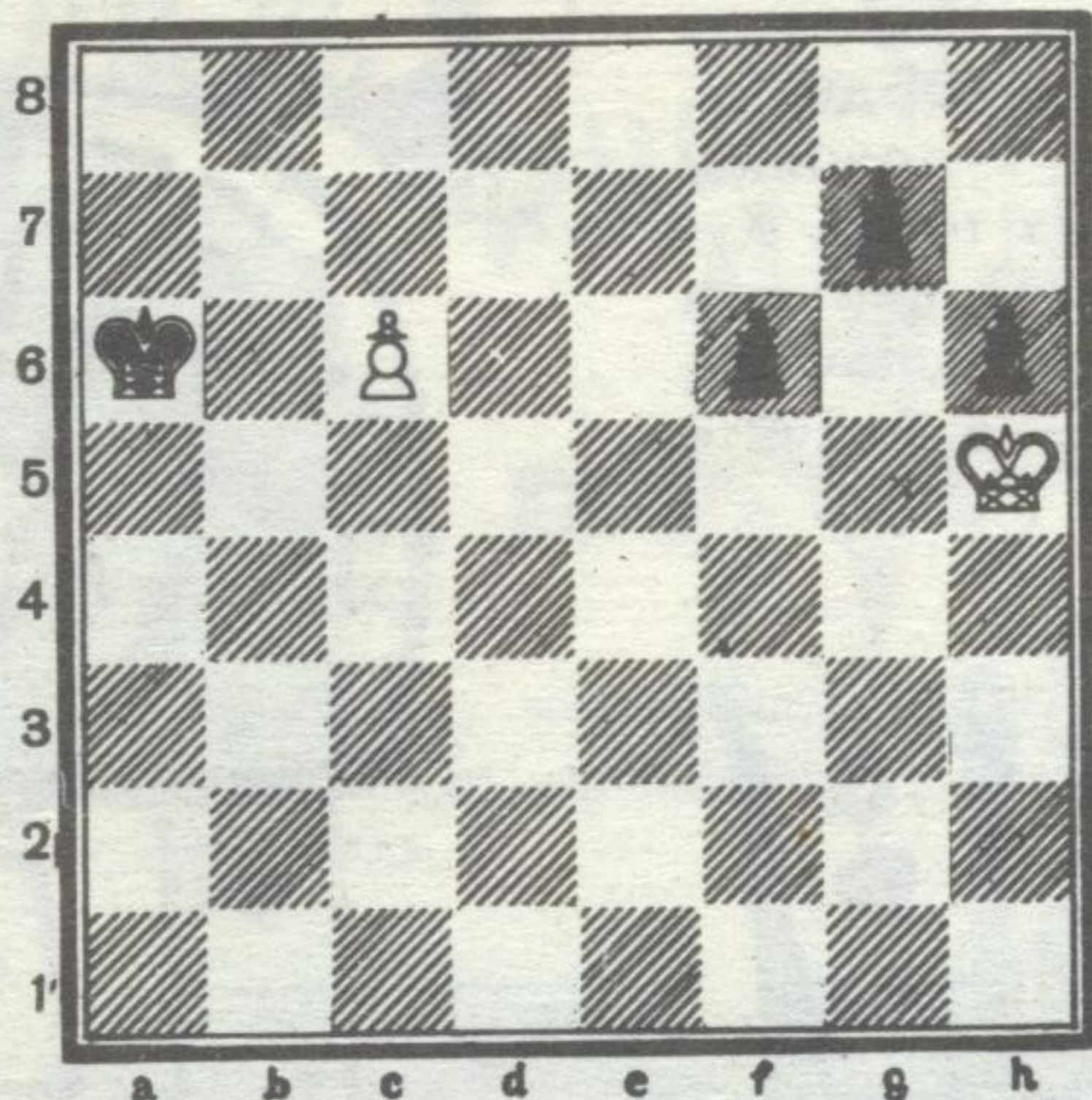
Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. Наконец молодой шахматист оторвался от доски:

— Могу сказать! Белые добьются ничьей! Вот так, — и он продемонстрировал ходы.

— Вы продолжаете сомневаться? — обратился к корреспонденту довольный Рети.

Тот только рассмеялся и вскинул руки вверх.

Был ли разговор слово в слово таким? Возможно, и нет... Но что в приведенном этюде Рихарда Рети белые делают ничью — это уж точно. Кто же, доблестные разведчики, покажет, «каким образом?» (См. диаграмму.)

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

В следующем номере «Костра» будет проведен конкурс «Новогодний приз». Чтобы лучше к нему подгото-

товиться, заходите в «Тренировочную кабину!» Три задачи на мат в 2 хода, которые вы тут обнаружите, составил и прислал из Днепропетровска победитель ряда Чемпионатов АРЧЕБЕКА Олег Шалыгин.

№ 1. Белые: Крс7, Фb7, Сg1, Кh6, п.h4; черные: Крf4.

№ 2. Белые: Крс8, Фd4, Лg3, Се2; черные: Кра5, Се7, пп.b5,b6.

№ 3. Белые: Крf7, Фа5, Ла7, Се5; черные: Крс6, Са8, п.с5.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда были доставлены по две позиции РШ и МШ.

а. Белые: a7, d4, e3, f4, g3, h6; черные: a3, b8, f6, f8, g7, h4.

б. Белые: a5, b4, c3, d4, f2, h4; черные: a7, c7, e3, e5, e7, f6.

в. Белые: 22, 28, 32, 39, 40; черные: 12, 19, 21, 23, 35.

г. Белые: 28, 30, 33, 34, 37, 48; черные: 13, 14, 15, 26, 32.

Разведчиков, берущихся найти и показать пути к победе белых хотя бы в одной из позиций, просят срочно сообщить об этом в Штаб АРЧЕБЕКА.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

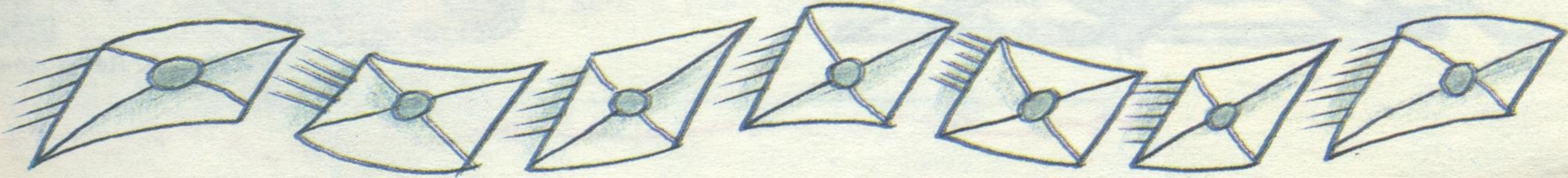
Чемпионат — ШХМ. А. В 3 хода — 1.Лg6! Cd2 2.Лg2; 1... Се3 2.Лg3; 1... Сg5 2.Лf2! Б. В 2 хода — 1.Фg3! В. В 5 ходов — 1.Ла3! Кр:h5 2.Кpg7 Кр:h4 3.Крf6 Крh5 4.Ла4. Г. Выигрыш черных — 1.h7 Лd8! Д. Выигрыш — 1.Крд6 Крf8 2.f7! Кр:f7 3.Кpd7 Крf8 4.Кре6 Кpg7 5.Кре7. Е. Выигрыш — 1.Ле6+! Л:e6 2. Фа6+ Крд5 3.Фс4+ Крд6 4.Фс5+.

РШ. А. 1.c7! 2.g7! 3.b8X. Б. 1.f6! b2 2.g7!X. В. 1.h4! h8 2.hg5! a1 3.a7 h8 4.g1 a1 5.gh2X. Г. 1.e5! 2.c3X. Д. 1.c3! f4 2.b2!X. Е. Белым не спастись — 1.g5 c7! 2.f6 d4! 3.e5 b8!X.

МШ. А. 1.32—28! 38 2.33! 3.21X. Б. 1.11! 2.22!X. В. 1.31! 2.42! 3.23X. Г. 1.28—22! 2.44! 3.22!X. Д. 1.39—34! 2.43! 3.30! 4.18. Е. 1.35—30! 2.40! 3.30! 4.29X.

Резерву. К ничьей ведет только 1.Крс2!

Кто сказал что? Знай: 1.Кpg2! Кре7 2.Крh3! Крf6 3.Крh4! Кpg6 4.Кpg4! Крf6 5.Крh5 Кpg7 6.Кpg5! Крf7 7.Крh6, и пешка проходит в ферзи.

Пора подумать о новогоднем карнавальном костюме. Самые простые костюмы и маски можно сделать из прочных бумажных пакетов. Выглядят они ярко, эффектно, а конструировать их, придумывая интересные детали из имеющегося материала, большое удовольствие. Для «клоуна» и «дикаря» в большом пакете прорежь отверстия для головы и рук.

В маленьком — для глаз. Броско разрисуй бумагу или укрась аппликацией. Для «петуха» приклей гребень, клюв и бахрому — оперение шеи.

В костюмах из бумажных пакетов можно использовать бахрому из ткани и бумаги (бумажная поддается «завивке» при помощи карандаша). У «дикаря» к поясу приклеены лентой лейкопластыря «бусы» — это пробки или желуди, нанизанные на бечевку. Хочешь их покрасить — окуни в водно-эмульсионную краску.

А теперь сложный костюм. «Лошадка» — костюм для двоих. Он всегда пользуется огромным успехом, а наступающий год по восточному календарю — «год лошади».

Выкройка чехла для «лошади» состоит из двух половинок. Грива (кисти вшиты между половинками выкройки) и хвост — из веревки. Чтобы придать форму шее и морде, внутри чехла вшит каркас из проволоки, а для второго человека, чтобы при движении не съезжал чехол, — тесемки, которые он завязывает на груди.

Но смешные костюмы признают далеко не все девочки. Многие предпочитают иметь романтический облик красавицы принцессы, королевы, царицы ночи, царицы цветов и прочих царственных особ. Специально для них предлагаю два вида корон. Одна склеена из картона, покрытого фольгой, и украшена блестками и тесьмой. Вторая более легкая и изящная. Ее основа из проволоки. Обтянута основа полоской фольги и украшена блестками или елочными бусами. Их можно укрепить на самих зубцах или протянуть между зубцами тонкую нитку или леску с бусинами.

А теперь сюрприз, который приготовила нам Ира Фролова, семиклассница из Пензы. Она написала сказку... с подсказкой.

СКАЗОЧНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

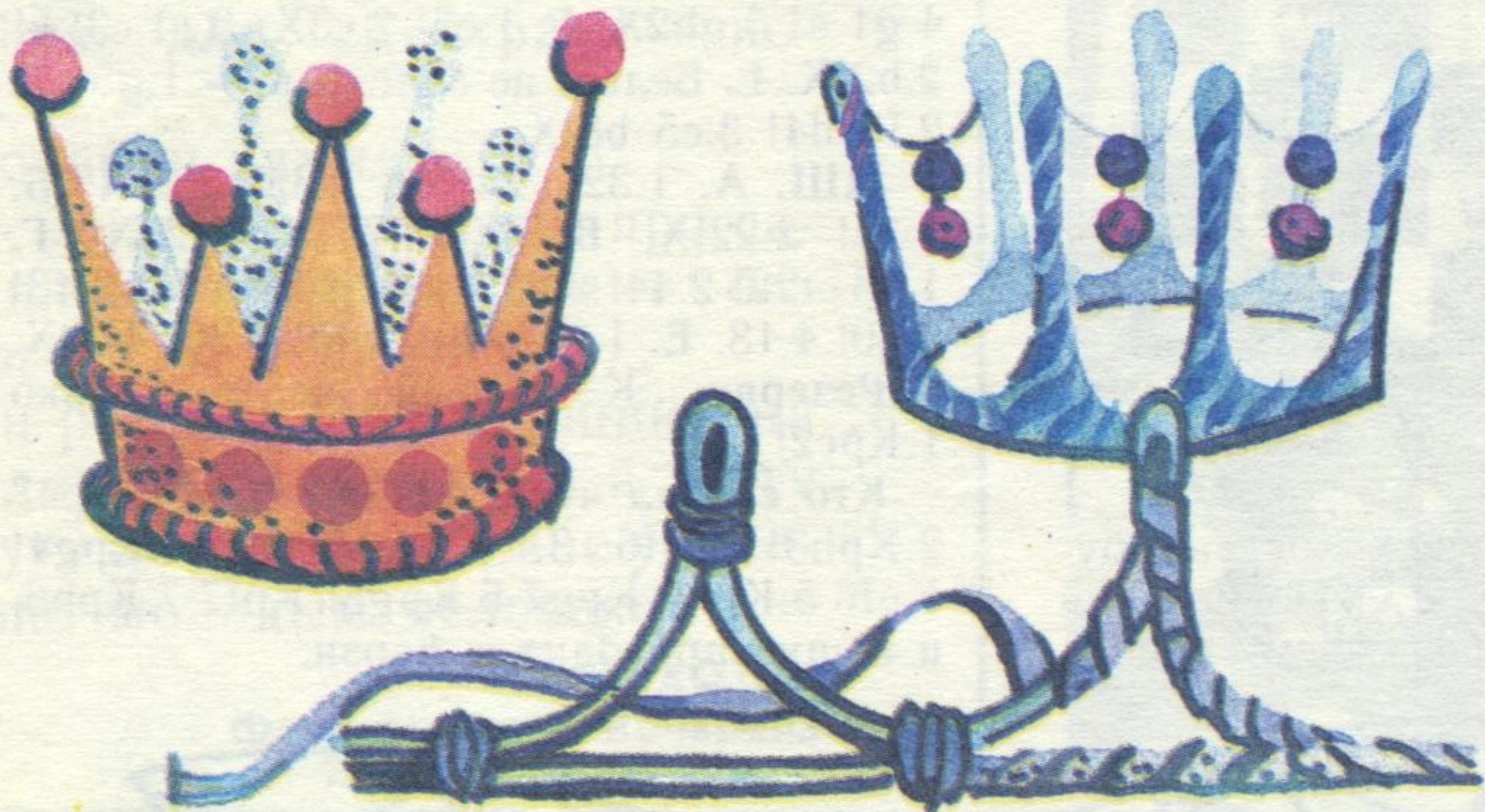
Я люблю, когда мама печет печенье. Мне нравится наблюдать, как в ловких и нежных маминых руках рождается сказка. Мама повязывает фартук, готовит тесто, и чудеса начинаются.

Она, как добрая фея, колдует над раскатанным тестом. Я тоже не сижу без дела, помогаю ей.

Вот уже зайчики, бабочки, птички, медвежата сидят на противне. Глазки у них — изюминки. Пляшет огонь за дверкой духовки, наши зверюшки покрылись золотой корочкой.

Мы сажаем их в вазу и несем на праздничный стол.

Эта идея понравилась Маше-искуснице. Вырезать птиц, зверюшек, человечков гораздо интереснее, чем выдавить рюмкой кружки или специальными формочками сердечки, звездочки и треугольники. Маша попросила художницу нарисовать фигурки, которые можно вырезать из теста. Художница нарисовала, но предупредила: в духовке фигурки немного расплывутся, это знают все, кто занимался выпечкой. А поэтому нужно делать фигурки «худенькими» в расчете на то, что в духовке они «потолстеют».

Рисунки Т. Петуховой

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Итак, в прошлом номере журнала завершился Конкурс-89 Клуба «За семью печатями». Все участники его ждут теперь двенадцатый номер, где будут названы победители и самые активные участники. А пока мы предлагаем вам новый тип задачи. Она отличается от всех других тем, что ответ на нее мы даем сразу же, и даже не один, а целых шесть! Вам надо из всех вариантов ответа выбрать всего один — правильный и прислать его в «Костер».

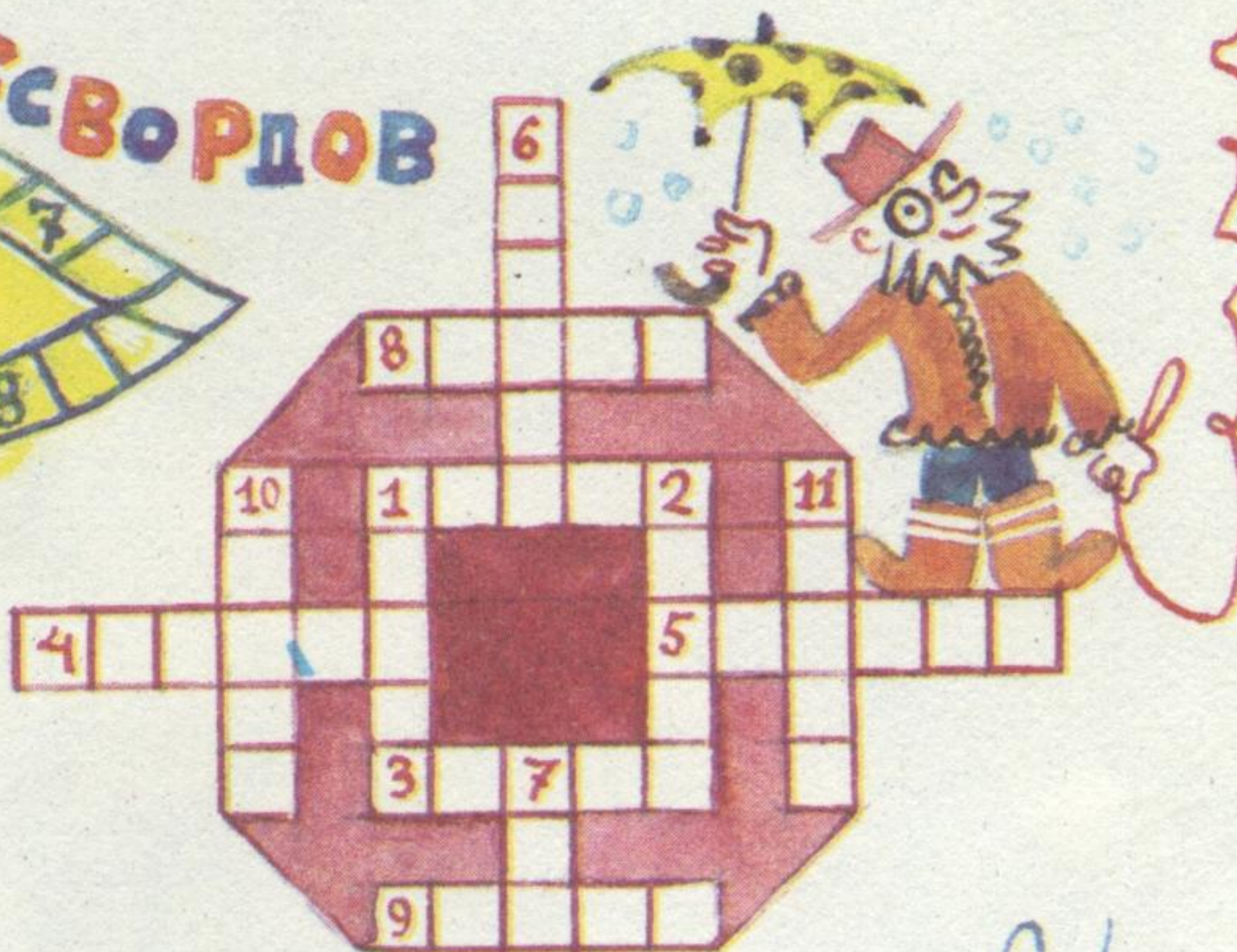
ГДЕ НАХОДИЛОСЬ УРАРТУ?

На территории какой союзной республики находилось древнее государство Урарту?

Варианты ответа. На территории — Литвы? Казахстана? Армении? Молдавии? Белоруссии? Туркмении?

Сегодня в конкурсе принимают участие сразу два кроссворда. Напоминаем вам, что лучший кроссворд года вы должны назвать сами. Присылайте открытки с фамилией автора понравившегося вам кроссворда, в № 1 следующего года мы подведем итоги. А сейчас — новые кроссворды.

Чайнворд «Птицы» Иры Анашкиной из Новозыбкова Брянской области.

1. Птица, похожая на орла. 2. Розовая птица. 3. Город в СССР, названный именем птицы. 4. Птица, которую спасла Дюймовочка. 5. Длинноногая птица. 6. Птица Крайнего Севера. 7. Порода попугаев. 8. Домашняя птица. 9. Крупная морская птица. 10. Самая большая птица на земле. 11. Птица, прилетающая к нам на зиму.

Кроссворд Олеси Бабчинской из Астрахани.

По вертикали: 1. Птица. 2. Хищная рыба. 6. Певчая птица. 7. Перелетная птица. 10. Пушной зверек. 11. Мелкий морской рачок.

По горизонтали: 1. Порода собаки. 3. Пушной зверек. 4. Лесной зверь. 5. Моллюск. 8. Хищная птица. 8. Сельдь.

Попробуйте, меняя последовательно по одной букве, превратить слово **рота** в слова **полк**.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

№ 10

Конь и раковины

Раковин понадобится — 4 194 303 штуки.

Конкурс кроссвордов

1. Верблюд. 2. Дромадер. 3. Рысь. 4. Анта. 5. Пума. 6. Барсук. 7. Кролик. 8. Каракал. 9. Леопард. 10. Динго.

Девятью цифрами

123—45—67+89=100

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
А. Н. АЗЕМША

Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор
Г. А. БЕЛЬТЮКОВА

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Сдано в набор 05.07.89.
Подписано в печать 13.09.89.
М-21232
Формат 60×90^{1/8}
Печать офсетная
Усл. печ. л. 6
Усл. кр.-отт. 22
Уч.-изд. л. 8,1
Тираж 1 330 000 экз.
(2-й завод 50 001—1 330 000)
Заказ № 2847
Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 9—504. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

— Перед тобой чертежи модели старинной морской пушки. Для изготовления модели можно увеличить сетку в два раза (каждая клеточка будет размером 1×1 см) и перенести на нее все линии чертежа. Тогда твоя модель будет в два раза больше, чем на чертеже. Но можно сделать и совсем маленькую модель. Размеры всех деталей соответственно уменьшатся. Клеточка — это масштаб измерения. Если она 1×1 см, а, скажем, диаметр колеса пушки занял 3 клеточки, значит, диаметр — 3 см и т. д.

Из березовых досочек соответствующей толщины выпиши все детали станка — деревянной части настоящего орудия, на котором закреплялся ствол. Колеса и ствол выточи из березы на токарном станке. Если нет станка, можно обработать их и вручную, но это займет много времени, так как эти детали должны быть аккуратно сделаны... Детали станка и колеса протрави бейцем или марганцовкой до темно-коричневого цвета. Высуши и склей между собой (кроме

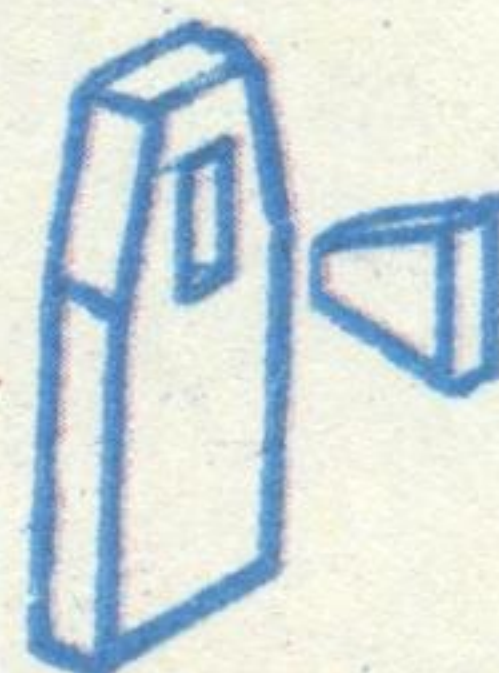
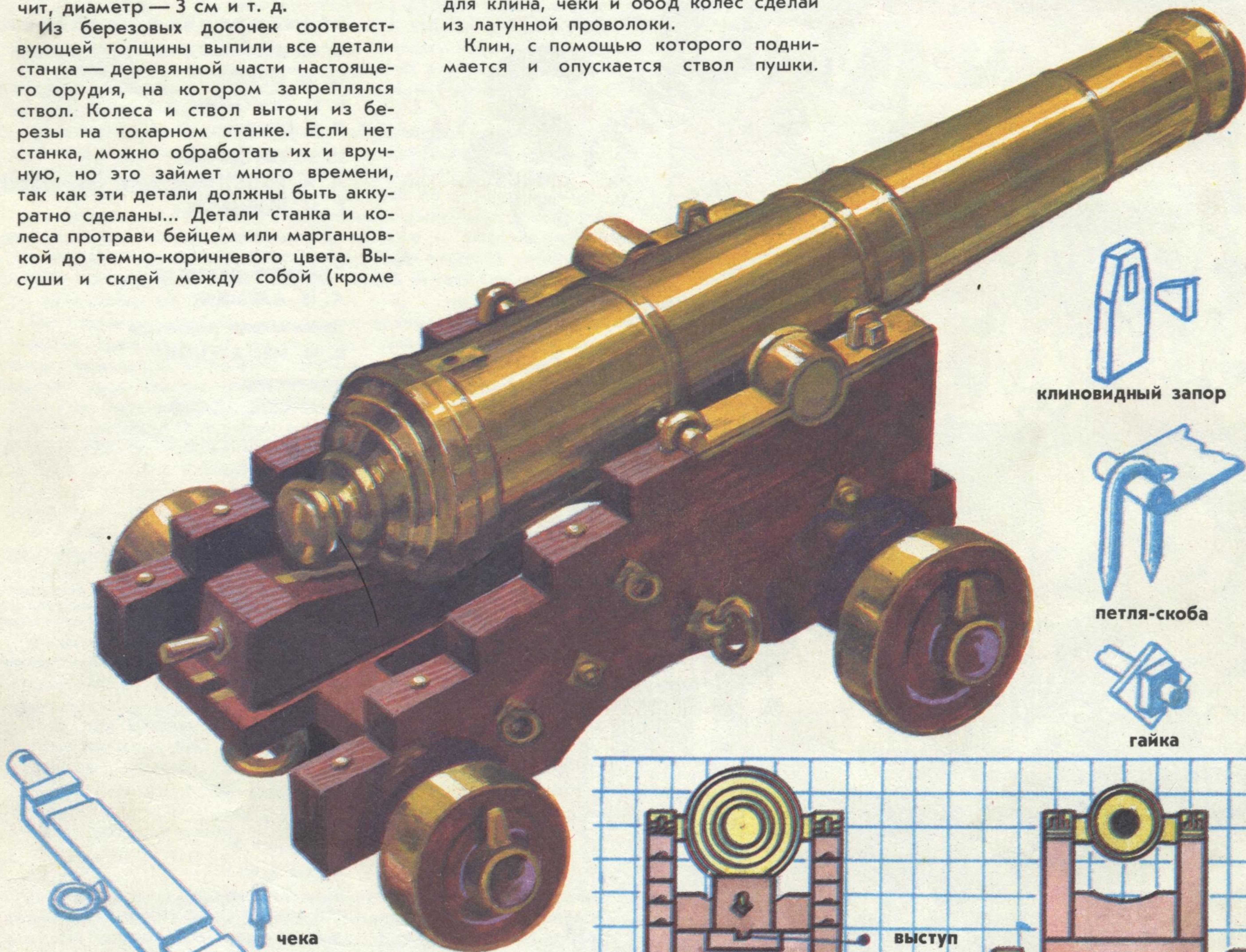
колес и клина). Используй клей БФ-2, синтетический или нитроклей. После склеивания покрой станок, колеса и клин лаком. Ствол пушки ошкурь и покрась бронзовой краской. В стволе просверли поперечные отверстия, в которые вклей деревянные цилиндрики — цапфы. Их также покрась бронзовой краской. С помощью цапф ствол крепится в ложементы станка. Сверху цапфы прижимаются к ложементу латунными планками. Все рамы, обухи, гвозди, гайки, ручку для клина, чеки и обод колес сделай из латунной проволоки.

Клин, с помощью которого поднимается и опускается ствол пушки,

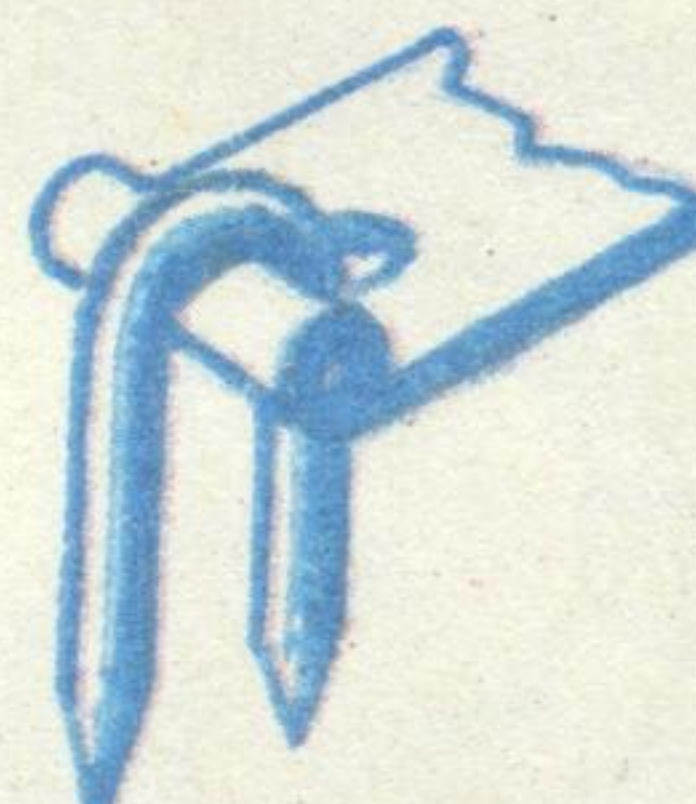
СДЕЛАЙ САМ

должен свободно перемещаться по доске. Для этого в ней сделай углубление — паз, а на нижней стороне клина — выступ, входящий в паз. Для лучшего скольжения края паза обклей латунной фольгой. Модель пушки может быть интересным экспонатом не только дома, но и в кружке школьных судомodelистов или в кабинете истории в твоей школе.

И. СЕКРЕТАРЕВ
Рисунки автора

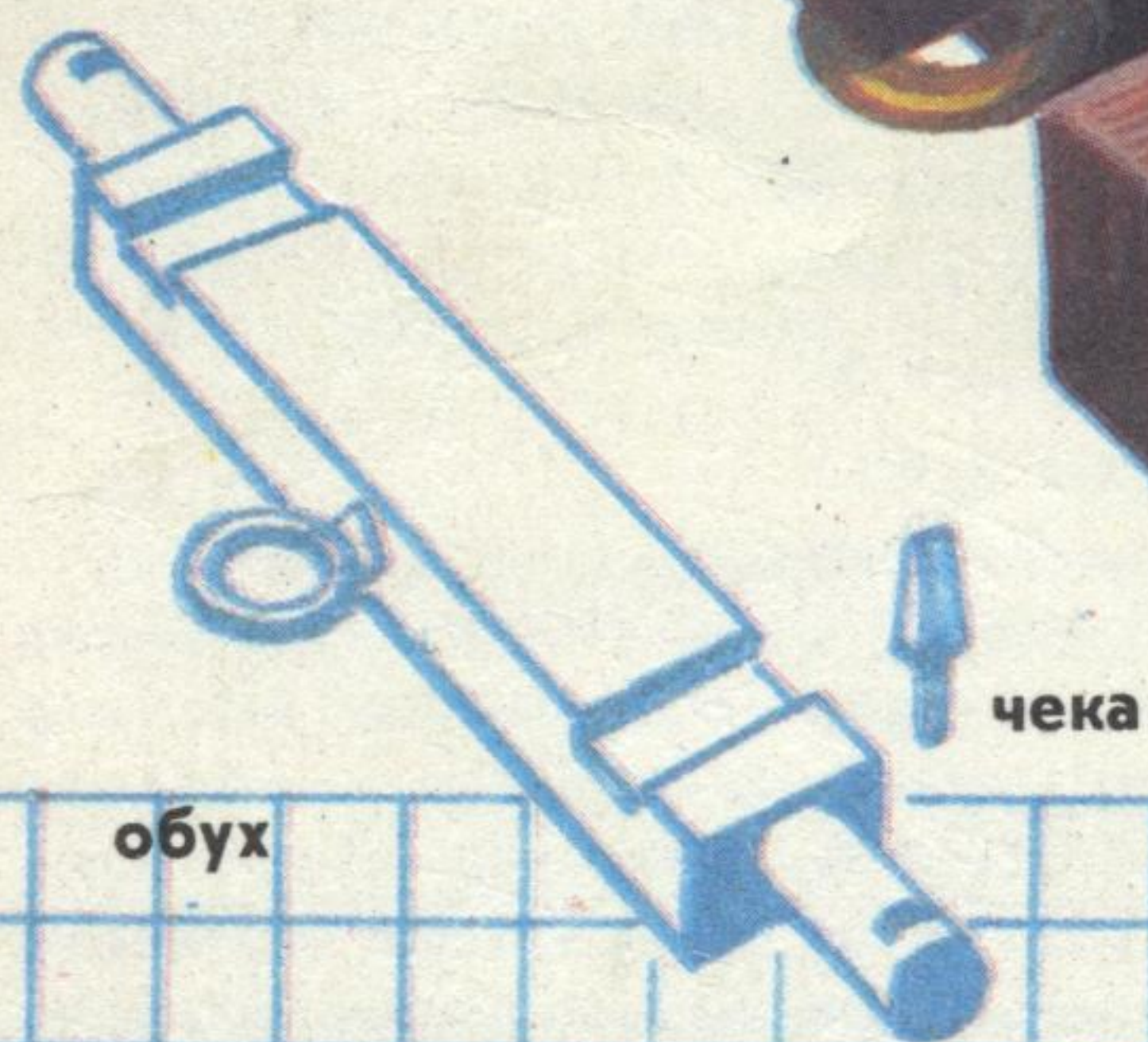
клиновидный запор

петля-скоба

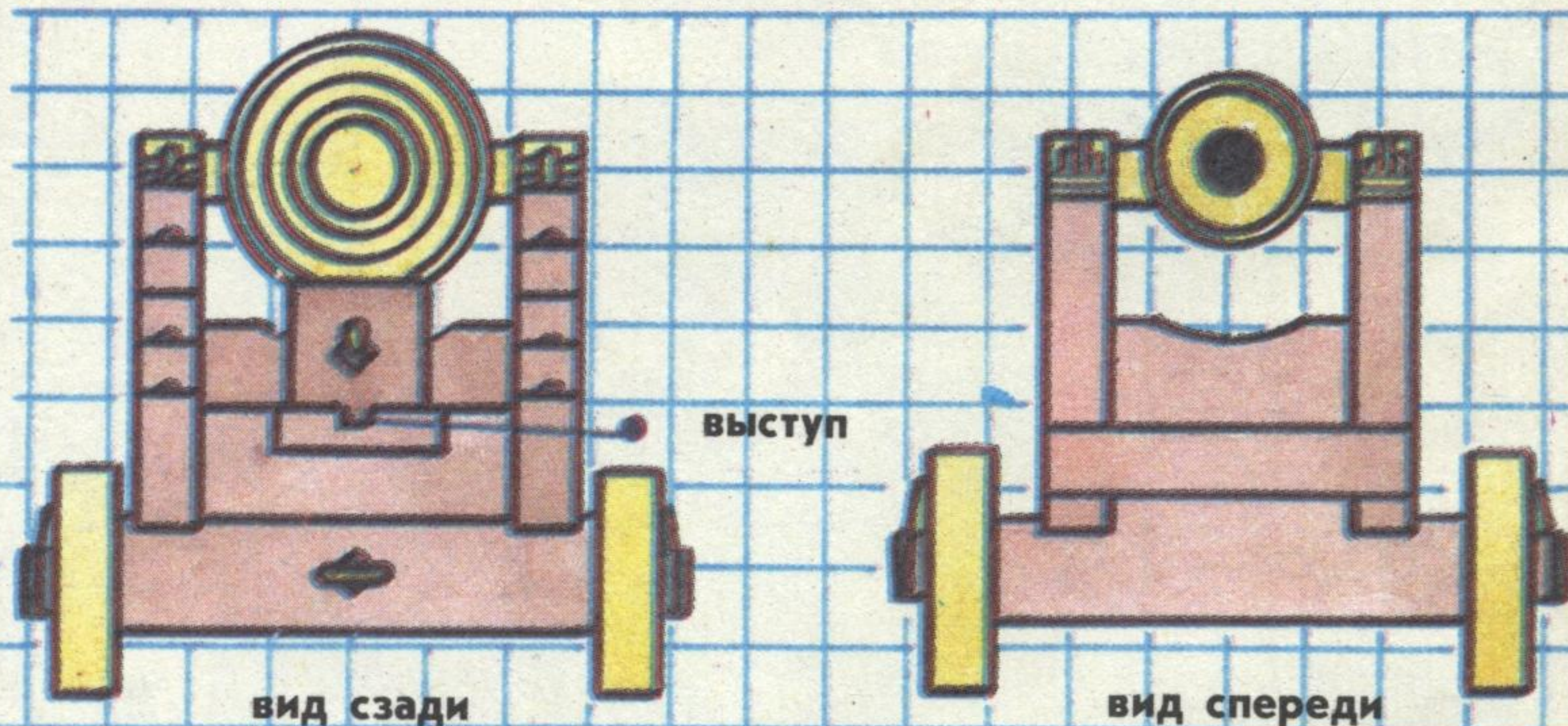

гайка

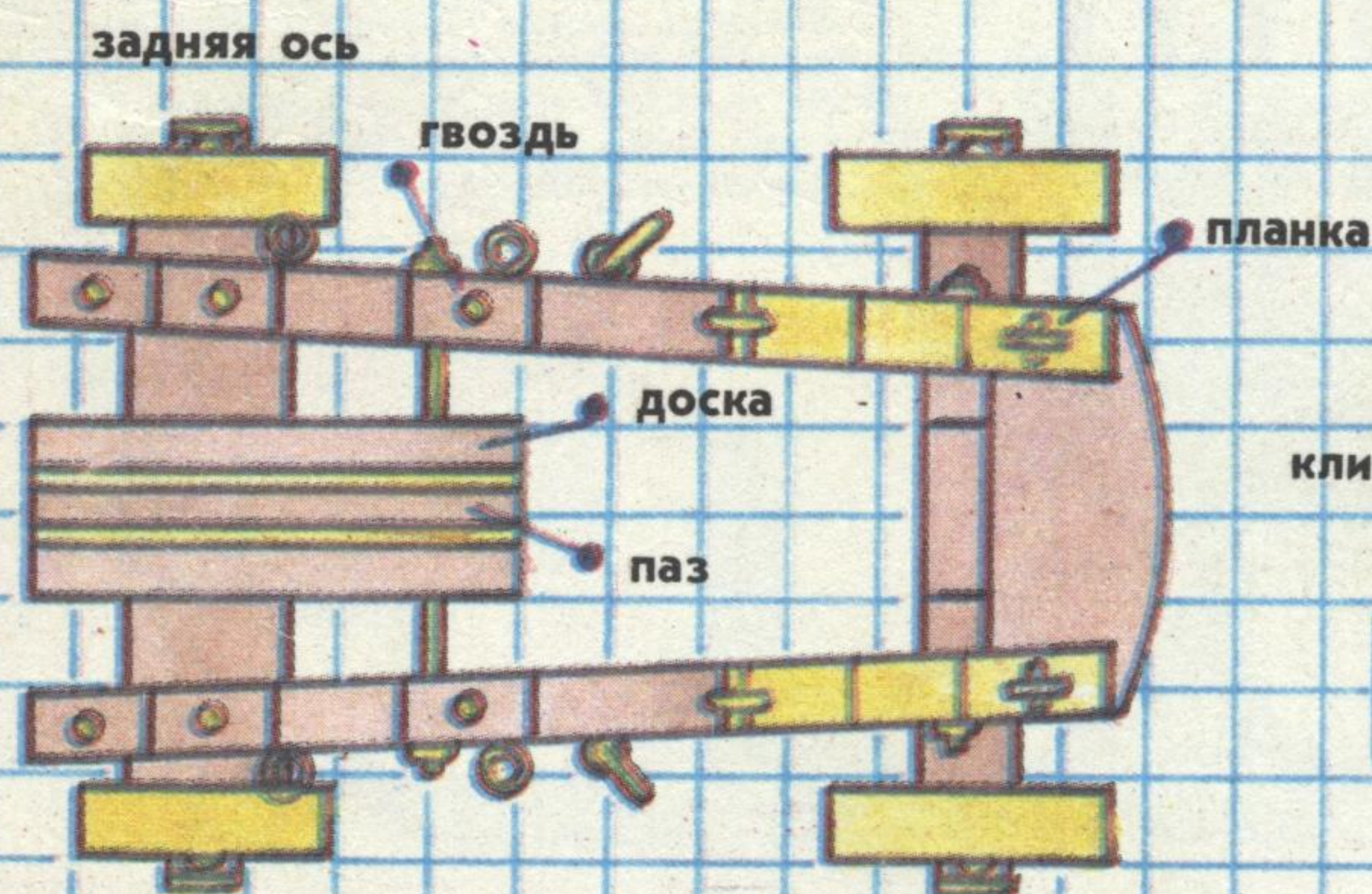
обух

чека

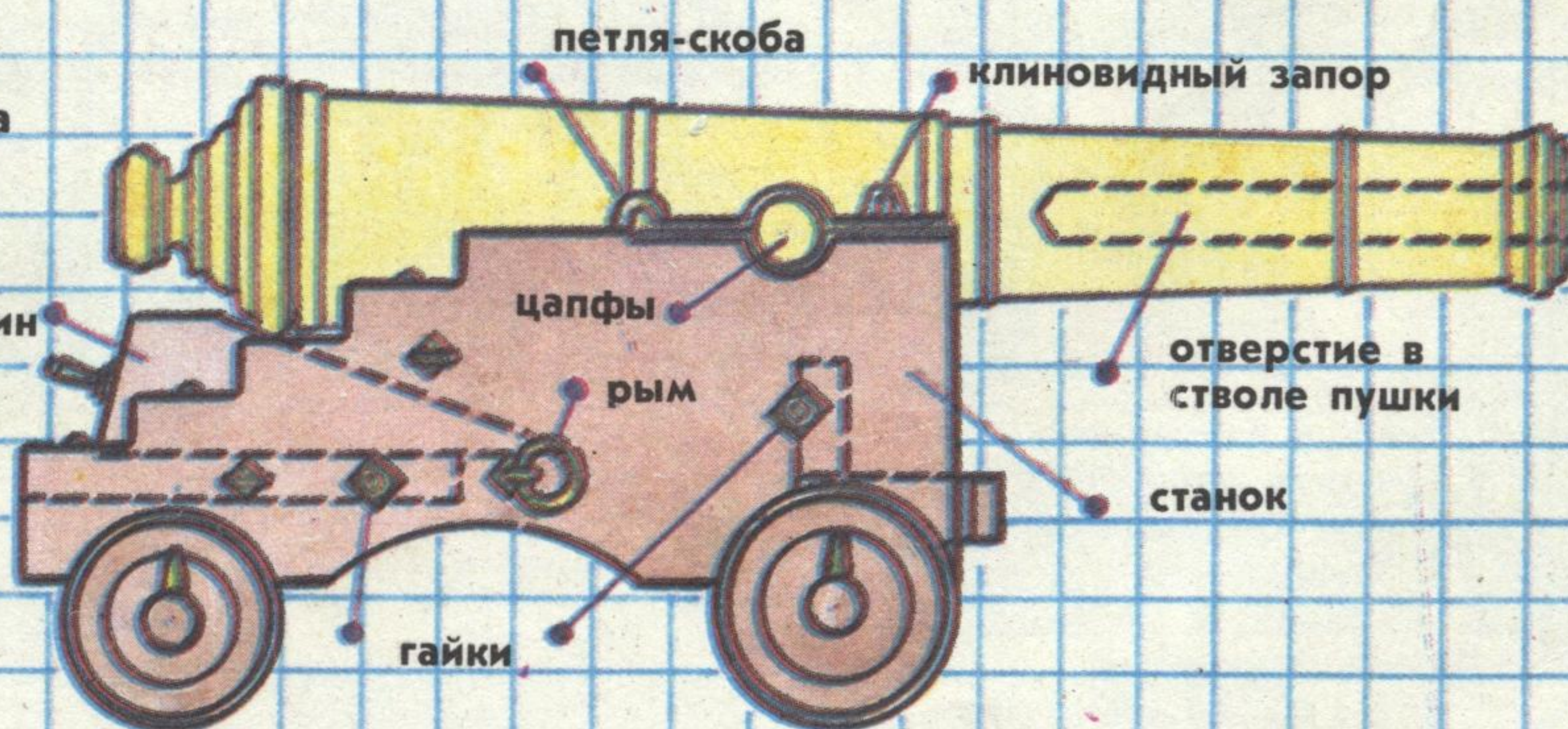

вид сзади

вид спереди

вид сверху (без ствола)

вид сбоку